ФУТБОЛЬ

АЛЕКСАНДР ТКАЧЕНКО

Детская литература

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Футбольные записки Александра Ткаченко — простые повседневные футбольные истории, в которых покорители стадионов предстают людьми, без ореола любимцев публики. Пахарями своей гладиаторской работы…

Александр Ткаченко был любимцем футбольного Крыма. И не только. Серебряный призер чемпионата СССР - 65 среди дублеров, играл, помимо «Таврии», в ленинградском «Зените», московском «Локомотиве», но, увы, в 25 лет был вынужден завершить карьеру из-за травмы позвоночника.

Утверждают, что первые свои стихи Александр Петрович начал писать в Центральном институте травматологии и ортопедии, где Зоя Сергеевна Миронова помогала ему вновь встать на ноги. И теперь у Ткаченко набралось уже десять книг стихов. Он почетный член Американского писательского центра, член Исполнительного комитета Международного парламента писателей в г. Страсбурге, а дома — генеральный директор правозащитной писательской организации Русский ПЕН-Клуб. Вот к чему, оказывается, может привести вовремя полученная футбольная травма.

На обложке: «Распятие футболом». Работа автора книги. Холст, масло. 60х90. 1976 г.

- ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
-

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Александр Ткаченко — законченный футболист. Я имею в виду состояние души. И поэзия для него — это необозримое футбольное поле, местами напоминающее стерильный английский газон, а местами кочковатое, тяжелое, вязкое, мокрое, как в Самаре в начале сезона. На английском газоне — техника, изящество, дриблинг рифм и аллитераций. На самарском — работа, пот, рваная аритмичная строка…

И жизнь моего друга Саши Ткаченко тоже похожа на футбол, в котором для победы необходимо все — сила, хитрость, обводка, точный пас, самоотдача… Он получает травмы, но сам действует в рамках правил, играя в этой жизни корректно… Правда, если мяч хорошо ложится на ногу, он бьет от души, бьет так, чтобы вратарю «ручонки отсушить». В этот момент ему все равно, кто перед ним — профессионал или любитель. Им владеет жесткая футбольная логика: вышел на поляну — играй! Готовься к бою, красавчик!..

В 1981 году, если не ошибаюсь, оказались мы с ним между Симферополем и Севастополем — на летней базе команды «Таврия». Тренер попросил нас выступить перед игроками. Тогда это называлось «снять напряжение». Футболисты отдыхали после обеда, и мы с Сашей вышли на поле «постучать». Сначала я пробил ему десять одиннадцатиметровых. Потом настала его очередь. «Саня, — сказал

я, наблюдая, как сосредоточенно устанавливает он мяч, — только без зверств». «О чем ты говоришь, — сказал он. — Исключительно на техничку».

Мяч, пущенный им «исключительно на техничку», летел мне прямо в физиономию, и я инстинктивно выставил вперед свои расслабленные руки… Стало больно, и левая кисть моя повисла… И тошнота подступила… Врач «Таврии» наложил мне шину. А вечером в Симферополе рентген показал перелом запястья. «Маразм! — переживал Саша. — Впервые в жизни нанес травму! И кому?! Своему другу!»

Где-то заполночь черт дернул нас вспоминать составы московского «Торпедо», начиная с 1960 года. Запнулись на одном из защитников… Островский? Нет. Медакин? Нет. Краснов? Тепло, но не он… До утра вспоминали — не вспомнили. Еще два дня перебирали всех — безрезультатно. Завелись, как пацаны… Беспросветно. Потом я уехал в Москву. Следующей ночью он мне позвонил, назвал фамилию. Близко, но не то… Коренастый был защитничек, цепкий… Короткая такая фамилия… Долго еще ночами перезванивались… Два абсолютно сумасшедших человека… Постепенно я смирился с тем, что фамилия торпедовского защитника так и останется для меня неразгаданной тайной…

Спустя месяца полтора раздался мне днем телефонный звонок. Звонили с телеграфа. «Товарищ Арканов?» — «Да». — «Вам телеграмма из Симферополя.

Зачитать или переслать по адресу?» — «Читайте». — «Читаю: Андреюк». — «Все?!» — «Все».

«Добил»-таки Саня Андреюка! И мне полегчало… Правда, рука еще год на погоду реагировала…

Аркадий Арканов

В моих записках нет ничего придуманного. Все это было со мной либо с моими футбольными друзьями, родство с которыми я чувствую до сих пор самое сильное. Ибо пережито это было всерьез молодым, сильным организмом, молодой и страстной душой, всем существом, бескорыстно любящим эту великую игру — Футбол.

Когда смотришь, как играют футболисты, с высоты трибун Лужников, то действо напоминает перекатывание внутри пустого ящика от письменного стола застывших пластилиновых фигурок.

Если спуститься вниз, мимо удивленно осматривающих тебя фанатов к самой кромке поля, то непременно будешь потрясен хрустом рвущейся под шипами бутс травы, ором игроков, вспыхивающим матом, харканьем сухой слюной, обрывками фраз, клокочущими где-то в кратере гортаней и легких «ты чтоблядьсуешьвстык…»

Вы будете поражены обилием звуков настоящей сечи, хрипа упавших на траву от ударов по голени, проклятиями за незабитый гол или плохой пас.

Но болельщик этого ничего не слышит. Он слышит только самого себя, рядом сидящих, весь стадион, иногда еще гул самолета, высоко пролетающего над стадионом. Тогда он отрывается от игры, вдруг замолкает, ведет взглядом сверкающую игрушку и шепчет: «Во бля, прет…» Или еще после пенальти — «куда ж ты фуфло пыряешь, я ж не за это платил…» Но больше всех и дальше всех слышит сам игрок. Всё. Даже шепот на отдаленных скамейках: «Ну как тебе этот?» (Это про него). «Да так, ничего пылит, иногда». (И руки его опускаются. И мяч все чаще ходит мимо него). Или наоборот — «класс, колотуха у него, не дай Бог, ручонки отсушит любому киперу. Да и бежит, как электричка… не зря взяли…» (И он поднимает голову, машет своим — мол, ну что же я стою, играйте на меня…) И вот уже стадион весь орет вслед его рывку.

Когда идешь вперед, то возвращаешься к началу, к маленькому провинциальному стадиону, где ты проводишь все пыльное и жаркое лето среди футболистов местной офицерской команды. Они целыми днями стирали свои гетры, плавки, трусы, футболки, потом купались под душем и загорали. А часам к пяти начинали тренироваться. Я подавал им мячи из-за ворот, каждый раз стараясь бить по мячу так же, как они. Мне они представлялись тогда крутыми игроками, взрослыми мужчинами,

загоревшими и грубыми, хотя на самом деле были мальчишками лет 19-20, служившими срочную службу. А офицерской команда называлась только потому, что принадлежала гарнизонному Дому офицеров. Каждое утро я приходил в их стан разложенных на солнце портянок, мячей, гимнастерок. Ложился на траву загорать вместе с ними. Ребята относились ко мне хорошо, приветствуя как-то непривычно для моего юного уха: «Привет, пацанок». Потом кто-то из них говорил: «Ну что, постучим?» И мы шли к футбольным воротам запасного песчаного поля и долго били какому-то случайному, забредшему с центрального рынка «чайнику», который прыгал неуклюже за мячом и обязательно разбивал себе колени, локти, но все равно был счастлив, вытирал пыль с кровью и туповато улыбался. Мяч был настоящий, ниппельный, и подержать его тогда удавалось не каждому.

Из солдатиков меня никто не обижал, только иногда кто-то из них как бы шутя бросал: «Слышь, пацан, а сестра у тебя есть?» — «Есть, а что?» — наивно спрашивал я… «Приведи, а?» — И все почему-то дико ржали — маленький табунчик загорелых кентавриков, ошалевших от накопленной спермы в крепко скрученных яйцах, которые угадывались под плавками. Я уходил слегка обиженный, но назавтра приходил опять, потому что запах нитрокраской крашенного мяча, запах тренировочного пота и кожаных бутс сводил меня с ума. И я был готов им простить все ради возможности обладать этим вместе с ними. Хотя и на правах подающего мяч или таскающего за королем команды фибровый чемоданчик со всеми игровыми причиндалами футболиста.

Когда мне исполнилось лет 16 и уже, как поговаривали за моей спиной, я «подходил», то меня буквально растаскивали поиграть за какие-нибудь команды, чтобы посмотреть, а иногда просто заменить заболевших. В товарищеских, конечно же, матчах. Я все принимал с охотой. Ибо было это для меня тренировкой. За кого я только тогда не переиграл — от сборной глухонемых города до вполне солидных команд-мастеров. Однажды я поехал с командой мастеров класса «Б». В конце пятидесятых — начале шестидесятых это были очень сильные клубы. Потягаться с ними было интересно. Команда была специфическая, военная, да не просто военная, военно-морская — СКЧФ из города Севастополя. Кстати сказать, много известных футболистов вышли тогда из нее, достаточно назвать хотя бы одного из них — торпедовца Бориса Батанова. Приехали мы в жаркий и пыльный Жданов (так тогда Мариуполь называли), игроков ровно одиннадцать, так что играть буду обязательно, собственно поэтому и позвали. Отношения между игроками и тренером были очень специфические, поскольку существовала

система подчинения на уровне мичмана, капитана и даже адмирала. Так вот, вечером, в Жданове, первое, что мы сделали после того, как бросили вещи в задымленной гостинице, конечно же, пошли в ресторан перекусить. В кабаке играл квартет — контрабас, пианино, аккордеон, ударник. Ударник еще и пел: «Я не третий, я не лишний, это только показалось…» Посетителей было мало, и к нам сразу бросился официант. Столы были сдвинуты по-флотски, и он спросил: «Ну, что будем кушать?» Стояла пыльная ждановская жара, и всем, конечно, хотелось окрошки. Официант сокрушенно почесал нос и сказал: «Сейчас пойду на кухню и узнаю, сколько порций осталось». Он вернулся и разочарованно объявил: «Осталось только три…» Все по-школьному потянули руки: «Я! — Я! — Я!» Официант развел руками — всего три, решайте сами. И здесь военная дисциплина сказала свое. Резко встал над столом тренер СКЧФ Артемьев (не путать с бывшим игроком «Локомотива» Виталием Артемьевым) и прекратил все споры. «Внимание, — скомандовал он, и все примолкли, — окрошку будет кушать мичман Ананьев (капитан команды), старший матрос Скляров (лучший нападающий) и…» Руки опять потянулись, но уже прямо к носу старшего тренера. «Я! — Я! — Я!..» И… Он почему-то победоносно оглянул весь зал: «я», — ткнув при этом себя пальцем в грудь…

Так я постигал уставные и неуставные отношения внутри футбольных команд. Но что касается Спортивного Клуба Черноморского Флота, то пока там был командующим адмирал Горшков, который был неравнодушен к футболу, флотская команда была знаменитой. Игры ее проходили на переполненном стадионе в Севастополе. Это был праздник. К центральной трибуне всегда подводили ковровую дорожку прямо по ступенькам, куда поднимались старшие морские чины во главе с Горшковым. И болельщики затихали, потому что тут же смотрели в программы — кто же сегодня выйдет в составе одиннадцати? Мнение Горшкова было решающим — кого поставить, а кого и нет. И вот на поле выкатывались двадцать два игрока, и спектакль начинался. После забитого гола в ворота противника адмирал исчезал за небольшой шторкой со всей свитой. А выходили из-за нее веселые и разгоряченные.

Как-то на одном из таких представлений счет после первого тайма был 0:4 не в пользу моряков Севастополя. Адмирал стоял подобно Ушакову, вцепившись в борт адмиральской трибуны, и что-то выкрикивал, потом, когда тайм закончился, вместе с оруженосцами скрылся в раздевалке футболистов.

Не было запретных троп для нас, мальчишек, хотевших знать все футбольные тайны. И вот я уже вишу на стене, и мой левый

глаз заглядывает в раздевалку, где царит траурное молчание. Игроки опустили головы, тренер Артемьев и капитан, как обычно, не разбирали игру первого тайма. Слышался только адмиральский голос: «Позор, сдаете редут за редутом, бегом вперед-назад не играете, чтобы запутать противника. Нападающие, почему не бомбардируете передний край обороны? Мичман Ананьев, капитан команды, бросил якоря, дрейфуешь. Второй тайм, — продолжал Горшков, — начинаем со штурма, командовать буду я…»

И в таком духе все 15 минут. Что делать? 0:4 в первом тайме с такой командой как «Жальгирис» (а она тогда была очень сильной командой) — это практически гиблое дело. Но чувство юмора никогда не подводило футболистов, даже перед грозными адмиралами. Когда команды вышли на второй тайм и адмирал Горшков занял свое место, вдруг прямо с поля на него побежал капитан команды мичман Ананьев. Он поднялся прямо по ковровым ступенькам, сняв фуражку с какого-то капитана, и, отдав под козырек адмиралу, вытянувшись как полагается, произнес: «Товарищ адмирал, разрешите обратиться?» «Разрешаю», — вполне серьезно ответил адмирал. «Прошу вас дать команду на штурм ворот противника». «Начинайте!» — скомандовал Горшков. И его команда… получила в свои ворота еще три безответных гола.

В день второго мая крымской ранней жары Валера Захаров лежал в красном гробу, в черном костюме, в белой рубашке и галстуке, завязанном двойным, чуть искривленным узлом. Его тяжелые руки были сплетены на животе так, как будто одна пожимала другую. Молодой, красивый, 52-летний. Врачи-патологоанатомы, мои знакомые, сказали, что при вскрытии его органы были феноменально здоровы и умер он от алкогольной интоксикации. Через затылок проходил свежий шрам аккуратно зашитой раны уже мертвого человека…

Я стоял над гробом своего друга, и в голове прокручивалась вся тридцатилетняя лента нашей истории. Его хоронили почти все футболисты из разных поколений, потому что все его любили, уважали, как впрочем, и он сам всех — при жизни. Передо мной лежал навсегда неподвижный человек, который научил меня танцевать твист, привил вкус к английскому языку, одежде, человек, у которого я научился играть. Человек, который, как только я попал в команду мастеров, увел меня от дешевых соблазнов легкой футбольной жизни, когда можно было бездумно пердеть в компаниях за картами, шляться по городу, ничего не

читать, ни о чем не думать. Как ни странно, перед любым молодым человеком всегда встает этот выбор в команде, ибо компании всегда разнородны и они втягивают молодого за счет игрового авторитета быстро и практически навсегда. И вот ты уже там — или среди матюкающихся, сплевывающих, хамящих, или…

Валера был счастливым исключением. Он сразу взял меня в оборот, и мы подружились. Отыграв три сезона за «Таврию», он был призван в СКА, в Одессу, где провел практически без замен еще три сезона, а затем вернулся в «Таврию», где и закончил играть вместе со мной в семидесятом. Он был чрезвычайно робким человеком, несмотря на футбольное бесстрашие, огромную работоспособность и технику. Он мог перебегать один всю команду, великолепно играл головой. Одна беда была у него, которая и погубила его таким молодым и здоровым и с которой никто практически не мог справиться.

Начну с того, что в Крым он попал из Рязани, после того как там у него умер отец — военный, полковник, вернувшийся в конце пятидесятых из Китая, где он заканчивал срок своей армейской службы. Валера говорил, что денег его семья привезла в Рязань к родственникам мешок или два. Поселились они у брата отца и сели праздновать за стол возвращение на родину. Да так и просидели, не вставая из-за стола, три года, пока не пропили эти два мешка, а отец его не умер. Валера рассказывал мне о жестоких застольях родственников, и о том, что ему как мальчику в то время перепадало то на фотоаппарат, то на велосипед, то на что-то еще… Но в Крым его семья приехала без отца и почти нищей. Ах, Валера, Валера… Это-то и запало ему больше всего в душу. Он часто говорил: «Сын футболиста будет футболистом, сын пьяницы будет…» И улыбался при этом, будто не веря сказанному. Он мог не пить месяцами, год, два, но, если запивал, то все шло под откос — деньги, дела, футбол, жизнь. Сразу в ход шли все накопления, появлялись люди — халявщики, которые раздевали его, ухватив толику пьянства и исчезали в семьях, появлялись другие, а он стоически продолжал. Одно время мы сильно зациклились с ним на этом, когда оба ушли из футбола и остались не у дел. Он был старше меня на шесть лет, здоровее. Я мог вынести 3-4 дня запоя, потом уезжал на сутки домой, отсыпался и приезжал за ним на такси. Кое-как собирал его, трясущегося, как я называл его тогда — мультипликационного, сажал в такси и увозил за город к матери. Он отходил там, недели две пил молоко, бегал кроссы и наконец я слышал его робкое постукивание в мою дверь. Я знал, что это Валера. Я открывал, он стоял выглаженный, побритый, светло улыбался и говорил: «Санек, ну что, пройдемся?» Мы выходили с ним в

радостный город, и он говорил: «Ну что, по окрошке?» «Нет…» — тянул я. И соглашался. Мы шли в ресторан, и весь круг повторялся. Наконец, я не выдержал. Врачи предупредили меня: еще раз перепьешь — сдохнешь. Я поверил и испугался. Валера отнесся к этому уважительно, но сам оставался при своих… Он был уникальным человеком, да и, пожалуй, уникальным футболистом. Анатолий Федорович Зубрицкий, который слыл очень жестоким человеком и тренером, никогда не отчислявшим игрока дважды, отчислял Валеру из «Таврии» восемь раз и восемь раз брал назад, ибо при всей жестокости знал цену ему как игроку, и, как ни странно, понимал его душу. «Представляешь, Санек, — говорил Валера мне, — в Ростове, после игры мы выпили несколько бутылок шампанского и сидели в номере. Вдруг ворвался Зубр и набросился на меня — мол, это все ты, и представляешь, при всех вылил мне бутылку шампанского на голову… Позор, позор мне… А утром я иду по улице и вдруг вижу, что навстречу мне опять Зубр идет. Ну, я в сторону, а он ко мне и представляешь, Санек, прощенья попросил за вчерашнее… Да я чуть не сгорел со стыда…» Да, чтобы Зубрицкий просил прощенья — это редкость. Но, видимо, Валера был действительно редкостью, что даже такие зубры, как Анатолий Федорович Зубрицкий, с ним так обходились. Однажды Валера сказал: «А знаешь, когда мы играли против «Торпедо», то Федоров (тренер СКА, Одесса) сказал: «Будешь играть против Стрельцова и пожестче с ним, вставь ему пару раз, наступай на пятки, не давай играть…» «Ну и как ты?» — спросил я. «Поставили мне за игру двойку. А Эдик из-под меня забил два гола. Ну не мог я ударить его, не мог. Не мог сыграть в кость, я слишком люблю его. Он уже получил свое, я еще отмажусь, пусть будет двойка…»

Валера был весь в этом. Жизнь подарила ему сына и молодую красивую жену, с которой он незадолго до смерти развелся. Жил он один, не признавал никаких работ типа тренерских и работал простым рабочим. Перетаскивал за смену 7-8 тонн металла. Зарабатывал хорошо. Как всегда, был при деньгах до тех пор, пока не запивал. Был щедр в дружбе. Но не любил поблажек от жизни и друзей. Однажды мы уговорили его закончить институт физкультуры. Благо, что все наши однокомандники вышли в начальство. Они пригласили его в кабинет и сказали весело и мафиозно: «Валера, да только приди на первый экзамен… Тут же будешь зачислен, а через пять лет придешь за дипломом». И это было бы так. И он пришел на первый экзамен по физике. Потянул билет. На него посмотрели лукаво и сказали: «Захаров, давайте зачетку, хор…» Он повернулся и ушел навсегда. Я спросил его после: «Валера, ну что же ты, ведь нужна только бумажка, а

тренировать ты и так сможешь». А он в ответ: «Противно стало, да и потом — кто из вас решил, что я хочу быть тренером? Я игрок и научить этому не смогу никого. Футболистом надо родиться». Он и прожил свои оставшиеся 22 года как игрок — по утрам делал мощную зарядку, играл три раза в неделю и работал. Еще слушал своего любимого Элвиса Пресли. Трагедия была предсказуема, но неожиданна. Он запил накануне майских праздников. Я жил уже в это время в Москве, но собирался прилететь в Крым на майские дни. Еще из Москвы названивал ему, но никто не отвечал. По прилету я дозванивался ему, общим знакомым, все говорили, что он в порядке, наверное, у матери, за городом, но что-то меня терзало и мучило весь день. А наутро раздался звонок, что он умер. Сестра, которая приехала к нему, застала его в луже крови. Вероятно, он ударился головой о тяжелый чугунный бачок в туалете и потерял сознание, пролежав несколько часов. В день смерти, на шестой день запоя он принял три бутылки водки уже на ослабленный организм. И, вероятно, умер от обезвоживания, ибо, если бы не потерял сознание, то пил бы воду и выводил бы из себя спиртное. После похорон я зашел к нему домой. На стене висели его фотографии, когда он играл за СКА Одессу и рядом он же — в форме офицера. И я тут же подумал о судьбе отца и сына — военного и футболиста, футболиста, который был всегда футболистом…

Похоронили его далеко от центральных аллей кладбища. Витя Горелов, бывший игрок «Таврии», работавший могильщиком, поклялся всем перезахоронить поближе к центру, чтобы матери легче было ходить к сыну. Я сказал: «Витя, надо спросить родных». Родные согласились. Я как-то не поверил этому и улетел в Москву. Через неделю Витя мне позвонил и сказал: «Слышишь, Саня, я сделал это, ради него, он же был святой, и мы все любили его, приезжай, посмотришь…» Через месяца два я снова приехал в Крым. Первый же встречный, который знал всех нас, сказал мне: «Ты знаешь, Витя Горелов погиб в автокатастрофе». Вот так, не верь после этого в приметы и не будь суеверным. А, кстати, почти все футболисты очень суеверны.

С детства в семье меня называли Шуриком. Это домашнее имя перекочевало сначала в юношескую команду, а затем уже и во взрослую. Когда я сидел в запасе, а команда играла плохо, то весь 15-тысячный стадион «Таврии» шумел: «Шурика на поле!» Тренеры поддавались давлению и подпускали меня, 17-летнего. Правда, с опаской, пока однажды я не спас команду, устроив

«скандальчик» на левом краю с прострелом в центр. После этого я стал своим. Но имя Шурик закрепилось в сознании фанатов надолго. Когда играешь, то это лишь кажется, что видишь только происходящее на поле. Неправда. Футболист устроен так, что он и слышит, и видит почти каждого болельщика всякими видами зрения — боковым, периферическим и т. д. Особенно на небольшом стадионе. Так вот и я видел всех. Особенно мне запомнился фанат, который в случае чего вставал над всеми соседями по своему сектору и орал очень смешно и угрожающе, меняя букву «и» на «ы» в центре моего славного имени: «Шурыка не трожь!» или «Да я тебе за Шурыка!»

Лицо его до сих пор стоит перед моими глазами. Где-то он сейчас?

Как-то, когда уже и забыл, что играл в футбол, брел за городом один по заброшенным железнодорожным шпалам, о чем-то размышляя. И увидел, что вдалеке показалась фигура очень знакомого человека. Он шел покачиваясь, ибо был явно пьян. По мере его приближения я разглядел, что он не только пьян, но и одет в какую-то промасленную робу, совсем седой. В общем, сбомжевался мужик. Без промедления я узнал в нем фаната, который любил меня как игрока. Мы двигались друг другу навстречу, и я думал, что мы так и разойдемся — каждый со своим: я — с поэтическими бредами, он — в алкогольной отключке. Но не тут-то было. В момент нашего сближения почти на метр он вдруг зацепился за шпалу и начал падать медленно, поскольку был очень высоким и расслабленным. Когда его голова проплывала мимо моей, он взглянул мне в лицо и, вероятно, узнал, потому что уже с железнодорожного полотна, из-под моих ног раздалось его коронное, но уже в иной модификации: «Вот так-то, Шурык…»

Спиваются не только футболисты, но и болельщики — процесс параллельный, иногда пересекающийся, но футболист всегда заметнее. Поэтому я иногда заводился, сидя уже как болельщик, с крикунами, которые поносили футболистов почем зря. Я как-то спросил одного из таких: «Скажи, а вот ты — кем и где работаешь?» «Я, — почему-то гордо ответил он мне, — на кожкомбинате, обувь штампую». «Но разве твои туфли или ботинки можно носить? Сам в чем ходишь?» «В «ЦЕБО»», — уже потише ответил он и заткнулся надолго…

В школе у меня очень хорошо было с физикой и математикой. Иногда за четверть в дневнике стояло по двадцать сквозных пятерок. Поэтому, уже играя в «Таврии», я пошел и сам поступил на физико-математический факультет. Это вызвало в команде легкий шок, издевательства, насмешки, но и немного уважения —

интеллектуал, бля… Четверо из команды тоже без труда поступили на факультет… физвоспитания. Один из них, Юра Глухих, особенно беспокойный, после окончания вступительных экзаменов забрел на кафедру еще до первого сентября и в панике прибежал ко мне: «Санек, выручай, а?» «Что случилось, Юра, все ведь в порядке, ты уже студент». «Ну да, в порядке, я только что был на кафедре, и там висит объявление «Всем, кто не сдал флюорографию, срочно сдать», а я ведь не сдавал, у тебя учебник есть?» Я, конечно, посмеялся, но успокоил его, хотя зачем ему нужен был какой-нибудь учебник вообще?

Прошло лет десять. Я похаживал на футбол, наблюдая за «Таврией». И вот в ней появился хороший центральный защитник из «Шахтера» — Василий Грубчак. Он покорил меня не столько игрой, сколько безукоризненным вкусом в одежде: все — от галстука до шнурков ботинок — выдавало человека не только культурного, но и образованного, может быть, даже интеллектуального. После одной из игр мы засели в одном из номеров гостиницы и начали толковище. Как всегда, у футбольщиков это анекдоты, девочки, рассказы о знакомых из других команд, смешные случаи, естественно — поддача. Вася с лицом киногероя нравился мне все больше, ибо понимающе молчал и кивал мне: «Мол, смотри, чего несут, мы-то знаем толк…» Наконец я спросил его: «Слушай, а ты знал Юру Глухих, он потом годик катал за киевское «Динамо»?» «А, это тот, который вырвал у Лобана квартиру из трех комнат на Крещатике, не сыграв ни одной игры за основу? Конечно, знал, дурной такой…» «Так вот слушай хохму о нем…» — начал я. Когда я закончил на «книге по флюорографии», Вася резко оборвал меня: «Слушай, Санек, что ты мне пропихиваешь, у меня тоже для техники в голове масла не хватает…»

Футболист, игрок — это фантом. Пролетает в футболке с номером над стадионом и исчезает где-то навсегда. Только взлет напоминает о нем как о человеке — миг, момент славы, деньги, узнаваемость на улицах. Как завязал — все, стоп, даже контролеры не пускают на стадион без билета. Конвейер судеб, фамилий. Зрелище остается, игрочки высыпаются на поле и ссыпаются в какой-то потайной мешочек кем-то невидимым. И вот проходят десять, двадцать лет — форма есть, а где плоти некогда незаменимых? Не по сему ли и отношения их тогда быстры, остры, открыты, как момент на поле: использовал — забил, нет — все, гуляй Вася, на следующую игру могут не поставить. Но в этом весь азарт, сладостный смысл. И ты отдаешься всему этому без слов. А действительно, зачем имена, фамилии, если жизнь — тебе, а ты ей — нравитесь? Если после

игры можно трем-четырем знаменитым красавцам в чужом городе снять такое же количество девиц, наблюдавших за игрой, и устроить с ними лихую вечеринку всем вместе, и потом в темноте гостиничного номера слышать с соседней кровати бессвязные оргазменные вопли, сквозь которые все-таки пробиваются опознавательные знаки: «Семерочка ты моя, ах ты моя семерочка…» А ведь любой хороший игрок после ухода из футбола — это просто неиспользованные способности, опыт, накопленный за годы игры. Ведь если человек талантлив в футболе, он может осуществиться и во многом другом. И таких случаев немало. Хитрость, смекалка, ловкость — все может пойти в дело.

Был такой футболист — Виктор Скрипка. Он играл за флотскую команду Севастополя, потом за «Таврию». Его умению бить по воротам из любого положения завидовали все. Но как-то он рановато ушел из футбола. Отличался он и тем, что мог прикинуться «валенком», заводя огромное количество вполне серьезных людей. И только когда все понимали, что это была незлая хохма, то все ему прощали. Как-то весной, уже не упомню, в Сочи на сборах было очень серьезное совещание всех судей Союза, и они решили устроить встречу с футболистами команд мастеров, находящихся на сборах на побережье Кавказа. В огромном зале мы все сидели, команд 15-20, тихие и робкие. В президиуме — вся судейская элита. После общих рассказов о том, что такое футбол и как его надо судить, Архипов (или Латышев) бегло спросил: «Вопросы будут?» Естественно, слегка придавленные величием футбольной фемиды, бедные подсудимые хотели без всяких вопросов как можно скорее разойтись. Но только не Витек Скрипка. Такая ситуация была его коронкой, упустить возможность он не мог. И он поднял руку. «Да, пожалуйста», — ответил ему Архипов (Латышев?), и весь президиум величественно покивал головами. И Витек начал: «Скажите, мы вот люди провинциальные, играем, конечно, ниппельным мячом, но вот если теоретически спросить — допустим, нам дали на игру мяч со шнуровкой, и я врываюсь в штрафную площадку с ним и падаю прямо вблизи ворот (судьи и весь зал напряженно и серьезно слушают), и в какой-то момент я вижу, что у шнуровки торчит маленький хвостик, так вот если я успею схватить зубами за этот хвостик и забросить мяч в ворота, будет засчитан гол или нет?» Господи, какую бодягу начали разводить наши знаменитые судьи, чего только не предполагали, но так к единому мнению и не пришли. Витек Скрипач (так мы его иногда называли) сурово слушал, зал гудел в раздумьях. Наконец, все смолкли. И решили разойтись.

Но не таков был Витек, чтобы так просто отпустить судей и не поиздеваться над ними. Он встал опять и спросил: «А вот скажите — если я пробью этот же мяч не сильно, и он полетит в ворота, и в момент пересечения линии ворот он шнуровкой зацепится за гвоздик, на котором крепится сетка ворот, и начнет качаться как маятник: в ворота — из ворот, в ворота — из ворот, будет ли засчитан гол и если да, то сколько?» Тут раздался такой грохот смеха, что, слава Богу, никому не пришло в голову философствовать. Вот так. Я, кстати, до сих пор не могу ответить ни на один из его каверзных вопросов.

Борис Андреееевич Аркадьев, заглянув в душевую и осмотрев меня с ног до головы мокрого, сказал в раздевалке Бубукину: «Валентин, а колотухи у него то что надо, будет играть…» Так началось мое общение с великим, легендарным тренером, которое длилось почти два года. Я млел тогда перед ним — еще бы, если сказал сам Аркадьев! Я понимал, что все по сравнению с ним были пешками, его слово — на вес золота. Было ему тогда 67, но порода старого русского интеллигента, неизвестно как забредшего в футбольные поля после окончания Академии художеств в середине и конце двадцатых, делала его вечно неувядающим, острым, думающим и потому моложавым. Я обожал его, внутренне конечно, ибо именно то, о чем я сказал, раздражало многих жлобов, привыкших, чтобы с ними разговаривали только на их жлобском языке. Аркадьев же был верен себе. Ни одного матерного слова я не услышал от него, даже в те моменты, когда это, может быть, и было оправданно.

…Автобус вкатывал в подмосковную Баковку, а там — до сих пор тренировочная база «Локомотива», и останавливался. Борис Андреевич, всегда сидевший на первом сиденье, вставал над всеми и произносил свой неизменный текст: «Через тридцать минут в нашей аудитории мы собираемся для разговора о прошедшем матче, быть всем в полной игровой экипировке, затем состоится спарринговый матч между двумя составами — основным и дублирующим…» Конечно, такие слова как «экипировка» и «аудитория», тем более — «спарринг», вызывали недоумение и тайную ненависть у некоторых, которые за спиной называли его «старый». «Уголек» и «Клим» — это были тайные кликухи для начальника команды Рогова и второго тренера Ворошилова Виктора Федоровича, которого по аналогии с командармом так открыто и звали, и он не обижался. Они тоже уважали Аркадьева. Любил его и Бубукин — веселый, общительный, доброжелательный и немного обособленный

человек, с легкой футбольной хитрецой и мощнейшим ударом с обеих ног.

Борис Андреевич был из тех тренеров, кто вселял в игрока уверенность, никогда не топил его. Находил в нем лучшие качества и развивал до предела. Он всегда знал, как ребята зовут друг друга между собой. Эти футбольные клички у него были не обидные, но он никогда не называл игрока не его именем, считая это оскорблением. Был в то время левый крайний в «Локомотиве» — Борис Орешников. Одно качество выделяло его среди других игроков: хорошо бежал. Отсюда и клички, это интересно, как они образовались, — «дорога», «электричка», «пятачок». Последняя, правда, из-за того, что он все время просил у всех пять копеек — «пятачок», чтобы поставить на кон в «секу» (картежная игра, в которую тайно резались тогда все футболисты). Он ставил свой пятачок, быстро проигрывал его и исчезал. В конце сезона поднаторевшие молодые Головкин и Голованов раздели его так, что он вынужден был отдать почти всю зарплату. Он пожаловался Аркадьеву. Первый и последний раз я видел разгневанного Бориса Андреевича. Но это было так смешно, ибо в первый раз он заговорил не своим языком: «До чего дошли, нашему Пятачку нечем платить даже за электричку, придется железную дорогу просить о специальном проездном билете, а вы, сударь, если садитесь играть в карты и проигрываете, то знайте, что платить нужно все равно…» Не помню, чем закончилась эта история, но Аркадьев был Аркадьевым — он никого не наказал, он просто не умел этого делать.

Меня он называл трепетно — Шурец. После удачных игр, он всегда подходил и комментировал каждый момент. Иногда восторженно говорил: «Шурец, сегодня ты дал сольный концерт на левом краю, поздравляю!» Для меня это был праздник. После плохих игр он все равно подходил и успокаивал: «Не расстраивайся, Шурец, помни, что если однажды ты сыграл здорово, то все остальное — случайность». Вот это был подход! Он не мог даже ответить активному хамству. Был у нас тогда массажист Пал Михалыч, бывший боксер, вернее, боксерская груша, которому в молодости отбили все мозги и который мог подойти к обедавшему Аркадьеву и спросить: «Борис Андреевич, у вас не найдется бумага, листик или два?» Аркадьев удивленно поднимал голову и, слегка заикаясь, отвечал: «А зачем это вам, Пал Михалыч, вы что, хотите письмо написать?» «Да нет, в туалет хочу»…

Ах, Борис Андреевич, гонимый в сталинские времена за неиспользование глупых футбольных указаний, никогда не состоявший в партии, любивший Есенина и Блока и

недолюбливавший Маяковского! Помню, как он мне рассказывал неизвестную страничку жизни питерского футбольного гения тех времен — Пеки Дементьева. Аркадьев тренировал тогда сборную, и они отправлялись играть в Турцию. Пека приезжал из Питера на поезде. Его встречал Аркадьев. Откуда-то появились пионеры с горнами приветствовать великого игрока. Они оттеснили Аркадьева и стали пробиваться к Дементьеву. Борис Андреевич нарисовал мне такую картину: на верхней полке лежал кумир футбола, не очень любивший совдепию и не хотевший этой помпезности от пионерской организации. Он отвернулся от дверей купе и начал тихо выговаривать, отмахивая в такт рукой: «На хуй, на хуй, на хуй…» Аркадьев рассказывал мне это на прогулке в ваковском лесу. Слово из трех букв он произносил тихо, только цитируя Пеку, при этом краснея. Надо сказать, что честности он был необыкновенной. Когда он что-то утверждал и потом понимал, что ошибся, то всегда публично объяснялся и извинялся.

Эдуард Стрельцов вышел на первый свой матч (официальный) после тюрьмы весной 1965 года в Одессе. Борис Андреевич специально полетел на игру «Черноморец» — «Торпедо», чтобы посмотреть Стрельца. Вернувшись, он на первом же собрании рассказал нам о матче, отметив, что Стрельцов сыграл неудачно и что вообще «от Стрельцова осталась половинка». Следующая игра Стрельца в чемпионате СССР — первая в Москве, была в Лужниках, именно с «Локомотивом». Стрельцов был великолепен. Несмотря на персонального опекуна, он раздел «Локомотив» один на глазах у полной чаши фанатов, которые пришли увидеть возвращение Эдика. Два гола забил он сам и третий сделал полностью, пройдя сквозь всех защитников до самой штанги, пяткой отбросив мяч на вошедшего на скорости в штрафную Щербакова. Тому ничего не оставалось делать, как подставить «щечку». После игры, через день, на разборе — первыми словами Аркадьева были следующие: «Стрельцова немедленно в сборную, я ошибался. Стрельцова стало на половину больше — теперь он еще и тактик, и стратег ко всем его возможностям». И действительно, это было феноменально — пять лет не играть в большой футбол и в этот же год стать лучшим игроком Союза! Об этом еще будем рассуждать, но молодым, не знавшим Стрельцова, кто не видел его игру, я скажу, что двадцатый век породил двух гениев футбола — Пеле и Стрельцова. Поверьте мне на слово, а тот, кто знал и видел его, может подтвердить, что это так.

Но вернусь памятью в «Локомотив». Тогда, я помню, мне довелось участвовать в одном из интересных экспериментов в

футболе. В то время вдруг начали поговаривать о реформировании правил игры. Мол, футбол стал скучным, неинтересным, мало голов и т.д. Пошло это, как ни странно, из консервативной Англии, придумавшей, как известно, эту игру. Начались поиски, не приведшие ни к чему. Одним из стремлений «оживить» футбол была попытка отменить положение «вне игры». И вот, специально для опыта, на зимнем запасном поле в Лужниках был проведен экспериментальный матч без положения «вне игры» между «Локомотивом» и «Торпедо». Было это в начале морозного февраля. (Я тогда впервые увидел лицом к лицу в игре Эдуарда Стрельцова). Что же получилось? Ерунда, да и только, комедия… Оказалось, что игроки разбрелись поближе к воротам (с обеих сторон) и стали просить мяч от защитников и полузащитников. Динамика — перекатывание игроков от ворот к воротам — исчезла, остались только крики да взмахи руками — мол, вот он я, дайте мне мяч, и я забью. Вероятно, гений, сотворивший эту игру, не случайно придумал это положение — «вне игры». Линию, за которой начинается смерть движению, смерть самой игре, и не потому, что игра останавливалась, а потому, что разрушалась сама структура мобильности, разрушалась форма игры. И действительно — ведь все, что происходит в футболе, происходит только в рамках прямоугольника 110 на 60 м, ни на миллиметр больше. Отмена «вне игры» вносит хаос, делает игру меньше самой игры, ибо правила устроены так, что ты должен соответствовать им — оттянуться назад, рвануть вперед, но так, чтобы была сохранена тонкая грань между игрой и неигрой. Это-то как раз и заставляет болельщика приковывать свое внимание к полю, где идет перетягивание каната — только заступил за грань — все разрушено, все можно и нужно начинать сначала. Так что эксперимент не удался. Только какие-то мелочи можно менять в правилах игры, а вообще, на мой взгляд, они должны быть неизменными.

Система игры — это другое дело. За тридцать пять лет от системы 1-3-2-5 мы пришли через 1-4-2-4 и 1-4-4-2 к тотальному футболу, где все умеют всё, и… многое потеряли, особенно в зрелищности. Исчезла индивидуальность: финт Месхи, дриблинг Хусайнова, коронный прорыв — «кач влево, уход с рывком вправо» у Метревели и т.д. Кстати, Аркадьев, когда появился так называемый «катеначчо» — оттянутый назад, страхующий центральный защитник, — первым придумал атакующую новинку. Он заявил — второй центральный нападающий (это было в схеме 1-4-2-4) резко выдвигается вперед и играет под центральным защитником на грани «вне игры», связывая его

страхующие функции. Много было из-за этого «вне игры», но и много голов, ибо грань — игры и «вне игры» — трудно уловима. А игра стала острее. Не хочу хулить последний американский чемпионат мира по футболу. Но он на моей памяти был самым неинтересным. Главное — он не дал ни новых имен, ни новой системы игры, ни новых футбольных идей. А ведь каждый чемпионат мира — это развитие футбольной мысли, философии игры, это определенный этап в эволюции футбола. Но так не случилось. Причины? Об этом стоит подумать…

Об Аркадьеве я еще неоднократно буду вспоминать в своих записках, но отчетливо помню, как глубокой осенью перед последним матчем чемпионата в Баковку на сбор перед игрой налетели черные «Чайки» и «Волги». Мы все замерли. Что-то случилось. И мы поняли — снимают Аркадьева. Суд был недолгим — минут через сорок Борис Андреевич вышел из дачного здания и медленно побрел к воротам спортбазы. Его догнала черная «Волга» и отвезла домой. А он — как чувствовал. Ибо именно в этот день, когда мы приехали в Баковку и он, как всегда, встал для того, чтобы произнести свою коронную сентенцию о тренировке, и только открыл рот, как вдруг с заднего сидения раздался подражающий ему голос второго вратаря — Вити Туголукова, и точь-в-точь все сообщил об «экипировке» и «аудитории». Борис Андреевич постоял, открывши от неожиданности рот, но потом как-то мягко сказал: «Все правильно, Виктор, все правильно…» И тяжело спустился на землю по ступенькам автобуса.

Играть я хотел страшно. Я был фанатом. Здесь сошлось все — и то, что я любил, как и все, играть, и то, что у меня это хорошо получалось, и что воздух футбола пахнет всегда славой, деньгами, женщинами… А что в этом плохого? Особенно, если заработано все честными ногами и потом? Тем более, для молодого и здорового органона… Ради этого бросалось все — моя любимая физика, нормальный образ жизни. Футболистов считают туповатыми, глупыми. Зачастую это действительно так. Но таков закон этой безжалостной игры. Игра или тренировка вытягивают из тебя все через трубу психофизических нагрузок, и сил на другое не остается. Я помню, как после матча, допустим, во Львове, надо было проехать сутки в автобусе (на самолеты у команд не всегда были деньги), а на следующий день сдавать высшую алгебру. Никакие ранги матриц не лезли мне в голову — сознание было забито переживанием о том, как ты сыграл и как ты сыграешь. Помню, как преподаватели говорили мне: «Надо

бросать что-то…» Но было все, как водится у футболистов: «Если учеба мешает футболу, бросай…» Но я продолжал держаться за учебники, чувствуя, что стремительно отстаю от своих друзей-студентов…

Сначала меня дико заражала идея верности родному клубу, где ты вырос. Но потом это сменилось и пониманием того, что надо играть там, где больше платят, где престижнее и откуда можно было бы, в случае чего, скрыться в незнаменитую, но денежную команду, ибо все больше понималось, что ты нужен — пока играешь, а дальше… Как-то, когда мы с Валерой Захаровым уже завязали, в Центральных банях получили от одного тренера приглашение поиграть годик-два за команду порта Тетюхе на Дальнем Востоке. Получили телеграмму: «Срочно выезжайте зарплата как договорились зпт питание тчк двойные подъемные». Это были тогда крупные деньги. За год можно было заработать на две машины. Но мы не поехали, почему-то испугавшись слова «Тетюхе» и расстояния…

Мое планетарное сознание только зарождалось. А пока я лежал в гостинице команды «Торпедо» на Автозаводской, только что приглашенный вместе с Колей Климовым, и думал о предстоящих тренировках. После «Локомотива» Борис Андреевич Аркадьев порекомендовал меня Виктору Семеновичу Марьенко, тогдашнему тренеру чемпиона страны — «Торпедо», где играли в то время Ворона, Стрелец, Батанов, Щербаков, Шустиков… Стоял декабрь. Все команды были в отпуске, и Виктор Семенович попросил меня слетать в Симферополь и привезти Колю Климова в «Торпедо». Колю, заигравшего тогда в «Таврии», не отпускал местный обком, и мне предстояло практически украсть его, уговорить, потому что Коля и сам не хотел — то ли от боязни не заиграть среди таких звезд, то ли от провинциальности — «лучше быть первым парнем на деревне». Хотя футболистом он был великолепным — особенно на длинном рывке, когда он раскочегаривал свои страусиные ноги, при хорошем хаве, бросавшем его в прорыв. Я прилетел в дождливый Крым и начал разыскивать его. Это было трудно, потому что жил он тогда в трущобном районе города, и когда я нашел его, он вылез из какой-то конуры вдребадан пьяный. И тут же утащил меня за стол, где я ему сразу же сказал: «Так, Коля, попьем три дня и валим в Москву, тебя забирают в «Торпедо»». Он наотрез отказался. До начала тренировок в Москве оставалось дней 15. Мы погульванили с ним недельку, и я его уговорил. В Москву прилетели ночным самолетом. Нас встречали Валентин Иванов с начальником команды. «Ну что, в гостиницу «Торпедо», а через дня три — на тренировку», — сказали нам великие, нетрезвые

голоса — праздник чемпионства продолжался. Так все и было, но только не для меня.

Еще в Крыму у меня начали болеть позвоночник и нервы, идущие по ногам. Неделю я все же походил на тренировки вместе со всей элитой «Торпедо», но Владимир Иванович Горохов, второй тренер, заметив, что я прихрамываю, спокойно сказал мне: «Посиди, посмотри, наш врач подлечит тебя…» Он ведь не знал, да и я, что у меня не просто растяжение голеностопного сустава, а нечто посерьезнее. Я выходил снова и снова на тренировки, тренировался сквозь слезы и боль, делая только хуже себе. И молчал, когда Владимир Иванович, останавливая меня, говорил: «Санек, легче, расслабленней, ноги должны петь…» Как же я хотел тренироваться и играть! — ведь я выходил и становился перед разминкой в ряд с моими кумирами. Наконец, я сдался и пошел в физкультурный диспансер в Лужниках. Я не знал тогда, что у меня было смещение межпозвоночного диска, но первому же врачу я сказал: «Делайте со мной что хотите, но через неделю я должен выйти на тренировку». Врач, почему-то не сделавший мне рентгеновских снимков, сказал: «В порядке эксперимента я могу, но учти — в порядке эксперимента». И таинственно посмотрел на меня. Я согласился. И он сделал мне пять уколов прямо в позвоночный ствол.

Это была глубокая новокаиновая блокада. Чем я рисковал, мне объяснили только потом. Я встал со стола. Душа моя запела вместе с ногами. Я не чувствовал боли. Попробовал несколько движений. Ничего не болело. Я умчался на такси, счастливый, в предвкушении завтрашнего дня — тренировки со Стрельцовым, когда я смогу, как бы на равных, сказать — «Эдик, пас!» или «Эдик, я здесь!», хотя он и так все видел. Я уснул, обожествляя врача и весь мир за то, что при очередной проверке в постели (для этого резко поворачивался), я не чувствовал боли. Утром, открыв глаза и проверив себя, я опять заплакал от боли — действие новокаина кончилось, и боль заняла свое привычное место в моем сознании. Так я промучился еще неделю. Уколы не помогли. В команде узнали, что у меня все не просто. Больных в футболе не любят. Это, вероятно, правильно. Марьенко сказал мне: «Мы улетаем на сборы в Ливан и Швейцарию, а ты поезжай в «Шинник». Я позвоню, отойдешь там, подлечишься, заиграешь, тут же возьмем назад». Он был прав. Но я был честолюбив, заносчив, глуп. «Что? После «Торпедо» — в «Шинник»? Да я лучше брошу играть…» Тренеры, особенно команд чемпионов, не любят сантиментов: «Ну что ж, я предложил, дело твое…» Я пролежал неделю, пытаясь успокоить боль. Коля Климов таскал мне еду. Наконец, он уехал на сборы, и я остался один.

Моя любимая, с которой мы уже почти расстались, на мою попытку разжалобить ее и вернуть сказала отнюдь не по-достоевски: «Мама правильно говорила мне, что все вы, футболисты, так кончаете. Ты сильный, выбирайся сам». Гениально, а?! Они царственно дают нам возможность сделать себя и стать гениями. Оставались еще какие-то деньги, я лежал и думал, что делать дальше. Примерно на третий день моей одинокой лежки в дверь кто-то постучал. Когда я сказал: «Войдите», — то в комнату вкатился Валентин Васильевич Федоров. Это было невероятно! Старший тренер «Зенита». «Так, Саша, я все знаю от Бориса Андреевича, я только что с совещания старших тренеров, собирайся, через два часа поезд, я тебя приглашаю в «Зенит», ты молод, подлечим, будешь играть, слава Богу, я тебя видел много раз…» И действительно: на сборах в Хосте мы жили вместе с «Зенитом» в одной гостинице, тренировались на одном стадионе и часто играли матчи-спарринги. Почему-то против «Зенита» я играл всегда удачно.

Так началась моя питерская эпопея. Меня поселили в квартиру, где до того жил Михаил Посуэло. Знаменитый в то время футболист, игрок «Торпедо», «Спартака», затем «Зенита», испанец по происхождению, он был эдаким баловнем судьбы, любимцем болельщиков и женщин. Сколько мне перепало по инерции от него! А что? Я был холост, слегка знаменит, у меня водились деньги, это-то и нужно слабому полу, когда он хотел развлечься. Только такие, как я, им и были нужны. Квартира закрывалась на ключ, но при желании, если кто-то из футболеров хотел потрахаться очень срочно, то дверь вскрывалась топором соседа за стакан водяры, а потом — за другой стакан — этим же топором заколачивалась гвоздиками так, что никто и не замечал ничего. Только гвоздей становилось все больше. На месяц как-то все прекратилось, но потом ребята из команды, когда просекли меня, возобновили набеги, один из которых закончился печально.

Дело в том, что питерские дамы, особенно те, кто живет в центре, не всегда имели ванные комнаты, и когда они попадали в дом, где они имелись, то здесь уж они отводили душу. Вот так однажды, после одной из игр, мы вчетвером пригласили четверых прекрасных. Стол был роскошен, все шло, как надо. Но вдруг одна из них сказала: «Я бы приняла ванну». И все они четверо закрылись там надолго. Наше нетерпение мы затыкали водкой, наконец, под утро каждый нашел каждого и уснул до первых лучей. Когда я проводил последнего гостя, то опять завалился спать, но проснулся от долгого звонка в дверь. Я открыл, передо мной стояли: участковый, дому прав и горестные соседи. Девицы так увлеклись ванной, что залили две квартиры. Я, конечно, был

крепко бит начальством команды, но все удалось утрясти…

Серега Медведев, центральный защитник «Локомотива», возлежал на массажной кушетке, обернутый в простыню и заложив руки за голову. Пал Михалыч массировал его. Он был очень сильным мужиком, накачанным, ибо отмассировать не с тальком, который забивает поры, а через простыню 16-17 игроков в день — это невероятно трудно. Но «Слон» гордился этим. Мы его звали «Слоном» в оборотку, потому что массажист называл сам всех… слонами. Аркадьев для него был большой Слон (кавычки дальше ставить не буду, в силу почти нарицательности этого прозвища), а все остальные — слоники. Но это было в зависимости от того, кто какое положение занимал в тот или иной момент. Если хорошо сыграл, то он, имевший в своем лексиконе всего 6-8 слов, говорил: «Ну, ты, Слон!» А так — слоники, слоник. Одним из его профессиональных понятий было — молочная кислота. Он никогда и нигде не учился, но кто-то когда-то ему сказал, что в результате нагрузки в мышцах оседает молочная кислота, которая и есть источник усталости, и что когда он массирует мышцу, то изгоняет ее, зловредную. Так вот, Сергей Медведев, развалившись на кушетке, иногда, чтобы поиздеваться, в нашем присутствии спрашивал Слона: «Ну, расскажи мне, что там со мной происходит, а, Слон?» И Слон мучительно начинал: «Ну, понимаешь, Слон, когда я давлю на твои… понимаешь… молочная кислота…» Дальше он уже искал слова, чтобы хоть как-то объяснить нам всем, сидевшим в ожидании своего массажного часа. Так и не находя слов, он приходил к самому примитивному и самому высокому в искусстве речи — сравнению, метафоре. Он вдруг гордо и громко заявлял: «Ну понимаешь, Слон, когда я тебя массирую, то это все равно, что я беру пыльный мешок и…» Тут Серега, до этого дремавший, возмущался: «Ну, Слон, ты вообще, сравниваешь меня с неодушевленным предметом?!» Слон, загнанный в угол и опешивший, опять мучительно подыскивал сравнение. Наконец, он, с надеждой глядя Сереге Медведеву в глаза, говорил: «Ну возьмем, к примеру, стакан воды…» Мы все ржали, как молодые лошадки.

Вообще Слон был добрым человеком, но все знали про его старый боксерский удар — хук с правой. Тем летом, в Кутаиси, судья судил очень плохо игру «Торпедо» и «Локомотива», причем почему-то все получалось в нашу пользу. В игроков полетели бутылки, камни. Мы уходили в туннель, окруженные милицией. Фанаты рвались к футболистам и судьям, чтобы избить.

Последним уходил Слон. Особенно рвавшийся сквозь сцепленных ментов и плюнувший в сторону Слона чудак даже не заметил, как Слон мгновенно обернулся и незамедлительно отключил его массированным хуком с правой. В суматохе никто этого не просек.

После игры в Тбилиси с «Динамо», в которой Валентин Бубукин забил потрясающий гол — метров с сорока и стал героем игры, несмотря на проигрыш команды, мы ужинали в ресторане гостиницы «Сакартвело». «Бубука» (так его звали за спиной) был демократичным человеком, и за его столом тогда сидели человек пять молодых, но уже знаменитых. В том числе и Слон, для которого Валентин Борисович был, как и Борис Андреевич, конечно же, Слоном. Ровно через пять минут официант принес нам поднос вина и показал в сторону стола в глубине зала. Там поднялись три или четыре кепки, и одна из них сказала: «Вай, Бубукини!» Валентин был узнаваем, его великая лысина, которой он обладал уже в 20 лет, великая работоспособность и великий удар, да еще чемпионство Европы 60-го года, когда с его подачи Виктор Понедельник забил победный гол «югам», сделали Борисыча знаменитым на всю жизнь. Свой день он начинал со смешного анекдота, который рассказывал всем. Все знали, что он коллекционировал анекдоты. Такие люди как Бубукин вообще редкость в командах — честен, порядочен, всегда готов был помочь любому. Сам Валентин не пил, так, немного сухого вина. Но другим не запрещал, пока играл, правда. Так вот, тогда в Тбилиси, в ресторане после игры, ровно через тридцать минут весь наш стол был заставлен вином и каждый раз поднимались прекрасные кепки и восхищенно приговаривали: «Вай, Бубукини, вай, кацо…» Вина было столько, что не унести, не выпить, и Бубукин сказал: «Пейте, сколько хотите, остальное оставим на столе, неудобно…» Ну, мы и начали. Особенно рад был Слон: на халяву — «Цинандали», «Тетра», «Твиши», «Хванчкара»… Все было так хорошо, нас все любили и было так много тепла, что Слон расплакался от умиления.

Как-то, когда уже не играл, отдыхал я в Центральных банях. Встретил там Слона. Он ушел из команды и подрабатывал в бане на массаже. Червонец за тело. «Тебя отмассирую за пятерик, по старой памяти». Он узнал меня, конечно. Но потом сказал: «Ладно, слоник, прощаю тебе пятерку, ты ведь еще не Слон, а слоник…»

Когда я попал в «Локомотив», то примерно недели через две всю команду пригласил к себе ее хозяин — Борис Палыч Бещев, министр путей сообщения. Мы сидели за длинным совещательным столом, но говорил только Рогов — «Уголек»,

начальник команды. Он невысокого роста и лицо его было темноватым. В свое время он был одним из самых маленьких и злых правых защитников советского футбола. Говорили, он особенно был силен в отборе. Таким я его и помню — не по игре — жестким, не в меру требовательным, все время щиплющим тебя — то окриком, то угрозой «запаковать в армию» на Северный флот, то гонением на молодых, играющих в карты или… В общем, его побаивались, хотя в принципе он был неплохим мужиком. Так вот, когда Бещев спросил о проблемах команды, то Евгений Александрович попросил — кому квартиру, кому телефон, кому еще что-то. В конце он сказал и о моей проблеме, что учусь в Крымском университете и меня надо перевести учиться в Москву. Это было как-то сказано вскользь, и я, зная о трудности этого дела, переживал. Бещев что-то шепнул своему референту — Гиль Акимычу. Тот подошел после встречи и сказал — позвони мне через два-три дня. Вот уж была система! Если что-то делали, то без осечек, если что-то давали, то без промедления. Но если что-то не делали или не давали, то навсегда и без возможностей сделать это по-другому. Так вот, я позвонил референту министра ровно через три дня. Он сказал: «Я вас поздравляю, вы зачислены…» Я опешил. Куда, как? Это же так трудно, невообразимо — перевестись. «Что молчишь, Александр, поезжай в институт инженеров железнодорожного транспорта на улице Часовой и посмотри на доску приказов. И еще — играй на здоровье! До встречи!» Я взял тачку и через полчаса был в институте. На доске приказов я прочитал: «Такого-то зачислить на третий курс, в связи с переводом…» Я обалдел. Я думал, что на это уйдут месяцы. И вот…

Потом я уже узнал, что сам начальник железной дороги Крыма, надутый и чванливый человек, забрал мои документы из университета в Крыму и отправил их в Москву поездом. Все остальное было делом техники, как говорят. Подобный случай был со мной, когда меня отчислили из Владимирского политехнического из-за несданной летней сессии — пять игр на выезде — и я читаю приказ «отчислить». Я пошел на прием к директору Владимирского тракторного завода, где было работающих тысяч сорок. Попасть на прием к нему практически было невозможно. Я сказал секретарше, что хочу поговорить с ним несколько минут. И был принят тут же. Он не отвечал на телефонные звонки и внимательно выслушал меня. Звали его Петр Иваныч. Затем, ни слова не говоря, он набрал какой-то телефон, что-то сказал на своем директорско-партийном языке и бросил мне: «Немедленно поезжай к ректору, да, кстати, ты забил вчера гол, поздравляю, учись на здоровье». Через минут

пятнадцать я был уже у ректора. Секретарша встретила меня нетерпеливо — «Вас ждут». Я вошел в кабинет. Там сидел другой Петр Иваныч и укоризненно качал головой: «Как не стыдно из-за таких пустяков беспокоить самого… Пиши заявление…» И тут же начертал на моем листке — «Восстановить!» «Если бы он еще и экзамены за меня сдал», — подумал я. Но улетел и так — на крыльях временной радости…

Валентин Васильевич Федоров был в свое время знаменит и как футболист, и как хоккеист. Невысокого роста, косолапящий, коренастый мужик, с яркими голубыми глазами на круглом добром лице. Наверное, в чем-то он и был хитроват, в чем-то лукавил, но добрая душа его не позволяла сильно сомневаться в нем — ребята любили его и доверяли ему, часто пользуясь его слабостями. Он очень ценил то, что был коренным петербуржцем, всегда подчеркивал это: «Смотрите, не подкачайте, ведь мы в блокаду выстояли».

Но футбол — не война. Я даже не знаю что. Игра? Да нет, больше. Жизнь? Да нет, меньше. Но почему же все здесь на тонкой грани жизни и смерти? Как в лагерях — шаг влево, шаг вправо — расстрел.

Вот был, играл, горел на поле, потом потух, зашатало и смотри — как его шибануло — стоит передо мною у станции метро «Динамо», классный (только что ушел из «Локомотива») и лет-то 27, ведь пацан по жизни — Толя Сягин. Сизое, спитое лицо, глаза красные, пальтишко джерси, но уже страшно засаленное, и говорит мне сипящим стариковским голосом: «Шурка, дай трешник, ну дай, помираю»… И в глазах ничего — ни зависти, ни жалости, только немного злости на меня, мол, почему не со мной, здесь. Идем вместе, беру, распиваем, и я уезжаю. Через некоторое время узнаю — повесился. Господи, да за что же так с собой? А я говорю — не жизнь… Ведь только год назад он стадион ставил на уши. Я ему завидовал, а он говорил: «Ничего, Шурец, какие твои годы, еще заиграешь»… Вот и заиграл.

Валентин Васильевич Федоров был сильным человеком. Пройдя сложнейший путь, остался домашним, теплым. Жил на улице Рубинштейна с женой, бывшей чемпионкой по конькобежному спорту, и вышивал гладью подушечки. В последние годы, еще будучи тренером, страдал памятью. Футбольщики подшучивали над ним. Говорил он игрокам: «Закурил — штраф пять рублей, к концу месяца будете без зарплаты». «И сколько, например, я вам должен?» — спрашивал его вратарь Лева Белкин, который попадался чаще всех. «А что,

Лева, а что — ничего, играй себе…» Лева смеялся и шел втихую потягивать сигаретку. Вообще вратарям, как бы негласно, можно было покуривать — дыхалка вроде им не так нужна, а вот нервишки успокоить…

В Удельническом парке, где до сих пор находится база «Зенита», перед игрой нас всех собирали дня за три от жен, любовниц, спиртного. Хорошо кормили, массировали, тренировали. Все свободное время — бильярд, настольный теннис, телевизор, книги, треп… Наконец, наставал день игры. Где-то часов в одиннадцать обычная установка на игру. Готовят на игру основного состава человек 15-16, плюс еще одного-двух, кто особенно отличился накануне в дубле. На установке называли одиннадцать играющих и тех, кто раздевается в запас, затем каждому игроку давали индивидуальную установку, учитывая его особенности. Характеризовалась также и команда противника, отдельные игроки и как надо против них играть.

Иногда, а тогда это было довольно часто, приезжал кто-то из начальства — то ли партийный секретарь, то ли директор завода, и шла идеологическая накачка — запугивания, обещания. Все шло в ход, ради того, чтобы вырвать два очка дома и очко на выезде — таков был стандарт. Думаю, что до сих пор ничего по большому счету не изменилось. Мы умудрились превратить эту чистую игру в какое-то политическое дело, если даже премьер страны говорил о позоре сборной команды России как о позоре всей нации. Ну, а при чем здесь человек, который ни духом, ни рылом в футболе, и любит, допустим, играть на барабане? Что-то ненормальное в этом. Думаю, что игра есть все-таки игра, и не надо делать из нее отечественную любовь или ненависть. Но тогда — другое, тогда играл обком на обком, секретарь на секретаря. Престижно было иметь хорошую команду, для того чтобы где-нибудь на партконференции, в кулуарах, хвастануть: «Ну мои-то орлы твоим врезали…» И вся эта ломка судеб, доплаты, квартиры, машины и все остальное — только ради, может быть, этой одной фразы.

Но я отвлекся. Вернемся на базу «Зенита», где Валентин Васильевич Федоров дает установку на игру. Как всегда, на ковре прямо перед ним садился Анатолий Дергачев — очень сильный центральный защитник, его все любили и уважали. Он был хохмачом и все время подкалывал Федорова. Валентин Васильевич начинает: «Сегодня играем с командой…» — пауза, он с бегающими глазами вспоминает, с какой (я уже говорил, что у него начинался сильный склероз). Дергач тихо подсказывал: «С ЦСКА». «Да, да, — подскакивал Федоров, — с ЦСКА… У них самые сильные впереди. Это…» — опять наступала долгая пауза

(надо учесть, что это 66-й год был), Дергач опять подсказывал: «Бобров, Федотов, Гринин…» «Да, да, — подхватывал Федоров, — спасибо, Толя…» И перечислял состав знаменитой команды ЦДКА… начала пятидесятых. Когда смех утихал, то слово брал второй тренер — Афанасьев, его «серый кардинал», и доводил установку до конца.

Но самый коронный номер Валентина Васильевича был связан с Алма-Атой. Мы поселились в новую тогда гостиницу, у номеров которой были двойные двери — деревянные внешние и стеклянные внутренние. Федоров почуял недоброе: «Ребята, мы ленинградцы, не дай Бог, что-то сломаем в братской республике… Пойду предупрежу всех, чтобы были аккуратней со стеклянными дверями». Он прошел все номера, их было 16 — по два игрока в каждом, наконец, зашел в наш с Левой Белкиным, в 17-й. «Левушка, Саша, я же знаю, что у вас собираются все, кто в картишки, кто потрепаться, я не против, я уже всех предупредил, прошу вас, не разбейте стеклянные двери, знаете, в толкучке…» «Хорошо, хорошо, Валентин Васильевич, все сделаем, не посрамим». «Ну все, ребятки, теперь я спокоен», — сказал Валентин Васильевич, повернулся и прошел в эту злополучную дверь… насквозь. Долгое время у него на лбу был небольшой шрамик после этой прогулки, он всегда трогал его и долго вспоминал, где же он его получил. Ребята за спиной называли его просто Валей…

А вообще это большая загадка — как собираются и как распадаются сильные команды. Иногда и игроки все хорошие, а команда не тянет. Иногда наоборот — все середнячки, но появляются в составе двое-трое заводных, и все — пошла игра. Как грустно смотреть, когда люди не играют, а работают, на спинах их — разводы пота, на лице — гримасы тяжелого физического труда, но нет куража и всё — такая тачка… Кураж в футболе — это твой нерв, это шальной глаз и расслабленный голеностоп. Это — когда мысль опережает ход игры. Это ощущение, что на тебя смотрят и ты повелеваешь чужими чувствами — от восторга до проклятия. Ничего сильнее я не ощущал в жизни — крепко всаженные в бутсы ноги, полный стадион, запах травы и капсина, мяч, семь часов вечера июльской жары и тень от большой трибуны, разрезающая поле на две половины.

Как забивают голы? Смешно слушать, когда комментаторы вопят на весь мир: «Точным косоприцельным ударом такой-то посылает мяч в дальный угол ворот…» Смешно, да и только. Ведь ты всегда на поле в движении, дыхание — то успокаивается, то взрывается. Обычно атака начинается после отбора мяча, и вот,

пройдя в прерывистых схватках полполя, ты, с уже забитым дыханием, болтаешься где-то в районе штрафной. После нескольких маневров, еще более забивающих тебе глотку, вдруг получаешь мяч и видишь просвет в стороне ворот. С немыслимыми замахами и телодвижениями продвигаешься, подстраиваешься и опять видишь — где-то замаячили ворота и вратарь. Впереди кричат: «Не давай ударить», сзади: «Да бей же, сука, будет поздно!» И ты из последних сил, всем своим накопленным тренировками у стенки ударом в рамку бьешь в сторону ворот, видишь миг полета и вдруг — рев стадиона — гол! Вратарь достает мяч из сетки. Да зачастую мячи попадают в сетку не за счет точности удара, а за счет сноса его в сторону от вратаря. Конечно, если ты прямо перед воротами и тебе никто не мешает, тут уж бьешь целенаправленно, но чаще — тебе мешают, на тебе сидят, хватают за трусы, плюются и свои, и чужие, но все… — гол! — подбегают, целуют, рады искренне — гол искупает все, пусть самый бездарный, но гол.

В диком зное города Николаева стоял я как-то у передней штанги ворот. Мы вымучивали игру вместе с «Судостроителем». Коля Климов подавал угловой. За мной маячил огромный защитник и дышал мне в шею и в спину. Коля разбегается и вдруг подает угловой прострельным ударом, и в доли секунды я вижу, что мяч летит мне прямо в лицо. 460 граммов, в дикую жару, при счете 0:0. В голове — убрать голову — не убрать, убрать — не убрать… Подсознательно подпрыгиваю, мяч бьет мне в голову, слышу крики — Гол!.. Действительно — 1:0 выиграли. После игры ко мне подходит тренер и говорит: «Санек, молодец, выпрыгнул, посмотрел, куда бить — и спокойно мяч в угол».

Врут все, врут — не верьте! Забивают голы чаще всего так, как я описал. А со стороны — это все другое. Поэтому верю только тому, кто сам играл и знает, как не столько больно, сколько обидно, если ты сырой мяч остановил на колено, а он, вращаясь, при отскоке слегка задевает хрящик твоего носа… Слезы. Боль. Обида. А комментатор: «Опять притворяется восьмой номер… Нехорошо. Где же мужество?»

«Папа! Папа! Дядю Федю несут!» — с таким криком ворвался в холл гостиницы, где шла установка на игру, пятилетний Серега Сочнев, сын тренера «Таврии» Антонина Николаевича. На установке не было троих игроков и все всё время переглядывались, недоуменно и понимающе. До этого Леша Яровой доказывал, что он совершенно трезв и готов играть. Сочнев говорил обратное, и они препирались. Для меня это было

потрясением — на сборах, перед чемпионатом СССР, да еще перед тренировочной игрой со «Спартаком». Так или иначе, все высыпали в коридор после радостного вопля чудного ребенка старшего тренера, который жил вместе с мамой в отдельных апартаментах гостиницы «Южной». В глубине коридора, как в конце тоннеля, мы увидели три разновеликие фигуры — высокий Юра Щербаков, центральный защитник, среднего роста Валера Петров, вратарь, и совсем маленький, левый крайний нападающий, выходец из ЦСКА и «Локомотива» — Федор Фархутдинов. Да не обидится на меня никто из них за давностью лет. Увидев нас, то есть команду во главе с тренером, они поняли, что надо сыграть трезвых, хотя это было невозможно. Петров и красавец Щербаков держали на руках Федора. В миг они решили поставить его на ноги, мол, мы ничего, стоим на ногах, держимся… Они поставили его между собой, пригладили растрепавшиеся волосы и надвинули поглубже кепку-аэродром. Подержав секунду-две, чтобы показать нам, что все о'кей, они отпустили его, чтобы он постоял радом с ними на равных. Но Федор… Федор скользнул, как ставридка, поставленная на хвостик, прямо на пол и лежал бездыханен. Щербак и Петров снова быстренько подняли его и опять, пригладив волосики и надвинув кепку, встали в единый ряд перед наступавшим старшим тренером, администратором и командой… Но Федя Фархутдинов опять оказался на полу, засучив ножонками тридцать седьмого размера, признаком сильнейшего удара, который у него действительно был… Все они, конечно, сгорели, попали, были казнены деньгами, но добрейшая душа — Сочнев, привезший их из Москвы, стоял за них — в надежде, что они заиграют…

Федя Фархутдинов был страшный хохмач, в командах есть всегда такие типажи. Обычно они должны быть авторитетами прежде всего в игре, иначе все их шуточки будут восприниматься, как придурь, не больше. Если же ты хорош в игре, популярен, то все, что более и менее подходит к хохме, подъебке или издевке, принимается с эйфорией, восторженно-причастно. Вот и Федя, даже еще не сыграв и матча за «Таврию», в ореоле двух-трех публикаций в центральной прессе, а также побывавший в ЦСКА и «Локомотиве», воспринимался на ура, и любая его икота вызывала одобрительную ржачку. Потом все было по-иному, особенно из-за его неудавшихся игр, после одной из которых он бесследно исчез в Москве, ссылаясь на сорванные голеностопы, лишний вес и застарелый трипачок.

А пока он входил в автобус с полотенцем на шее и со всегдашней песенкой «Старый клен, старый клен…» На заднем

сиденье теснился мой школьнй друг — Коля Макухин, взятый вместе со мной на сбор, на голове которого была кепка с рисунком «черточка, точка, черточка, точка» и который насвистывал сквозь редкие зубки «си-си-си-си-си…»

К тому же еще он отбивал в такт пальцем по металлу автобуса нечто непонятное. Федя Фархутдинов, заметив это, насмешливо и покровительственно спрашивал у Сочнева: «Антонин Николаевич, кого в команду берем — футболистов или спецов по азбуке Морзе?» Автобус взрывался смехом, и мы катили в массандровский парк, где Коля в кроссе обгонял Федора на несколько кругов. Но не хватало авторитета и тёхнички. И тяжеловесный Федя Фархутдинов все шутил и попадал в состав. А Коля? Коля сидел на банке, и все рекомендовали ему кожаные трусы, чтобы они не протерлись. Но судьбы игроков всегда уравниваются. Со временем. Федя исчез очень быстро, так и не заиграв, а Коля, заиграв, имел бы прекрасное будущее, если бы не сломал надолго свою берцовую кость.

Сейчас оба они ходят в разных городах — очень пузатые, навсегда забывшие про «старый клен», азбуку Морзе и левый край, на который они претендовали одновременно, имея разницу в возрасте всего лишь, оказывается, в 6 или 7 лет. В той ситуации это было решающим фактором. Сейчас, наверное, я в своих ностальгических записях помню об этом. Больше никто. Правда, может быть, еще два или три героя драмы, если можно называть это драмой вообще…

Юра Щербаков, бывший центральный защитник ЦСКА, начал сразу играть и был в фаворе. Внешне он был скромен, хотя любовь к большой поддаче выдавали красные щечки под глазами и вечная доброта. Рост, пробор посередине прекрасной головы, симпатия — делали его в провинциальном городе любимцем публики, а особенно тех, кто нравился ему. И он не пропускал никого. Особенно студенток. Жил он в гостинице, и толпы красивых чудачек стояли у его окна на первом этаже, под которым был вход в котельную. Однако он сломался. Ему предстояла операция мениска у Мироновой, в ЦИТО. Месяц перед поездкой на операцию он не просыхал, и из его номера выходили все новые и новые прекрасные жертвы, совсем не считающие себя таковыми. Наконец, он уехал. Вернулся в разгар лета, в сладкую жару Крыма, где его ждали все — тренер, друзья, женщины. Он сказал: «Через три недели я буду играть, так пообещала Миронова». Он начал готовиться, ходил на зарядку, понемногу разрабатывал колено. Сочнев был счастлив. Начальство тоже. И вдруг он запил. Нет, не по-черному, он не был алкашом, он был ебарем, прекрасным, любимым шампанским ебарем, в диком и

сладком Крыму. Случилось, что одна из красоток уснула у него в номере, он вышел на секунду позвать горничную совершенно голый, и дверь с английским проклятым замком захлопнулась. Он стоял, стучал, умолял ее проснуться, но все было бесполезно. Тогда, отчаявшись попасть к себе, Юра вспомнил об открытом окне снаружи. Он, сверкая всеми членами, прошел по коридору, через администраторский холл почти незамеченным, ибо это было настолько невероятно, что никто не поверил своим глазам, обошел гостиницу и, с только что прооперированной ногой, полез в свой номер над котельной. Как всегда бывает в таких случаях, герой срывается и падает вниз, в данном случае в уголь котельной, приготовленный на зиму. Голого и в угольной пыли его увезли в отделение милиции под храп фигуристой студентки — не то «меда», не то «педа». Юру я с тех пор не видел никогда, но он был прекрасен. Его проклял обком, горком и отделение дороги, но футбольщики поняли его и простили, любя, скучая, завидуя, — ведь он был настоящим москвичом, а это в то время значило многое…

Случилось, что именно в тот далекий год я впервые поехал в капстрану, в Данию. Меня поначалу не пускали. Потому что совпало: прихватывали в армию, в СКА — Одесса. Я приглянулся начальнику военного округа Бабаджаняну, и он отдал приказ — забрать! Я им на фиг не нужен был и сгнил бы в четвертом или пятом составе. Но их не интересовала судьба каждого — главное, больше выбор. Я косил на травму головы. И когда врачи комиссовали меня, то пришел солдат с винтовкой, напугав мою мать, и сказал: «Я тебя отведу в военный госпиталь». Но военврачи были не фраера. После заключения гражданского врача, который не отвечает перед армией, военный врач, если что-то случается с призывником, отвечает перед генералмедами и теряет звезды. Это и спасло меня. Я не служил никогда. И не страдаю от этого. Однако, когда нужно было поехать в Данию на семь игр, то всю нашу команду вызвали перед отлетом в Копенгаген на Лубянку. Шептали что-то каждому на ухо, потом вызвали меня и сказали, что я поручаюсь Валерию Захарову и Эммануилу Анброху (моим старшим товарищам) и что мой побег в армию НАТО будет означать кару и для них. Я бежать никуда не собирался, но поклялся, что вернусь. «Да, пожалуйста уж, вернись, не попадись на удочку разведки или армии НАТО. А главное — не гуляй там, где много проституток…» По приезде в Копенгаген нас поселили именно на той улице, где было полно проституток. Я был счастлив. Понаблюдать чужую, невиданную жизнь, да еще в самом ее натуральном виде! Что еще нужно футбольному двадцатилетке? Я только и делал, что ходил

целыми днями по этой улице, наблюдая сладкую жизнь. Проститутки мне не понравились — они были старые и страшные, а красивые стоили очень дорого и к ним была очередь.

Команду нашу поселили в небольшом отеле «Абсалон». Утром, часам к восьми, сделав зарядку в ближайшем парке, мы вернулись в отель и сразу же, еще в спортивных костюмах, позавтракали, восхищаясь обилием датских бутербродов, джемов, кофе и сливок. Шведского стола минут через пятнадцать — как не бывало. Пополудни разразился скандал. Оказывается, 16 игроков нашей команды съели завтрак, приготовленный на 90 человек, проживавших в отеле. Принимающая сторона долго не могла рассчитаться за легкий завтрак футболистов.

В Дании было много забавных эпизодов, связанных с игроками нашей команды. К примеру, один из них весь вечер, на одном из приемов, постоянно пил кофе и наливал его всем. В то время, когда он уже давно кончился, а спросить — не знали языка. Оказалось, что он дул заварку из чайника, и остальные — вместе с ним. Когда в каком-то магазине был перерыв, то наши ребятки ловко подсовывали головы под протянутые ленточки и успевали кое-что купить. Так, сунувшись под ленточку в одном из огромных и стеклянных магазинов, Юра Глухих чуть не разбил свою голову и магазин одновременно. Ибо ленточка эта была нарисована на стеклянной двери.

Но самая большая хохма произошла по возвращении в родной город. Отмочил ее уже известный читателю Витек Скрипач. У него был хорошо поставленный не только удар, но и голос. Мы тренировались днем на нашем открытом, небольшом стадионе, было тепло и воскресно. Радист Валентин включил музыку, которую было слышно на всю округу, и постоянно проверял микрофон, потому что днем, часа в три, здесь же должны были пройти соревнования по легкой атлетике. Одноногий Валентин прерывал музыку и наговаривал как обычно: «Раз, два, три…» Вдруг к нему подошел Скрипач и сказал: «Дай-ка я проверю». Ничего не подозревающий Валентин вручил ему микрофон. Витек посерьезнел, собрался, и вдруг на весь стадион и прилегающие к нему улицы, где гуляли ленные горожане, раздался голос Левитана: «Говорят радиостанции всего Советского Союза (пауза). Как только что нам сообщили из Байконура, в соответствии с программой космического исследования, сегодня в 12 часов по московскому времени в Советском Союзе был произведен запуск космического корабля с человеком на борту. Летчик-космонавт, подполковник Эммануил Анброх чувствует себя удовлетворительно…» Что тут началось! Эмма Анброх был нашим вратарем. Все остановились на поле,

начали подходить с улиц люди — тогда космонавты были в почете. Витек смеялся, Валентин плакал, потому что пришедший милиционер стал составлять за хулиганство протокол. К счастью, потом все начали дико хохотать, а великая любовь народа к футболу разорвала в клочья милицейский протокол. Но до обкомовских ушей это дошло, и все получили втык за издевательство над советскими космонавтами…

…Тятя Фетя, Симонян, Артур и Генерал целыми днями ходили по городу от угла к углу, возвращаясь каждый раз к главному — углу рядом с бывшей черной аптекой. «Черной» называли ее, потому что когда-то вместо стекол у нее были черные зеркала. Возвращались и расслабленно становились, облокотись на железные перила, открываясь любому подходившему к ним для разговоров. Это была футбольная биржа, а все четверо были знаменитыми фанатами и знатоками футбола. Знали они практически все. Кто, сколько, с кем, куда, зачем. И на все вопросы отвечали, сплевывая через губу. Особенно — Симонян. Называли его так потому, что он был армянином и работал на такой работе, что раз в неделю бывал в Москве, и там, по слухам от тех же фанатов, общался с Никитой Палычем Симоняном, и поэтому был страшным фанатом «Спартака». На все игры спартачей в Москве он ездил специально, давая потом на «бирже» интервью местным провинциальным фанам, слушавшим его с отвисшими челюстями. Тятя Фетя, Артур и Генерал подыгрывали, но авторитет Симоняна был и для них непререкаем.

Тогда биржи фанатов были почти в каждом городе. В Одессе — на Красноармейской (бывшей Соборной), в Москве — на «Динамо», в Ташкенте — на «Пахтакоре»… Когда разбился «Пахтакор» в 79 году, то абсолютно точно знаю, что все болельщики «Пахтакора» пришли на стадион и просидели там сутки в молчании. А фанаты организовали сбор денег. Собрав огромную сумму, они раздали ее семьям погибших игроков. Вообще, между командами и фанатами тогда были не только невидимые связи. Болельщики и игроки попросту дружили. У многих это становилось пожизненной дружбой. Тогда команды не имели загородных дач и были ближе в народу. Их можно было увидеть не только на поле или в телевизоре. Футболисты и болельщики общались, давая силу друг другу.

В начале сезона команда обязательно встречалась с болельщиками и давала клятвенное обещание выиграть чемпионат. Фанаты интересовались вновь взятыми игроками,

спрашивали их о личной жизни. Юра Зубков пришел в команду из «Уралмаша» за несколько дней до начала чемпионата и сразу попал на такую встречу. У него спросили из зала: «Юрий, расскажите немного о себе». Юрка, смекалистый и юморной мужичок, встал и на полном серьезе ответил на весь зал: «Если коротко, то — рост 175, вес 73, зубы все целые».

Фанаты были напичканы историями, знали составы всех команд мастеров, причем включая и дублеров. Знания их были всеохватывающими, вплоть до мирового футбола. Но все-таки больше всего они знали и любили свою местную команду.

Так проходили дни, и четыре друга, фанаты «Таврии», ходили, как энциклопедия, по городу. К ним мог подскочить какой-нибудь жалкий любителишко-фанат и спросить о результате матча между Кривым Рогом и Желтыми Водами. Они, не останавливаясь, на ходу бросали ему счет и шли неведомо и ведомо куда. Наконец, наставал день их любимой команды на выезде. Часов с пяти, а игра на выезде летом начиналась в семь вечера, начинал толпиться народ. Все собирались вокруг стоявших, все так же облокотившихся на железные перила, — Симоняна, Артура, Тятю Фетю и Генерала. Людей мужского пола становилось все больше и больше, гул нарастал, особенно если матчи были решающими. Наконец, исполнялось 7.45 — конец первого тайма. Симонян нехотя говорил: «Ну что, узнаем первый тайм?» Толпа расступалась, и Симонян проходил к телефону-автомату, стоящему напротив аптеки. Он закрывался один в будке и долго набирал 07. Дело в том, что телефонистки всех городов первыми узнавали новости с футбольных стадионов, поскольку корреспонденты через них передавали информацию. Поэтому Симонян набирал 07, и когда те отвечали, он говорил примерно так: «Слюшай дорогой, эта Симонян, Симонян говорит, ну брат тот самый знаменитый… искажи, как там наша берет или ты мене расстраивать начинаешь?» Он слушал что-то, хмурел и выходил из будки со словами: «Нол один пока, горят подлесы…» И приваливался опять к перилам. Все многозначительно молчали и начинали рассуждать о месте команды, если счет таким и останется… Наконец, оставалась минута до конца игры. Симонян опять заходил в будку и производил тот же фокус. Вдруг он улыбался, бросал трубку и вываливался с криком: «На последний момент забили один, теперь ничья, очко на виезде, маладцы, падлесы…» Фанаты кричали «Ура!», а четверка степенно шла на другой угол. У Симоняна в руке всегда была завернутая бутылка коньяка. Они заходили в какое-нибудь кафе и обмывали очко на выезде. Они были неразлучны, семеня рядышком днем и ночью, как будто у них не было ни детей, ни жен. Так оно и было

наполовину. Женатыми были только Симонян и Артур. Однажды я вернулся домой, на родной вокзал очень рано утром — часов в пять. Был жаркий, щебечущий июль, мы выиграли встречу на выезде, все поехали на автобусе, а я решил пройтись через город пешком. Настроение было отличное, в ногах — уставшая сила, и я пошел, не минуя, конечно же, центра города. Это было чудно — пустой город в лучах новенького солнца, чистота, ну просто — начало мира. И вдруг на центральной улице я увидел спины четырех знакомых фанатов, медленно прогуливающихся чуть ли не в обнимку — то ли они еще не расходились, то ли только что встретились… Я медленно догнал их — они, конечно же, говорили о футболе. Меня они сразу заметили, остановили, и мы часа два проговорили. Их интересовали все мелочи, все детали вчерашней игры. Завтра они на пятачке, у аптеки будут пересказывать все это всему городу. Я выбирал выражения. Это был подпольный футбольный обком. Их мнение котировалось среди фанатов, и попасть на их злой язычок не хотел никто.

Болельщики во всех городах разные, но и в чем-то одинаковые. Слухов тогда ходило много. Когда «Арарат» стал чемпионом и вернулся домой из Москвы, то Симоняну, — конечно же, Никите Пальму, тренировавшему тогда «Арарат», — якобы выкатили к самолету новенькую «двадцать четверку» от болельщиков города, и якобы Никита Палыч сел за руль и нажал сигнал в честь победы, но сигнала не получилось. «А ты, Никита Палыч, разбери сигнал, может, мешает что?» — сказали ему араратовские фаны. И якобы он вскрыл крышку сигнала, а оттуда, как из раковины, засверкал изумрудный камень во много карат… Все это — байки, но почему бы и нет? Тогда, как и сейчас, все могло и может быть…

Тятя Фетя, Артур, Симонян и Генерал старели, болели, спивались, умирали… Но каждый день я до сих пор вижу их уже одичавшие фигуры на улицах моего родного города. Они все так же говорят о футболе, который уже не интересен никому. Тятю Фетю звали так из-за дефекта речи. Он вместо «Д» выговаривал «Т» во всех словах и поэтому был немногословен. Артура звали Артуром. Он был проводником пассажирского поезда. Симонян был ясно каким Симоняном. А вот Генерал… Кликуху по городу он получил не просто так. За его генеральством стоит история такая. Однажды перед игрой его любимой «Таврии», которую содержала железная дорога, с командой СКА (Одесса) Володя (так его звали) переоделся в генеральскую форму, со всеми звездами, и вошел в раздевалку армейцев. Он встал перед ошалевшими игроками и выдал устный приказ о проигрыше СКА «Таврии», в связи со всесоюзным днем железнодорожника. Под общий хохот

его вытурили из раздевалки, но СКА (Одесса) в тот день действительно проиграл «Таврии», как ни старался оттянуть хотя бы очко. Но с того дня Володя получил имя — Генерал, и оно стало легендарным среди фанатов «Таврии».

Вообще для болельщика было престижно дружить с кем-нибудь из знаменитых игроков. Они встречали своих любимцев после игры, у выхода из раздевалки, перехватывали спортивную сумку и шли через весь город, разбирая прошедшую игру. Кстати, футболисты, к которым, увы, приходило забвение, очень ценили тех, кто помнил их как игроков. И это было обоюдно, ибо не в каждом новом поколении найдешь любимца — у каждого свое. Аркадий Арканов как-то рассказывал мне, что один из его друзей, заядлых фанатов футбола, однажды позвонил ему и пригласил встретить Новый год в тесной компании. «А кто будет?» — поинтересовался Аркадий. «Как кто? — с гордостью ответил ему фанат, — мама, я и Саша Медакин…» И это уже было, когда покойный нынче Медакин лет пятнадцать не играл за «Торпедо».

А вообще я любил болельщиков. Только настоящих. Это были своеобразные профи, не то, что сейчас — фанатики с плакатами «против» или «за» какую-нибудь команду, со сплошными оскорблениями. Мне не нравится это разжигание вражды между фанатами. Ведь футбол, если он хорош, то — вне зависимости от цвета футболки. Пора кончать с этим бредом межнациональной розни футбольных команд. Уж если мы отказались от того, что сборная СССР играла только в красном. Ведь итальянская сборная бело-голубая не в силу идеологии, а потому, что цвет неба и моря такой. Однако болельщики и в ту пору вели иногда «захватнические войны». Никогда не забуду случай, как в день игры «Динамо» (Тбилиси) с «Араратом» фаны «Динамо» пришли на свой родной стадион, а он уже был почти заполнен болельщиками «Арарата» — они скупили билеты заранее и с полудня заняли свои места. Билетов же для тбилиссцев в кассах попросту не было. Разразился скандал. Захватчики уехали домой, а игру перенесли. Но такие случаи были редки и продиктованы они были только одним — любовью.

Эдуард Стрельцов был мягким человеком и игроком, при всей видимой его тяжеловесности. Он никогда не отвечал на грубость опекавших его защитников, врезавших ему, несмотря на любовь и обожание. Обычно на следующий день после игры, в Центральных банях все избивавшие собирались вокруг него, потихоньку поддавали и извинялись, извинялись… Эдик был добродушен и зла не помнил. А у советского футбола система защиты была

разрушительного характера, она сметала на своем пути всех, как, собственно, и вся система, не позволявшая инакомыслия. Любого, даже футбольного. Тем более, она не прощала тебе того, что ты — личность. Особенно такого масштаба, как Стрельцов. Опекуны следовали за тобой повсюду, мешая делать красивое в более широком смысле, это были своеобразные футбольные чекисты, «смерши на поле». «А если он пойдет на свою половину поля, что мне делать?» — спрашивал тупо у тренера такой. «Идти за ним», — отвечал тренер. «А если он возьмет и сядет на скамейку?» — «И ты с ним рядом», — невменяемо отвечал тренер, продолжая: «Даже если он побежит в раздевалку, и ты — за ним…»

Таков был общий принцип игры против. Особенно против Эдуарда Стрельцова. Только однажды, уже примерно за год до ухода из футбола, после уж больно насевшего на него опекуна, оттоптавшего ему все голеностопы, Эдик не выдержал и ответил. И тут же был выгнан с поля. Что тотчас же развезла советская пресса: «Как можно, какой пример для молодежи!!» СТК собралась сразу же и вызвала на заседание Виктора Марьенко. Были упреки, назидания (ни одного в адрес судей!).

Стрельцов был тоже вызван, сидел с опущенной головой и не проронил ни слова. После решения о дисквалификации на пять игр его отпустили домой, а Марьенко остался. Он сказал только одно: «Ну что вы от него хотите, после каждой игры у него в синяках не только ноги, у него яйца синие, я же это, в отличие от вас, вижу…» Повернулся и ушел.

Но Стрелец делал свое великое дело несмотря ни на что. Иногда он мог отстоять на поле под свист фанатов почти всю игру, но усыпив бдительность защитников, за десять - пятнадцать минут до конца совершал несколько гениальных ходов, и победа была за «Торпедо». Говорят, что он был простоват, не блистал славословием. Глупо требовать от футболиста, которому Бог дал быть Великим игроком, того, чтобы он был еще к тому же Сократом или Платоном. Энергия имеет ограниченное пространство, если она уходит на что-то лишнее, ее потом недостает в главном. Сколько я знал писателей, художников, спортсменов, начинавших здорово, а потом проболтавших свой талант, раскрутивших лишнее, и не в ту сторону. Эдику и не приходилось думать об этом. Он был таким, каким он был. Но как же все-таки определить величину того или иного игрока? Какие критерии? Есть определенные формулы, по которым можно приблизительно подсчитать значимость игрока. К примеру, Альф Рамсей, знаменитый англичанин, вывел тройную формулу скорости игрока и сказал, что если тот обладает этими тремя качествами сполна, то он велик. При этом исходил из того, что

скорость классного футболиста складывается из скорости работы с мячом, физической скорости бега и скорости мышления, естественно, на поле. Эдик отвечал всем этим трем качествам, но было бы скучно пытаться вычислить его гениальность только таким способом. Его нужно было видеть. И еще — самое главное — необходимо побыть самому немного футболистом и потом сравнить с собой, и вот тогда… Я попробую это сделать. Игроком в общем, наверное, я был средним. Ну, были проблески, были подъемы, но все это ерунда. Пеле и Стрельцовым я не стал. Таковыми рождаются. Как-то мы с моим племянником обедали. Моя мама кормила нас. Племянник, игравший тогда за детскую «Таврию», что-то канючил и не ел борща. Я, шутя, бросил ему: «Эй, Саша, ешь борщ, Пеле на станешь, он очень любил украинский борщ». Племянник очень легко ответил мне: «А вот ты любишь борщ, а Пеле не стал». Вот так. Все правильно — можно любить шахматы и не стать Каспаровым. Можно любить футбол и не стать Стрельцовым. Но я немного отвлекся. Великий игрок проявляется в «минуты роковые», когда на карту ставится все на глазах ста тысяч болеющих, и вот именно в эти полтора часа он живет так — ни срыва, ни ошибки, хотя все держится на тонком нерве. Никогда не забуду, как Стрелец раздел знаменитых киевлян в их родном гнезде. Последняя игра. В Киеве уже было прохладно. Весь матч киевляне вели в счете, правда, всего — 1:0. В середине второго тайма случилось невероятное. Стрелец, и до этого игравший здорово, разыгрался еще больше. Он начал творить чудеса. Представьте, Эдик с трудом получает мяч в районе центрального круга и начинает двигаться к воротам киевлян. Он двигался всегда так мощно, что спустя секунды возникала опасность для ворот. На него пошел его опекун — передний защитник Круликовский. Эдик делает замах для удара и… паузу… Круликовский поднимает ногу, а Эдик засовывает мяч под его другую — опорную ногу, корпусом выходя вперед опекуна, вслед за мячом. Сделав такое, я бы уже бил в сторону ворот — попал — не попал (свои-то висты уже набрал, меня бы все хвалили и на разборе игры ставили в пример). Но великий об этом не думает, он ведет дело к завершению, как в Божественной комедии — она уже написана, ее нужно только исполнить. На Эдика (причем, происходит это все в считанные секунды) с его зверским подкатом выходит последний защитник Вадим Соснихин. Эдик опять замахивается, и Соснихин тоже поднимает ногу и получает между ног в падении, мяч выкатывается у него прямо из-под жопы, и Эдик, обойдя и его, опять может бить по воротам, как сделали бы тысячи других. Но и это — не для него. В этот момент перед ним, уже в штрафной, опять вырос

восставший после крушения Круликовский, и Эдик в третий раз укладывает его на замахе, выходя один на один с Рудаковым. Крик на стадионе стих, возникла тихая паника. Эдик показал Рудакову в один угол, и тот дернулся туда, а Стрелец тихо покатил мяч в другой. Что творилось на трибунах! Это был великий игрок. И перед нами явилось его величие. Нельзя ведь было кричать, непонятно от чего. Второй гол Эдик забил в таком же стиле. Это было в середине шестидесятых.

К сожалению, мир так и не увидел сполна Стрельцова. Ведь даже когда ему уже разрешили играть в чемпионате страны, он был все равно невыездным. Первый свой матч за рубежом он сыграл в Италии, со сборной. Против Факетти, знаменитого «синьора катеначчо» Италии. Наша сборная тогда выиграла 1:0. Потом была Франция, Англия…

Однако судьба Стрельцова трагична. Он для меня так же трагичен, как в поэзии Есенин, Мандельштам, Маяковский. Футбол был тогда, как и литература, общественным явлением. Общество выделяло из глубоко талантливой массы народа своих гениев, а государство убивало их. Власть «отвратительная, как рука брадобрея» вмешивалась всюду, даже в постели влюбленных. И конечно же, не смогла пройти мимо футбола, так любимого ею, ибо там можно было показать свою силу. По-своему трагична судьба и другого гения — Григория Федотова. Такая же у Боброва, с его выбитыми по приказу свыше коленными чашечками. Но Стрельцов — это особенный случай. Его посадка и отлучение от футбола, в то время когда травили Пастернака и начали гонение на Синявского и Даниэля, затем уже и на Солженицына, Сахарова, свидетельствовали о приходе тоталитаризма. Пришел он и в советский футбол, о чем я буду говорить позже. Но почему же сейчас, когда уже стоят памятники Есенину и Высоцкому в центре Москвы, нам не поставить памятник великому поэту футбола нашего столетия — Эдуарду Стрельцову?

Помню, как в 69-м я снова попал в ЦИТО. Туда же, во второе отделение спортивной травмы, привезли Стрельцова. Он порвал себе ахилл. Миронова сделала ему пластику, и он мог бы еще играть. Он и поиграл, но поняв, что потяжелел после шести месяцев без тренировок, ушел из футбола. Запомнилось, что в день, когда Стрельцова прямо с поля привезли в ЦИТО, Игорь Численко, тогда еще игравший, вечером, когда ушли врачи, завез ящик коньяка в его палату и задвинул под кровать. И каждый день, если был не на выезде, заходил проведывать Стрельца.

Судьбы многих знаменитых футболистов того времени сложились трагично. Численко, Воронин,

Глотов… А что могла жизнь предложить им выше того, что у

них уже было? Или они жизни? Ничего. Уклад нашей жизни таков, что для продвижения вперед нужно все перевернуть. Нужно быть Беккенбауэрами, чтобы после тех верхних нот жизни на футбольном поле взять снова верхнюю ноту тренерства, наставничества, или чего еще… Дело в том, что вообще, если уж рождаются футболистами, то футболистами живут и умирают, чем бы, кстати, потом они ни занимались — клеймо навсегда — а, этот — футболер!.. Ну как же, помним… Но люди не каменные, не железные, они имеют свойство ломаться, особенно если к этому располагают обстоятельства. Вот так и Стрелец. К счастью только, его семья, жена и дети смогли создать ему дом, дать ему тепло и никто до конца дней не бросил его. Это бывает довольно редко. Обычно великие и брошеные кончают так, как кончил Валерий Воронин. Или как тот же Число. «Таска», наркологический термин, ломка по великим годам их праздника жизни не пускала их в новый праздник жизни, ибо они понимали, что все другое будет и есть для них второй сорт — жизнь завершена в таком раннем возрасте. Сам Стрелец, умерший от рака легких в 53 года, умер, может быть, потому, что смысла жизни уже как бы не было. А к пониманию, что смысл Жизни именно в самом ее течении, в обыденности, приходят даже не многие философы. А жизнь ничем не смогла их успокоить, увлечь, дать возможность адаптироваться после буйства молодости и азарта к спокойствию и равновесию — ни психолога тебе, ни социолога, ни даже друга-советчика. Все бросают в один день. «Бабок», «сормака» нет? Выпить вместе и подурачиться не на что? Ну и х… с тобой — выкручивайся сам. Так жили и сходили на нет не только знаменитые футболисты — актеры, врачи, чего стоит судьба великого балеруна Мариса Лиепа? Это из того же ряда. Равных с Богом равняли с плебсом. Плебс был счастлив — и поделом, повыгребывался и хватит, и туда же со мной, в тюрю…

Как-то осенью, прогуливаясь по Подмосковью, я забрел на огромное картофельное поле. Стоял туманный, моросящий день, уже клонило к холоду, но впереди я различил шевелящиеся фигуры людей, копавших картошку. Это был десант москвичей от предприятий в помощь труженикам села. Там были студенты, кандидаты наук, врачи. Они лениво делали не свое дело, зная, что народному хозяйству от этого не станет легче. Вдруг я увидел знакомую, слегка сгорбленную фигуру, сидевшую на цинковом перевернутом ведре. Я увидел стеганую серую фуфайку, надетую поверх спортивного костюма, на ногах подвернутые кирзовые сапоги, а на голове синюю в белую полоску посередине, хлопчатобумажную спортивную шапочку. Фигура курила за сигаретой сигарету, покрывалась мелким дождем и туманом.

Когда я подошел поближе, фигура обернулась на хлюп моих башмаков. Сердце мое вздрогнуло, и я замер. Это был Эдуард Стрельцов, великий футболист двадцатого столетия. Вероятно, страна, считавшая себя великой, могла остаться голодной без нескольких ведер картошки, накопанной ногами, творившими в свое время чудеса.

И я очутился в Тернополе. В то время — стотысячном, прекрасном городе, в ста километрах от Львова, с чистейшим озером в центре, с футбольной командой класса «Б» — «Авангард», с несколькими спиртовыми заводами вокруг и массой женщин польской красоты, обучавшихся в местном институте медицины. Бывший тренер «Таврии» — Володя Юлыгин позвал меня туда — «Хватит унижаться в дубле, здесь будешь королем и деньги хорошие, а там посмотрим. Я сам сюда ненадолго». Я был легок на подъем, собрал сумку, написал заявление об уходе и через три часа лёта оказался в райском местечке, откуда сразу же уехал играть в Дрогобыч, догоняя свою новую команду. Играть после высшей лиги в классе «Б», особенно пока не привыкнешь, легко, интересно и уважительно. Правда, пока идет масть. Первую игру я провел на подъеме — команда меня приняла прекрасно, тренер — понимал. Я играл на моем любимом месте — оттянутого, свободного нападающего. Сыграл, наверное, за Тернополь игр 14. Мы заняли четвертое место в зоне, и я стал своим в доску. Ребята были замечательные, тем более, если и пьешь с ними, и играешь на равных — никаких проблем.

В выходные дни тройная уха, спирт, река и, естественно, охота за красотками. Сразу же после первой игры меня посадили в черную «Волгу» и отвезли на три маленьких пригородных спиртовых завода. Там я написал заявление о принятии меня на работу в качестве дворника или еще кого-то… Естественно, никем я там не работал, но исправно на главной почте получал денежные переводы в общей сложности около 200 р. в месяц. Плюс еще зарплата в обществе «Авангард» — 140, ну, что-то подбрасывали и за выигрыши. В общем, играть можно было и нужно. Вратарь Шура Дегтярев, который потом стал вратарем «Черноморца», подружился со мной. Он был изумительным, я люблю его до сих пор. Единственное, чем он мучился, — не мог выбрать себе невесту и немного доставал меня с этой проблемой. Мы жили с ним всегда в одном номере, поддавали, вместе и получили приглашение в житомирский «Автомобилист» от Виктора Семеновича Жилина. Надо сказать, мы были молодыми, но отнюдь не детьми, ибо знали себе цену и знали, во что нас

оценивают. Приглашали в команды по-разному — то телеграммой, то со специальным посыльным, то письмом. От Жилина я получил очень смешное письмо, которое начиналось так: «Александр, приглашаю тебя в «Автомобилист». Игра мне твоя нравится. Доплата — 300 и питание. Сообщи свое согласие». Для футболиста получать такие письма — одно приятствие — залог работы, денег, признание профессионализма. Но ни одного лишнего слова. Чтоб без зацепок там душевных — я тебя беру как лошадь, пока бежишь, а перестанешь, так же без сантиментов: «Александр, игра мне твоя не нравится и т.д.» Меня учили, что с тренерами дружить нельзя, если этот тренер не Борис Аркадьев, потому что в большинстве своем они слегка жуликоваты, льстивы, когда им это нужно, жестоки, когда ты им не нужен. Нужно играть и держать их на расстоянии: приблизил — все, тут же что-то потеряешь, ибо под видом надобности коллективу отберут у тебя, а дадут другому, хуже тебя, но только чтобы он не выступал. Это очень жестокие игры, но в них играют все, если, повторяю, они не Аркадьевы.

Так вот, с «Автомобилистом». Шура Дегтярев поехал в Житомир, там заиграл и его забрали навсегда в «Черноморец». Я же… Со мной — другая история. Где-то через месяца два я стал присматриваться к жизни в Тернополе, и поскольку местный обком тут же пообещал дать мне квартиру, то я понял, что, возможно, здесь придется остаться на всю жизнь. И я начал дуреть от этой мысли. Если не лето, то на улицах часов в семь — никого. Стадион, поддача, гулянки. Там же я подружился с прекрасным футболистом — Бобом Высоцким. Он почему-то тогда очень прилично «зажигал». Как-то мы разговорились. Он сказал, что поддает из-за того, что кто-то ему стукнул на его жену, мол, она в Питере заруливает с другим. Я спросил его прямо: «Слушай, Боб, ну а если бы ты был на ее месте и по полгода не видел мужа, что тогда, а гулял бы?» Боб посмотрел на меня очень грустно и честно сказал: «Не знаю, Санек, но натура-то у меня блядская…» Я долго успокаивал его, но все это бесполезно. Трудно попереть против самой жизни. Но я стал понимать, что Тернополь с моим футбольным успехом — это мой конец. Здесь я сопьюсь, здесь одна «конча и заспа» и превращусь в провинциального второго тренера моего друга первого, если к тому времени ему еще нужен буду. Я понял, что нужно делать отсюда ноги. Но как? Начальство и ребята поверили, что я приехал к ним навсегда. Но они не знали моего коварства.

К счастью, Володю Юлыгина почему-то невзлюбили местные начальники-пьяницы, которые устраивали приемы в лесных кущах со спиртом, семерной ухой и девочками для

представителей федерации футбола Украины. В общем, вероятно, еще и потому, что он был москаль, что и в те времена не приветствовалось. Помню только, что ребята, любя его, устроили ему такие проводы, что мы внесли его на руках в проходящий поезд и бревном положили, наказав проводникам разбудить его перед Москвой. Так оно и было. А я остался один в этом прелестном скучном городе. Не хватало еще жениться на одной из медичек, ходивших голодными, ибо парней было в городе маловато, особенно с перспективой на квартиру. Но я держался. Вернувшись из отпуска, познакомился с новым тренером — бывшим игроком московского «Торпедо» Вацкевичем. Он что-то пронюхал о моем тайном желании смыться. Когда я пришел получать все мои зарплаты, доплаты и пр. — рублей 600-700, а это были тогда приличные деньги, то мне сказали: без записки Вацкевича — ни копейки. Я скрывался от него, от разговора, стреляя четвертаки у друзей. Наконец, в три часа ночи, завалившись в мой номер, Вацкевич уговорил меня остаться на год поиграть. Я проснулся с чувством предательства, совершенного против самого себя. На столе лежала записка на получение денег и с указанием места (г. Залещики), где уже проходили первые сборы. С паскудным настроением я собрал свою сумку и спустился в подъезд. Стояла черная «Волга», из нее вышел молодой человек инструкторского типа. «Александр Петрович, надо поехать в обком партии, с Вами хотят поговорить…» Ну что — поговорить, так поговорить. Там я узнал, какой я гениальный футболист, какая и где у меня будет квартира и в какое дерьмо меня могут превратить, если я не соглашусь. Я согласился, хотя точно знал — ни за что не останусь в этой чудной деревне. В кармане лежала телеграмма — вызов в город Владимир, куда уехал Юлыгин. Но как это сделать? Одно я знал точно — здесь не могу. «Ну вот, — сказали мне, — а теперь машина отвезет тебя на сборы». «Ну что вы, сказал я, — зачем гонять машину, уеду рейсовым автобусом. Они недоверчиво переглянулись и, помолчав, вдруг сказали: «Хорошо, вас проводит наш сотрудник, получите деньги, и он вас отправит автобусом». Это была их роковая ошибка. Мы обошли с провожатым все пять «денежных» мест. Когда мой карман значительно потяжелел, мне стало совсем тоскливо — продался! От провожатого не уйти, цепкий, собака, все… Я заговорил с ним черти о чем, чтобы думать свою думу — как смыться, что будет потом, не интересовало. Скорее отсюда, где тебя очень сильно хотят. Мы пришли на автобусную станцию, которая находилась на привокзальной площади. Я сказал провожатому: «Слушай, сегодня мне все равно уже не тренироваться, пойдем, я куплю

билет до Залещиков и, может быть, шлепнем по коньячку?». Вечерело. «А что, давай, я тоже уже сегодня не пойду на работу, провожу тебя (он тут же перешел на «ты») и пойду спать спокойно…» Я взял билет на отходящий через минут пятнадцать автобус, затем в буфете взял бутылку коньяка, разлил на двоих, тогда так коньяк только и пили нормальные люди и, прошлепав через площадь к автобусу, сел на переднее сиденье. Мой провожающий захлопнул дверь «Икаруса», трогательно сделал мне ручкой, и мы медленно отплыли друг от друга. Я увидел, что провожатый потопал в сторону центра и уже почти скрылся. Как только автобус проехал квартал, я сказал водителю: «Шеф, гальмани, а? Я кое-что забыл…» «Я не могу ждать». «А вы не ждите», — сказал я и спрыгнул на брусчатку неродного мне города. Ровно через пять минут я был на вокзале. Стоял проходящий состав «Будапешт — Москва». Я спросил проводницу: «Возьмешь до Москвы за тридцатник?» «А что, прыгай!» Через сутки я был в Москве. Еще через день я уже тренировался в составе команды «Трактор» города Владимира…

Через несколько недель на имя команды — из федерации футбола России —- пришла телеграмма о том, что я дисквалифицирован на два года. К марту месяцу я уже твердо был в составе, и приближался чемпионат, хотя все еще был дисквалифицирован. На мою просьбу — прислать мне трудовую книжку — я получил фигу. Наш администратор десятки раз ездил в Москву со взятками, чтобы решить мою проблему. Деньги брали, обещали, но…

Пора уже было выходить на первые игры, а я все еще был вне закона. И вдруг прибегает ошалевший Иваныч (администратор). «С тебя бутылка, тебе разрешили играть…» Что же произошло? Потом я узнал от кого-то из федерации — один вратарь из российской команды рванул на Украину. Нас обменяли. Как шпионов. Бывало и такое. Через примерно год я получил в каком-то грязном конверте мою трудовую книжку. В графе дальнейших передвижений стояло гневное «Отчислить1» Тогда же в моей трудовой книжке появилась более замечательная запись, которую стоит процитировать в заключение моей украинско-российской эпопеи: «Зачислить игроком заводского комитета Владимирского тракторного завода». Вообще с этими записями в трудовых книжках был цирк, ибо официально у нас не было профессионального футбола. В моей трудовой книжке есть и почище перлы.

Допустим: «Освободить в связи с невозможностью дальнейшего использования». В качестве чего? Кого? Освободить от чего? И потом использовать ведь всегда можно… Или:

«Зачислить в команду мастеров класса «А» «Зенит». Кем? В качестве кого?.. Маскировались. Не хотели произносить — футболистом. Игроком — пожалуйста. Но может быть, это и в шашки, и в шахматы, тем более, все завкомовцы целыми днями переставляли от безделья деревянные фигуры. Правда, моему покойному другу Валере Захарову влепили прямо в военный билет в графе «специальность» — футболист. Все смеялись над ним, а он переживал: «Да какая ж это профессия, это ж любовь». Кому-то потом пришло в голову, что у всех наших «профи» была одна на всех специальность — инструктор физкультуры, официально подпадающая под трудовое законодательство. А так, если вы посмотрите в трудовую книжку даже Олега Блохина, то узнаете, что не было такого футболиста, а был с такого-то по такое-то время инструктор физкультуры Олег Блохин. Вот так-то.

Войдя в комнату общаги для ИТР, я увидел в глубине ее кровать, на которой лежал человек, обтянутый простынею до самых губ. Он жевал простыню, едва различимо произнося: «Говорила мне бабка — Климушка, главное — это сормак, главное бабки…». Я остановился, ожидая приветствия, но человек, уткнувшись в потолок, продолжал: «Итак, завтра я получу зарплату, доплату… Надо еще выбить подъемные… итого у меня будет на книжке 6 тыс. четы…» Он увидел меня, вскочил и начал, поправляя свою прическу: «Саня, ты приехал? Как хорошо, мне говорили, что тебя не отпускали…» Это был Хача, Клим Хачатуров, бывший игрок «Локомотива» и харьковского «Авангарда», волею судеб оказавшийся во владимирском «Тракторе». «Ты знаешь, здесь неплохо, только холод советский замучил. Завтрак в 9 утра, первая тренировка в 11. Спим. А то завтра не будет советского рывка», — сказал Хача и залез под простыню с двумя одеялами. На тренировке я действительно увидел, что у Хачи адский рывок с места и классный дриблинг, видно, что на пятачке он мог творить чудеса. Правда, тяжеловат. Ему было 28, и год уже он нигде не играл. Да он и сам это понимал и иногда шутил: «Представляешь, иду на защитника с мячом, показываю влево, и он влево, показываю вправо, и он вправо, я опять влево, он на такт отстает от меня, и я могу проходить мимо него с мячом, но я показал и… остался…» Это «показал и остался» прицепилось за ним во всем. Он не очень выпивал и в компаниях часто пропускал. Ему тут же говорили хором: «Ну что, Клим, показал и остался?» Он нередко говорил о деньгах, все время что-то просчитывая, но я всегда думал, что он больше шутил. К примеру, я предлагал: «Хача, давай шлепнем

грамм по сто коньячку?» Хача грустно отвечал: «Нет, я не буду, пей сам, мне дай деньгами». Или усмехался и говорил: «Я не пью, на хлеб мажу». От него я научился всяким словечкам, образным, помогающим в игре, в жизни. Хача просто сыпал новыми для меня тогда словами — «…советская, тварь, красавчик». Слова были не новые, но он так их смешивал, с такой интонацией, с таким мягким, легким армянским акцентом, что я влюбился в его хохмы, шутки. Ну, допустим, как можно не запомнить такое. Если кто-то плохо играл, то Хача говорил о нем: «Не играет, а рубль просит» или «Не играет, тачку возит». Одно и другое очень зримо и выразительно. Действительно, если тяжело бегаешь, то словно тачку перед собой возишь. Клим, Хача, как его ласково все называли, был моим настоящим футбольным другом. Всегда переживал, поддерживал, я тоже привязался к нему. Каждое воскресенье из Москвы к нему приезжала жена Таня и пятилетний сын Артурчик. Они были в разводе, но Хача любил сына, и вот как-то мы пошли в ресторан пообедать вместе, по-семейному. Накрыли нам в банкетном зале, официанты уважали футболеров. Мы тихо обедали, Хача как всегда шутил, а Артурчик ползал под столом. Вдруг он подошел к нам и в протянутой ладошке что-то показал отцу: «Папа, папа, посмотри, я нашел жучка». Хача посмотрел на Артурчика и, не глядя на жука, молвил: «Артурчик, всегда смотри внимательней, может быть это рубль?..» Я бы не стал описывать все его рублевые штучки, если бы не уверен был в том, что напишу о его отношении к деньгам в конце. Пока же Хача властвовал. Мы заходили в кафе перекусить, и Хача укладывал наповал подошедшую официантку набором взаимоисключающих слов: «Девушка, красавица (официантка краснела от комплимента и улыбалась), тварь советская (она смурнела, взрывалась, порывалась уйти), принесите, пожалуйста, милая» и т. д. К началу сезона Клим набрал хорошую форму. Володя Юлыгин проводил тренировки весело, умело, была хорошая конкуренция, и в конце концов каждый нашел свое место, а Хача — на своем любимом левом краю и требовал, чтобы я играл под ним, ибо я, долго сам игравший на краю, знал, как это важно — иметь под собой хава, который играет не для себя, а кормит мячами, то в ноги, то за спину своего крайнего. Он тогда виден. Бедный Хача, ему не суждено как следует заиграть в хорошей в общем-то команде «Трактор», которую сделал практически за два года Юлыгин. На одной из первых игр чемпионата России в Бресте, при полном стадионе и отличном газоне, первые минут двадцать он «раздевал» своего защитника и делал проходы с простелами в центр.

В один из таких моментов Хача отскочил от защитника, я

показал замахом ему за спину, защитник чуть качнулся назад и Хача получил мяч в ноги и пошел на защитника, качая его финтами и корпусом. Как только защитник упустил момент для подката, Хача рванулся в штрафную и резко послал под себя мяч набегавшему нападающему. Гола не было, а Хача, с криком проскользнув по траве несколько метров, был унесен с поля на носилках. Надрыв задней поверхности бедра. Это очень плохая штука. Лечение месяца полтора и еще гладкий бег столько же. Сочувствие всех и облегчение некоторых — может, попаду в состав. Увы, таковы эти жесткие игры. Хача попал на банку надолго. Он приезжал с нами на стадион и грустно сидел на солнышке, наблюдая за тренировкой. Мне было искренне жаль его, ибо мне это было так знакомо.

Слово «советский», которое Хача привнес в команду, привязалось ко всем и ко всему: «Климушек, передай-ка сметанку советскую», «Хача, в кино советское пойдем?», «этот мяч советский!» И так — ко всему. Ни злости, ни любви, просто привязалось вплоть до того, что старший тренер на весь стадион кричал на тренировках: «Ну-ка, кто сделает длинную передачку советскую?» И над полем стояло это слово во всех вариациях, соседствуя то с матерком, то с футбольными словечками — «ну-ка пасик советский», «куда в задницу суешь, сука советская», «ух ты, красавчик советский» и т.д. После одной из таких тренировок Хача пришел подавленный, долго молчал, потом сказал мне: «Все, Саня, мне каюк, меня посадят, я сегодня слушал со стороны, что творилось на поле, — мне ж пришьют антисоветчину». Я же, как мог, успокаивал его. Всем было наплевать, как мы говорили, лишь бы были голы и очки.

Хача тогда уже глубоко засел в запас, никак не мог привести ногу в порядок, потяжелел, комплексовал, думал уйти. Ревнив был до невероятности. Я в то время тайком начинал писать стихи, скрывал это ото всех — засмеяли бы — здоровый мужик, футболист и вдруг такая напасть — стихи. Слабак, баба да и только, и еще, интеллигент вонючий… Я боялся, что и Хача не поймет этого. Я начал ходить в свободное время в библиотеку, скрывая прежде всего от Хачи, он был ближе всего ко мне. Наступал вечер, мне надо было свалить, как от нелюбимой жены, к возлюбленным книгам. Я, как бы нехотя, бросал Хаче: «Ты знаешь, пройдусь, может, в кино, может, просто так…» И быстрым шагом — в библиотеку. Когда однажды вернулся, Хача, как жена, подловившая мужа, подло молчал, сопел, потом взорвался: «Зачем ты мне врешь, мы с тобой дружим, а ты меня обманываешь… Кино, кино… А я пошел за тобой и пришел в библиотеку. Это что еще такое?» Я не выдержал его натиска,

пришлось расколоться, что я пишу стихи и мне надо самообразовываться. Хача отреагировал неординарно. Он спокойно подумал и с таинственностью в голосе сказал: «Саня, так это ж такой сормак, песню написал и живи, книгу выпустил, потом переиздал, и бабки, бабки…» Откуда он нахватался этой чуши? Даже я тогда не знал и не думал об этом. С той поры он стал тайно мне покровительствовать, гордясь этим. «Санек у нас вчера такую телку отхватил, пришел часа в два», — говорил он игрокам команды, покрывая мое отсутствие ну, допустим, на ужине. И в этот же момент его правая или левая рука почесывала глаз — тайный знак посвященных, что все было наоборот. До сих пор я пользуюсь этим знаком, чтобы использовать его в неблизком кругу, для посвященного, что надо, мол, валить, благодаря хозяев, что все о'кей, но посвященный понимал, что была лажа и отвечал тем же… Это, конечно, не цинизм, а хохма, хотя все мы немного циники, это не новость.

После одной из игр, на следующий день я зашел в областную газету. До этого, не под своим именем, я напечатал первое свое стихотворение. Главный редактор и Слава Юденич, зав. спортивным отделом, заволокли меня в кабинеты, сначала расспрашивали о делах команды, а потом, хлопнув себя по лбам, сказали: «Слушай, завтра восьмое марта, у нас дырка на полосе, напиши восемь строк, а?» «Не, — ответили, — не халтурю». «Да брось ты, подпишись любым именем, выручай, а?» Ну, я сочинил каких-то восемь строк, вполне приличных для газеты. Как бы подписать? Что-то меня стукнуло, и я поставил — К. Хачатуров. Так это и пошло. Утром следующего дня, Хача, как всегда изучавший газеты, подпрыгнул на кровати: «К.Хачатуров, стихотворение. Слушай, Санек, твои дела?» — «Да», — нехотя ответил я, боясь бурной отрицательной реакции. Но Хача был непредсказуем. Он вдруг замолчал, съежился, пожевал простыню и вдруг выдал: «Ты знаешь, это здорово, что ты сделал, потому что, когда меня будут отчислять из команды, я пойду в обком и покажу газету, а они почитают и скажут — так он не только футболист, но еще и поэт. И оставят в команде».

Бедный Хача, не знает он, что когда я в Крыму выпустил первую книжку и был принят в Союз писателей, то Секретарь обкома, узнав об этом, презрительно сказал: «Эх, футболистом был, человеком был, а сейчас — поэт, черт знает что…» Кто знает, может он и прав? После одной из игр мы пошли в кабак всей командой. Отметили победу, и я решил пройтись подышать. Стояла теплая звездная ночь, я здорово сыграл, до игры дня за три я смотался в Москву и приоделся — тогда модны были тиргалевые костюмы (скользкая сверкающая ткань), замшевые

туфли, рубашка с галстуком — все в тон. Я пошел коротким путем, немного заблудился, поскользнулся и упал в лужу на дороге и начал засыпать. Надо мной вращались звезды, было тепло, я был счастлив. Ничто меня не беспокоило, в голове бродили идиотские мысли, что я засыпаю в центре

России и что так хорошо, что даже не страшно умереть. Дурак. Если бы проехала машина любая, вряд ли бы она меня заметила. Не помню ничего, помню, что проснулся я от того, что Хача лил на меня воду из чайника и приговаривал: «Вставай, пьянь советская, вот тварь, как игру дашь, так думаешь, что все, — король, через три дня опять игра, будешь тачку возить…» Я посмотрел на пол. Там лежали мои новые шмотки, пришедшие в полную негодность. «Хача, — сказал я, — уёбище дорогое, выброси все это в мусорный ящик». «Ты что, сдурел? Рубль — и все будет как до ресторана». «Три», — сказал я и отрубился. Через час я немного оклемался и пошел в рядом стоящую баню. Я зашел в отделение перед парной. Там стоял жуткий хохот. Голые мужики, отдраивая друг другу спины, смеялись непонятно отчего. Я ополоснулся и вошел в промежуток с душевыми. Там смеялись еще больше. Оказывается, Хача, надев на себя все мои грязные шмотки, вошел в баню и, пройдя через общее мужское, встал под душ с одежной щеткой и начал драить себя вместе с моим пижонским нарядом. Попарившись, в общаге я уснул мгновенно и до вечера. Когда я проснулся, мой костюмчик, рубашка и ботинки были отглажены, высушены. Хача доглаживал галстук, не зная, что исправить его уже невозможно.

Он ушел из команды сам, не дожидаясь отчисления. Предварительно он сговорился в Мурманске через футбольщиков о том, чтобы походить пару лет в рыбфлоте, и уехал туда.

Время от времени я получал от него открытки подобного рода: «Саня, дорогой, только что чуть не погиб, наш корабль обледенел и столкнулся с другим, будь проклята эта рыба советская, какой я дурак…»

Боже! И это Хача. Три года он ловил рыбу в Северном море. Я иногда заходил к его жене Тане на работу в магазин «Москва». С каждым разом она рассказывала все более и более потрясающие вещи. Когда Хача приходил из плавания, то собирал огромные компании в ресторанах и, не выходя оттуда, за 2-3 недели спускал все заработанное. Сыну, Артурчику, присылал подарки и большие деньги на его содержание. Так, прорыбачив три года и спустив все свое футбольное и рыбацкое состояние, он вернулся в Харьков, где у него была своя квартира. Что он делает сейчас — не знаю. Но есть у меня мечта — однажды, случайно или не случайно, встретить его, Клима Хачатурова. Нет, Хачу, Климушку,

тварь советскую, красавца и игрочилу.

Деньги и футбол, футбол и деньги. С того момента, как я начал играть, у меня они водились. Это выгодно отличало меня от моих сверстников. Я мог запросто повести всех в ресторан, в отпуске увезти человек шесть моих любимых друзей в Ялту и там гужеваться с ними недельку, спокойно потратив на это удовольствие тысчонку. Деньги как приходили, так и уходили, но все-таки кое-что оставалось. Просто по сравнению со всеми бедными мы, конечно, казались, да и были, упакованными. Но богатство это было текущее, утекающее сквозь пальцы. Если кто-то из игроков за десять лет игры получал квартиру, покупал машину и еще имел кое-что в загашнике, то, считай, он сделал свое дело. А что? Ведь обыкновенному человеку нужна была на это вся жизнь, да и то… Откуда же брались эти деньги, пусть и небольшие по нынешним временам, а по тем вполне респектабельные? «Детишкам на молочишко», как говаривал кто-то из игроков, расписываясь в ведомости. Итак, прежде всего, каждая команда принадлежала какому-то спортивному обществу, в котором существовали ведомости штатов футбольных команд и каждый расписывался за официальную сумму. Ведомость так прямо и гласила: заработная плата футбольной команды мастеров такой-то за, допустим, июль месяц. Но это еще не все. Этот же бюджет пополнялся из средств предприятий, которые входили в спортивное общество. Делали также перечисления и часть составляли и деньги со сборов на стадионе. Но это были копейки, потому что стадионы были наполовину заполнены безбилетниками. Каждый контролер до сих пор имеет полгорода знакомых, которые ходят на футбол бесплатно. Да я сам, когда играл, проводил до десятка своих друзей, попробуй мне возрази. Даже пять лет спустя, после ухода из команды, и то я мог не то что сам пройти бесплатно, но еще и парочку корешей захватить. Никогда не забуду, как мы ехали на игру в Минске с «Динамо». Автобус продирался сквозь толпу, сквозь нашествие щелкающих семечки и держащих в правой руке увесистую газетку (там была бутылка водки) мужиков. И вот Валера Головкин, бывший нападающий «Локомотива», пошутил: «Глянь, Шурец, а? Рубли идут…» Как-то в Копенгагене мы пошли всей командой на матч сборных Дании и Швеции. Мы думали, нас проведут и усадят на лучшие места. Фиг. Хозяева, принимающая нас команда, выдала нам кроны для покупки жетонов. У входа на стадион, купив жетон, каждый из нас прошел через турникет, отщелкивающий вертушкой по одному человеку, не больше. Стадион был набит

битком, и я уверен, что даже самые престижные члены правительства прошли через вертушку. Но это имеет смысл только там, где люди ходят на стадион, а у нас сейчас на лучший матч, если соберется от пяти до десяти тысяч зрителей, так это хорошо. Я имею в виду внутренний чемпионат. Одной из основных денежных составляющих тогда была у нас, игроков, доплата. Что это такое? Конечно, ни один приличный игрок не переедет в другую команду за «голый вассер», то есть за голую ставку. Вот обкомы и организовывали единицы доплат, чтобы платить приезжим и тем, кто играл в основном составе. У каждого приличного начальника команды было штук тридцать таких точек. И он, конечно же, с ведома обкомовского куратора, прикреплял игрока на точку. Во Владимире я получал доплату на военном заводе «Электроприбор» (денег было много и все — государственные). Я был приглашен в обком, очень долго сидел и ждал, пока партийный босс с кем-то созванивался. Наконец, он выдавал мне бумажку, где были все координаты. Я пришел на проходную, меня встретили и сказали: «Пиши заявление». Я написал и неделю проходил правила техники безопасности. Когда я закончил, то мне сказали: «Ну все, теперь ты автослесарь грузового цеха, 120 р., сюда больше не приходи, а в день зарплаты звони кассирше, и она будет тебе выносить ведомость с деньгами». Так оно и было. Так вот, эти доплаты были хорошим способом управлять игроками, да и сами обкомовцы поживлялись там неплохо. Самые высокие доплаты были в шахтерских командах — там опустили человечка под землю крепильщиком шестого разряда, вот тебе пятьсот-шестьсот сверх оклада, который при такой доплате ничего не значил. Приехал из «Шахтера» (Караганда) Гера Забелин в «Локомотив», да и загрустил надолго, единственное что — квартиру получил в Москве, чего и хотел. А Валентин Бубукин, в высшей лиге, катил за свои сто шестьдесят, плюс тридцать — за значок «ЗМС». Потом футболисты столичные даже немного роптать стали: как это мы в лучших командах играем и получаем гроши… После этого прошли небольшие разборки — кое-где накрутили хвосты местным обкомовцам, кое-где сделали доплаты и в Москве. В «Торпедо», в «Локомотиве», в «Спартаке». А федерация футбола ввела одинаковые ставки премиальных за выигрыш, вне зависимости от посещения болельщиками стадиона. А то, что ж получалось: игра «Пахтакора» и «Спартака» собирала в Ташкенте 80 тысяч зрителей, и победивший получал при полном сборе по 120 р. на каждого, а в Москве, в Лужниках, сто процентов сбора на «Пахтакор» не будет никогда… Но это все были мелочи. При той экономике любой начальник-фанат мог найти одну слепую

ставку, чтобы поддерживать своего любимца, особенно, если это далеко от центра. И тогда же появились команды, где игроки получали несравнимо большие деньги, чем они получали в лучшие годы, в лучших командах. Была такая команда второй лиги «Политотдел» (Ташкентская область). Это была команда колхоза. Председателем был ярый болельщик, и он решил утереть нос всем. Команда, кстати, была хорошей. Еще бы — кто там из знаменитостей только не поиграл! И не зря.

Футболисты всегда жили в рыночной экономике, это был настоящий рынок, невольничий рынок. Невольничий, ибо не было ни контрактов, ни профсоюзов, ни страховки, то есть футбол был самым любимым, массовым, наипопулярнейшим нелегальным видом спорта. Отсюда и судьба футболиста — нелегальная. Никто за него не отвечал. Пока играет — да. Ушел — никто. Больной — лечись сам, в поликлиниках, а ведь травмы у футбольщиков были такие, что они требовали специальных клиник, куда мог попасть только действующий спортсмен. Подбирали нас, как негров в Африке, а мы и счастливы были, не зная, что будет потом. Отсюда и деньги ходили тоже нелегальные. Судей принять надо? Надо, чтобы в номере холодильник был полон, чтобы на базу за шмотками импортными свозить, билеты оплатить, да еще иногда и девочку в номер поставить… Что, за это платить по безналу? Конечно — из все тех же доплатных. Иногда игрока лишали доплаты за малую провинность на пару месяцев, чтобы пополнить черную кассу, но все это ерунда. У серьезного хозяина, я имею в виду секретаря обкома или директора завода, с этим проблем не было. А судьям такой прием был только за то, чтобы не подсуживали сопернику, и этого уже хватало. А если чего уж там поболее, так это совсем другой разговор. Знаю, что многие руководители федерации футбола Украины и России, судейские коллегии получали эти же доплаты в других городах, им просто привозили как оброк или как дань для того, чтобы решить те или иные проблемы. Ну, например, хорошее распределение судейских бригад, удобное расписание в календаре чемпионата, ну мало чего возникнет по ходу, заявить, к примеру, игрочка, которого где-то казнили. Лучше всего платили в военных командах — стабильно. В ЦСКА, «Динамо» игроки, помимо зарплат из штатного расписания, получали еще и за погоны. Попал в состав — ему звездочку повесили, заиграл — еще одну, хотя, надо сказать, что самая консервативная обстановка в этом смысле была именно там, особенно если приходил в команду гражданский тренер. Его, кроме футболистов, никто не слушал.

Но самым основным доходом, особенно в конце семидесятых и до 90-х годов были отчисления от колхозов. Этот приток денег в

команды еще больше усугубил ситуацию с продажами игр. Даже команды, которые шли неплохо в турнирной таблице и хорошо играли, все равно имели деньги на те или иные траты, в случае, если где-то нужно было прихватить пару недостающих очков. Дело в том, что в колхозах высшим законодательным органом является собрание. Вот решили они на собрании подарить мне трактор, ну и подарят, и никто им не может этого запретить. Так вот, приедет команда мастеров хоть дублем, отстоит полтора часа на колхозном стадионе против деревенской команды, естественно забьет им пару мячей, а сверху — звоночек — да вы уж там премируйте их, чтобы они стали чемпионами. Ну, постановляли, голосовали или нет, но в сейфах команд было плюс 30-40 тыс. рублей на все про все, а колхозов-то в республике или в области — вон сколько, богатых, конечно. И в конечном итоге, концовки чемпионатов были в основном напряженными из-за двух слагаемых: класс игры и умение вовремя дать отдохнуть команде, прикупив очко или пару у тех, кому оно не нужно было. Профессионалу было видно, что игра сдается или покупается, и я объясню попозже, как это можно было распознать, но наше руководство кричало вовсю — такого не было и нет, и не может быть в советском футболе. Почему нет? Если существовали теневые деньги, то значит, могли быть и теневые сделки. Это раньше об этом и думать не могли, но постепенно власть денег разложила и этот самый чистый, на первый взгляд, вид спорта. Хотя порой эти сдачи игр и были оправданы, и я потом объясню, почему. Но в основном это, конечно, безнравственно — обманывать болельщиков, верящих в искренность драм на поле, а после понимающих, что их надули.

В середине шестидесятых этого еще не было, вернее не было так масштабно и наглядно. Вот мой покойный друг Валера Захаров рассказывал, как он участвовал в одной такой сделке в конце 1965 года. Так это же детский лепет по сравнению с тем, что будет. Дело в том, что СКА (Одесса) уже вылетел из высшей лиги. Последняя игра дома, в Одессе, с «Нефтяником» (Баку), который тоже был на вылете, но гарантированное очко с одесситами оставляло бакинцев в высшей лиге. Валерка, до этого игравший весь сезон в основе, эту игру не играл, и ему поручили получение денег в случае ничьей. Договаривались на уровне игроков (тренер, когда узнал, то обиделся… что ему не дали). Валере сказали: трибуна такая-то, ряд и место такие-то. Сиди весь матч и жди. Валерка рассказывал: «Последняя и фа, осень, пустой стадион, только на центральной трибуне немного фанатов, а я один на отшибе, вокруг меня на метров двести никого, сижу, игра идет — обе команды катают отвратительную ничью, думаю, ну

где же, когда будет обещанное, ведь и так все ясно, чтобы пойти согреться… И вдруг в каком-то переполохе, за десять минут до конца, наши забивают гол. Началась суета со всех сторон, беготня одних игроков к другим, время игры идет к концу, ну все, думаю… И в это время наш центральный защитник поскользнулся в штрафной, сделал вид, что потянул ногу и нападающий «Нефтяника» забивает гол. Ничья, как и договорились. Свисток судьи. Я оглянулся и вдруг, откуда он взялся, ведь я сидел на огромной трибуне один-одинешенек, человек в кепке и… придвинулся ко мне. Рука достала из кармана сверток, и, как лопаточкой крупье, стала пододвигать его ко мне. Я взял его и сунул под пальто. «Кепка» также бесшумно исчезла. Очко всего за полторы штуки в такой критической ситуации. Трудно себе представить, сколько бы это стоило бакинцам лет так через восемь-десять?

Где-то в конце семидесятых — начале восьмидесятых я был в Кутаиси на Всесоюзных днях Маяковского. В Грузии тогда проводили эти праздники по-своему пышно, гостеприимно, этого у них никогда не отнять, а тем более, когда в республике царило благополучие. Секретарь парткома кутаисского автозавода, узнав, что я был футболистом, пригласил меня… почитать стихи перед рабочими в цехе. Затем был дружеский обед в тесном кругу. «Торпедо» (Кутаиси) шло на последнем месте в высшей лиге, был уже июль месяц, чемпионат перевалил экватор и медленно шел к финалу. Торпедчикам не светило остаться в высшей лиге. Для этого нужно было набрать 20 с лишним (!) очков. Это было невероятно сложной задачей, если… И я, как посвященный, спросил у парткомовцев: «Ну и что? Вы так и дадите вылететь вашей команде в первую лигу или что-то будете делать?» Меня правильно поняли и со всей большевистской прямотой сказали: «Александр, мы подсчитали, что нам нужно миллиона полтора рублей, чтобы купить недостающие очки. Сейчас мы не потянем, пусть они вылетают из высшей лиги в первую, нам вытащить их снова из первой в высшую будет намного дешевле».

Только, упаси Господь, вас, читатель, подумать, что рассказанное имело место лишь в Грузии. Смею вас уверить — практически повсюду.

Когда я слышал и слышу разговоры о том, что не было договорных игр, то просто смешно становится, ибо система розыгрыша, сама порочная аура чемпионатов — где делились амбиции, самолюбие боссов, где не учитывались интересы игроков, где зона футбольной команды любого ранга пахла

пороком, не могла быть иной. И поэтому все было — были честные, кровавые битвы, были тихие предательские ничьи, были красивые закамуфлированные («в трудной, почти равной борьбе») сдачи игр, которые мог различить только профессионал. Не случайно тогда появилась новая фигура на играх первой и высшей лиг — комиссар матча. Он должен был следить за этим, но зачастую покупали и его, хотя, по правде говоря, он и сам не хотел докладывать о подозрениях или фактах — им все равно не верили, рапорты клали под сукно — в советском футболе такого быть не может. Только на западе, у капиталистов… Это было лицемерием, поскольку внутри все всё знали и понимали, и даже порой оправданно не могли обойтись без этого.

Я сам вывел несколько разновидностей сдачи игр по их причинной зависимости. Пожалуйста:

1. Игра сдается той или иной командой по указу с самого верха. Указание могло поступить — хоть из ЦК. Так партия разделяла и властвовала в футболе, дабы не обидеть республику или одного из партайгеносовцев.

2. По указанию Федерации футбола, дабы блюсти интересы любимых команд и придерживать бедных прорвавшихся «подкидышей», имея, конечно же, и свой интерес.

3. Сговоры на уровне тренеров, чаще всего это было примерно так:

— У тебя дела хорошо идут, у меня — из рук вон плохо, отдай два или очко в этом году, если в будущем у тебя будут проблемы, я помогу…

4. На уровне игроков, из-за материальной выгоды, нередко договорившись с тренером.

5. На местном уровне — указание обкома, исходившее из его партийно-стратегических целей и «великого» знания футбола.

6. Личностная сдача игры с целью выгоды; применялась реже всего, ибо распознается легче всего и расправа наступает немедленно.

7. Подпольный тотализатор. Об этом знаю меньше всего, но, возможно, он и существовал на каком-то уровне.

Вот, пожалуй, и все варианты, хотя по ходу могли быть и новые, непостоянные. В то время для экономического маневра с помощью любимой массами игры была запущена утка, что выигрыш команды сильно влиял на производительность труда в течение недели, до следующего матча. Допустим, строгает деталь на заводе строгальщик и строгает, и чего-то грустно становится ему, и он все медленней, медленней строгает… Но как вспомнит о том, что вчера наши-то о-го-го, так он как начнет эту деталь строгать, так и план перевыполнит. Забывали партейцы только одно: а что же надо делать рабочему и его любимцам со всей производительностью труда, если команда проиграла, и не раз, и не два, и не…

А вообще-то два очка, лежащие на поле перед игрой, кому они принадлежат? Ну, двум командам, которые будут биться за них, не жалея голеней и коленок, вкладывая весь психофизический опыт игроков, тренеров, администраторов и тех, кто тайно вкладывал в них деньги. И, конечно же, болельщикам, купившим билеты на игру. Так что, когда свершается футбольная сделка, то наказывается тот, ради которого играют, ибо без них, без болельщиков, футбол не футбол, это так, игра для себя, для здоровья, как дворовый футбол ветеранов и жителей высоток в хоккейной коробке. Так что, когда игра сдавалась, наивный фанат обкрадывался дважды — первый раз, когда огромные суммы циркулировали за его спиной, исходя из предприятий, колхозов и т.д. И второй — прямо здесь, перед ним, у него отнимался рупь или рупь пятьдесят… Хотя желание двух очков для своей команды иногда

так припирает, что если бы у полной чаши стадиона спросили в самый нужный момент — ну не можем сегодня обыграть, а два очка нужны позарез, так что, покупаем? Уверен, честно говоря, что было бы громогласное — ДА! Настолько страсть к футболу порочна, что ли…

Кстати, наши стадионы очень плохи для болельщиков и футболистов. У нас почти нет чисто футбольных арен, разделение беговой дорожкой отчуждает достаточно сильно. Я бывал на западных чисто футбольных стадионах. Полная чаша трибун и футбольное поле с игроками врастают друг в друга. Это — как две критические массы — то сближаются в преддверии взрыва, то отодвигаются перед тишиной. Здесь существует какая-то страстная связь, быстродействующая, органичная, подвижная, когда игроки мгновенно заводятся от публики, публика от игроков. Здесь обмануть очень сложно, все видно, как на предметном стеклышке, и остаться равнодушным нельзя. Каждое движение игрока, верное или неверное, действует на зрителя подобно булавочному уколу на лягушку. Хотя отличить, когда профессионал сачкует, а когда действительно не может, на самом деле, очень трудно.

Были случаи курьезные, подобно тому, когда вратарь ЦСКА Леонид Шмуц на последних минутах поймал мяч на линии ворот и, стоя на этой же линии, стал вводить его в игру одной рукой. Отведя руку с мячом чуть назад для броска, он выронил мяч прямо в ворота. Игра была проиграна. Это было так случайно, ненаигранно, трагично, что никому и в голову не пришло обвинять его в чем-либо. И в то же время один из вратарей одной из одесских команд пропустил мяч в ворота так откровенно, что его в этот же день отчислили из состава. Да он, по-моему, и признался, что сдал игру за 500 рублей. Так что он еще раз подтвердил истину, что вратарь — это полкоманды. Знаю и более интересный случай, когда в те же (конец семидесятых) годы защитник армейской команды сдал игру «Днепру» за 20 тысяч. Но никто не заметил этого, ибо действительно в борьбе за мяч у своих ворот стоит только слегка отпустить корпус. И нападающий забивает. Для «продавца» же драматичным оказалось то, что на него вышла своя же контрразведка. Они его подозревали перед матчем, прослушали телефоны и взяли с поличным при передаче денег. На следующий же день он был изгнан из команды, лишен всех званий и пожизненно дисквалифицирован. Кстати, все это незаконно, ибо не было суда и не могло быть. Ибо, повторяю, — футбол был нелегальной игрой, у него не было статуса профессионального вида деятельности, и никаких договоренностей, кроме как с собственной совестью и совестью

команды, он не нарушил. Кстати, он быстро это сообразил, написал письмо Главнокомандующему Устинову. Тот одним росчерком пера — «Такого с советским офицером и в советской команде не могло произойти» на донесении «контрразведчиков» — восстановил его во всех правах. И ему вернули назад и спортивные и военные звания; и он долго и хорошо потом еще играл.

Почему же футболисты шли на это, несмотря на риск? Да потому, что отлично соображали и знали, что такое отсутствие правового статуса, и компенсировали недооцененность их вложений в авторитеты команд. Именно поэтому в любой момент таким же росчерком пера их могли лишить всего и превратить в ничто. Как это, к примеру, случилось со знаменитым игроком киевского «Динамо» Виктором Каневским, любимцем публики, капитаном команды, отыгравшим за основу лет десять, немного поигравшим и в сборной. Да кто его не помнит? Так вот, он, отыграв за «хохлов», стал тренировать «Металлист», потом «Днепр». У него в составе был игрок, который решил уехать еще тогда в Израиль, что и сделал с успехом, переехав потом в Америку. И вот, через некоторое время Канева (как его называли фаны) получил приглашение в Штаты тренировать команду соккера. Ему, естественно, отказали, разъяснили, но выводов не сделали. Каневский настаивал. Ему отказывали. И вот его терпение лопнуло. Он поехал в Москву искать защиту своих прав, прав не футболиста, а человека. А в те годы советские, ох, как этого не любили! Канева пошел домой не к кому-нибудь, а к самому Андрею Дмитриевичу Сахарову. До двери он, конечно, не дошел. Топтуны, стукачи (это было накануне высылки Сахарова в Горький) тут же его взяли, он был, естественно, узнан, допрошен, отослан в Киев, лишен всех спортивных званий, возможности работать и, естественно, жить… Это длилось несколько лет, вплоть до перестройки, когда он смог все же уехать. Хорошо, что есть настоящие друзья, которые не бросают тебя никогда. Йожеф Сабо, работая тогда директором спорткомплекса «Динамо», говорят, устроил его под чужой фамилией рабочим и платил ему хоть какие-то деньги… Вот так. И это делали со всенародными любимцами, футболистами, а что уж говорить о простых людях? Так что система играла в свою жесткую игру, а футболисты в свою, иногда используя те же методы. Одного из славных футболистов одесского «Черноморца», Шепеле пригласили в киевское «Динамо. Говорят, он знал, что Лобановский хочет его, ну очень хочет взять в команду. И он поставил условия руководству киевлян — список из двадцати пунктов, начиная от 3-комнатной квартиры на Крещатике до защиты его тещей

кандидатской диссертации. Все было выполнено сполна, но в Киеве он так и не заиграл, потому что в то время уже знаменитые игроки, чемпионы, не имели и части того, что он потребовал, будучи лучшим игроком первой лиги. Лобановский его ставил раз 16 в основу, и все игры он отыгрывал на «двойку». Просто на поле ему не давали мяч или давали то в «стык», то в борьбу «наверху». В общем, в конце концов, он засел сначала в дубле, а затем вопрос решился очень легко, но не для него. Дисквалифицировали на несколько лет, якобы за аферу с продажей машины. А как же еще, решили, — столько дали, а он не заиграл, так что лучше ни себе, ни другим. Он, конечно, уехал из Киева и всплыл в другой команде, которая в закулисной борьбе отвоевала его для себя у федерации футбола и киевского «Динамо». Но то, что он получил за переход в Киев, уже отобрать было невозможно. Вот так система получала ответные удары в своем же стиле.

В кожаном черном плаще, с прыгающей походкой и оттянутой вниз рукой с кейс-атташе, Администратор одним из последних подходил к трапу новенького «ТУ». Усевшись на свободное место в хвосте самолета, оглянувшись, он приоткрыл кейс, откуда на него посмотрели аккуратно сложенные пачки денег. Он успокоился и, зажав кейс между лодыжек бывших футбольных икр, задремал. Самолет, набирая высоту, начал пробираться в сторону Куйбышева…

«Крылышки» готовились к игре на загородной даче, в лесу. Еще утром на установке команда получила задание сыграть на… проигрыш. Для них игра ничего не решала: 12-е или 13-е место — это все равно. А вот команде Администратора было не все равно. В случае выигрыша москвичей они теряли золотые медали, хорошие премиальные и звания мастеров спорта по футболу для 16 человек. В случае выигрыша москвичей все это получали они — так уж сложился финиш чемпионата первой лиги. А в высшей лиге они уже точно — обе команды, оторвавшиеся еще за десять туров от всех остальных. Поэтому Федерация футбола России хорошо поработала с «Крылышками», и москвичи ехали в нынешнюю Самару с легкостью — последняя игра сезона, договоренность о благоприятном исходе, поэтому можно было уже расслабиться, отыграть, как говорят, на одной ноге… Полупустой стадион встретил обе команды без энтузиазма — всем все было ясно. Но с первых же минут семь игроков и вратарь «Крылышек» начали так пластаться против москвичей, что они оторопели, не успели собраться и к концу первого тайма уже

проигрывали 0:2. Игрок по кличке Дурь стоял в центре поля и ничего не понимал — как же так обошли его, он не попал в расклад, значит, могут и отчислить? Он пытался подключиться к «великолепной семерке», но те играли свою игру, тем более что противник был сломлен неожиданным сопротивлением. «Палыч, как же так, — подбежал он к тренеру, — че делают?» «Играй, играй, как знаешь, борись», — крикнул тренер и посмотрел на лавочку гостей. Там все поняли и не реагировали. Только в перерыве тренер москвичей подошел к -тренеру «Крылышек» и сказал: «Ты что — не в курсе? Тебе что — не звонили? Не приезжали?» «Звонили, приезжали, но что я могу поделать, — пошла игра, масть пошла, приказать же не могу», — отведя глаза в сторону, ответил Палыч. Во втором тайме «Крылышки» забили еще один мяч. И все.

Этого не знал никто, только Дурь мог догадываться, что за несколько часов до игры Администратор, в лесочке, недалеко от спортбазы скупил семерых ключевых игроков, вратаря и тренера за очень хорошие бабки на корню. И была новая установка для восьмерых, и она была выполнена. Спрашивается — зачем это нужно было Администратору в черном кожаном плаще, прилетевшему из одного большого южного города? Все очень просто — его команда не хотела рисковать, ей нужно было, чтобы москвичи проиграли, а они — две украинские команды — уж точно сыграют то, что им нужно, тем более, что перекупщиков в лице команды из Москвы смешно было и ждать. Поэтому, пока в нынешней Самаре разыгрывалась трагедия, в огромном южном городе разыгрывалась комедия с принятием в почетные пионеры команды, уже попавшей в высшую лигу. Заметим, что это началось в одно и то же московское время, стоявшее тогда повсюду. Затем вдруг погасло освещение. По стадиону объявили о коротком замыкании и о том, что нужен небольшой ремонт. Вообще, когда позвонили в Самару и узнали о счете 3:0 в пользу «Крылышек», то можно было без риска начинать игру двух соседних областей. И все были довольны, кроме московского «Локомотива», Федерации футбола РСФСР и Дури, которого все же после игры отчислили из «Крылышек»…

Были вот такие многоходовые комбинации с участием третьей заинтересованной стороны, и я описал реальную ситуацию довольно деликатно, назвав только символы, образы команд, на месте которых могли бы быть и другие. Но сам принцип не менялся и, возможно, не изменится. Уже в 96-м году я заговорил с одним тренером о договорных играх, сейчас, когда клубам вроде бы и невыгодно терять деньги и очки. Вероятно, здесь вступает главный фактор футбола — в него играют люди,

живые люди со всеми присущими им слабостями. Тренер сказал мне, что поскольку чемпионат построен так жестко и календарь расписан так, что играть придется практически через три дня на четвертый, то, очевидно, для того, чтобы дать передохнуть своим командам, особенно на финише, руководители клубов вынуждены будут договариваться. Особенно те команды, которые будут претендовать на лучшие места, либо те, которые вынуждены будут стартовать в низшие лиги.

Я хочу в подтверждение своих слов привести пример из не совсем далекого прошлого. Я присутствовал при этом и отвечаю за слова. В 1979 году «Таврия» вела изнурительную борьбу с «Днепром» за выход в высшую лигу и за первое место в первой лиге. Одна из последних игр — в Запорожье с «Металлургом». Ребята из «Таврии», с которыми я дружил, предложили мне проехаться с ними на игру. Я поехал с удовольствием хлебнуть свежего футбольного ветерка. Перед игрой, днем, были переговоры на уровне тренеров и игроков о том, чтобы сыграть ничью с целью дать отдохнуть «Таврии», которая играла на выигрыш от игры к игре и впереди предстояло то же самое. Причем «Таврия» была тогда в самом лучшем виде и могла обыграть кого угодно, что и делала. Но люди выдыхались, повторяю: через три дня на четвертый игра с перелетами через всю страну, с тренировками, и я сам видел, как ребята ломались, валились от усталости. Это бесчеловечный футбол, ненужный, кроме заказчиков, никому. «Таврия» просит «Металлург», естественно за гонорар, который уже приготовлен, тысяч тридцать, по-моему, сыграть красивую ничью, которая понравится и зрителю и обеим командам. «Хорошо, — сказали запорожцы, — скажем перед игрой». Перед игрой, к сожалению, игроки, неудобно переминаясь, сказали «Таврии» шепотом: «Не можем, приказано рвать и метать, но добить вас на нашем поле. Днепропетровский обком договорился с запорожским, так что, если будем сачковать, будут делать выводы…» «Играть? Ну что ж, будем играть», — сказала «Таврия». Вышла и разорвала в клочья «Металлург». Потому что она была сильней. Вообще одни деньги, сами по себе, никого никуда не выведут — нужна команда, которая стоит того, чтобы тянуть ее. И еще — есть уровни команд, областей, республик, заводов, которые определяют, какой команде и где играть от первенства республики до высшей лиги. «Таврия», к примеру, могла стать лучшей в первой лиге и год в высшей, но не больше — деньги не те, статус области не тот, нет крупной промышленности и крупного руководства. Крупного даже в смысле умения быть в тени, доверяться профессионалам. Многие спонсоры сейчас тоже лишены этих

качеств, и им кажется, что деньги действительно решают все. Нет, не все. Иногда владение ими при амбициях, при снобизме может принести только разочарования. И в сущности ничего не изменилось, только раньше купюры доставались из одного кармана, теперь из другого. Но принцип руководства тот же: кто платит, тот и заказывает музыку. Помню, как «Таврия» уже в высшей лиге готовилась к игре с тбилисским «Динамо», которое только что выиграло Кубок кубков. Тбилисцы предложили «Таврии» скатать тихую ничью за 30 тысяч рублей. «Таврия» шла хорошо, но «Динамо» было впереди, в общем, ничья устраивала обе команды. Особенно «Таврию». Договорились. Но в командах всегда есть стукачи, как и всюду, пожалуй. Кто-то донес в обком, секретарь обкома вызвал старшего тренера и сказал: «Ничью? Сейчас, когда они пили, гуляли всю неделю, вчера купались целый день в море? Да их надо обыгрывать, тем более — на своем поле!» Тренер попытался объяснить, что тбилиссцы — команда такого класса, что «Таврию» обыграет и пьяной. «Нет, только два очка, никаких денег…» «Динамо», узнав об отказе играть ничью, вышло и во главе с Кипиани и Гуцаевым раскатало «Таврию» так, что, пожалуй, после этого проигрыша и начался цикл ее поражений, вернувший команду назад и навсегда в первую лигу. Вот так, а ведь хотелось-то секретарю обкома только одного — его тщеславие было бы удовлетворено — его команда обыграла бы одну из лучших команд Европы. Что помешает сейчас отдать такое указание, только по другому поводу новоиспеченным владельцам денежных вожжей? Да ничего. И будет это так же прямолинейно, но непрофессионально. Но, пожалуй, самый показательный случай тупой уверенности и амбициозности руководства футболом была игра «Таврии» и «Торпедо» из Кутаиси. Кутаисское руководство прилетело на игру с огромным мешком денег и сразу же договорилось на партийном уровне о сдаче игры. Это указание поступило в команду, и две партийных камарильи, уверенные в сделке, помчались в загородный дом обмывать два очка кутаиссцев. Они так расслабились, что даже не поехали на игру, прокиряв всю ночь. Это еще один из примеров, что все-таки в футболе все решается на поле и, пока не раздался финальный свисток, нельзя быть ни в чем уверенным. Когда игроки вышли на поле и началась игра, то кто-то что-то не так сказал, кто-то завелся, ах, мы-то должны сдавать, а денежки-то не у нас, а где-то, вдруг забивается дальним ударом нелепый гол, кутаиссцы останавливаются в непонимании момента, а «Таврия» забивает уже второй гол, кутаиссцы начинают лезть, начинаются стычки, да мы, да вы — и все: «Таврия» забила четыре гола и пропустила один. В утренний самолет погрузили партийное

руководство, уверенное в успехе. Их встречали в аэропорту понурые сотоварищи. С трапа самолета раздались радостные крики: «Ура, два очка!» Снизу ответили: «Да какие два очка, «Маяк» в 12 ночи передал, что «Таврия» выиграла 4:1».

Самый удобный счет при договорных играх — это 2:1. Ведь при счете 1:1 можно было долгое время держать болельщиков в напряжении. Обычно первым забивал тот, кто должен проиграть, дабы выглядело все драматичней. Мол, 1:0 вели, но… Весь первый тайм, после гола, команда, которая потом выиграет, действительно проигрывает, а на последних минутах, когда внимание стадиона перед перерывом рассеяно (кто открывает бутылку, кто на бегу в туалет ширинку), мяч вдруг оказывается в сетке ворот как-то незаметно, такой тихий, несуразный гол, и счет становится 1:1. Зато второй тайм идет сеча, драматизм нарастает, наседают будущие победители. И действительно, в конце игры забивают победный гол. Так побеждает хозяин поля. Гость может выиграть при другом сценарии.

Сейчас, когда ситуация с деньгами повернулась на все 180 градусов, и даже завод Лихачева отказался содержать родное «Торпедо», то, казалось бы, какой резон существовать договорным играм вообще? Футболисты стали профессионалами, деньги принадлежат клубам. Но дело в том, что надо еще сказать, какими профессионалами. Да и клубы проходят период становления, когда не хватает культуры, цивилизованного вложения денег и их отдачи, то трудно себе представить наш футбол без «пережитков прошлого» и, возможно, начнется такое новое, что даст фору всему, что уже стало достоянием истории.

Футболисты всегда были авторитетами в своем роде. Для всех практически. Особенно знаменитые, районного или мирового масштаба. Даже друг перед другом, даже если играли в разных командах, биясь на поле бедрами, они срослись навсегда, и в любой толпе, обнюхавшись, будут своими — гласно или негласно.

Как-то затуманилось, приземлились, задремав на сетках с мячами в одном аэропорту сразу несколько команд. Самолеты не летали уже два дня, игры переносились, и от отчаяния все начали потихоньку поддавать. О, кто не изведал прелести поддачи в аэропорту, тот многое потерял! Все игрочки переплелись и пошла рассеянная тусовка с толковищем о смысле футбольного бытия. Через несколько часов прибегает ко мне Юра Зубков и баячит, мол, Валерку Захарова забрали в ментовку — совсем на бровях, надо выручать. Это святое. Всегда. Пошли в аэропортовское

отделение милиции, а навстречу нам еще одна командочка во главе с Генрихом Федосовым. Он одно время тренировал вологодское «Динамо». Юра, игравший с ним немного в московском «Динамо», бросился навстречу к Федосу: «Геша, выручай…» Генриху не надо было ничего объяснять. «Старик, — сказывай свою коронную фразу, — я видел солнце», — и мы все вместе вошли в отделение милиции.

Валера сидел на стуле, опустив голову, совсем плохой, но увидев нас, ожил и протрезвел. Генрих Федосов, высокий черноволосый красавец, бывший динамовец, знаменитая «десятка» был узнаваем долгое время после ухода из футбола, особенно московской милицией. Менты сразу с ним уважительно поздоровались, а Генрих для дела начал гнать на Валеру (в первый раз видя его) такое: «Валера, как же тебе не стыдно? Опять сорвался, так здорово отыграл последних две игры и на тебе… Что же мне теперь целый автобус заказывать, чтобы везти тебя домой? Расселся тут… Самолеты ведь не летают вторые сутки, ты уже наверное всю техничку пропил…» Он говорил это так, подмигивая нам, стоявшим с такими трагическими лицами, что ни одному Эсхилу и Эврипиду не снилось. Говорил он это явно на публику, то есть на милиционеров, сразу как-то притихших, а бедный Валера, узнавший Федосова, но не знавший его отчества, быстро организовал в своем рту невразумительно-понятное и уважительное: «Генрих Федосыч, Генрих Федосыч, все, последний раз, ну сорвался, туман, накажите…» Генрих Александрович обратился к начальнику отделения: «Отдайте его мне, мы его на собрании разберем, на полставочки посадим, в дубль сошлем на пяток игр и все тут…» — «Ничего, ничего, забирайте, штраф только вот небольшой, а то он пытался что-то с фикусом изобразить…» Уплатив, по-моему, десятку, мы счастливые прямиком пошли в ресторан, где Валера заказал еще пару бутылок за освобождение и за знакомство с Генрихом Федосовым. К счастью, скоро туман рассеялся, и мы разлетелись в разные стороны. Но Валера еще долго не мог прийти в себя от досады. «Как же это я перед самим Федосовым и пьяный, да еще и отчество забыл…»

Футболисты были авторитетами и перед настоящими авторитетами, ибо те были болельщиками футбола и всегда, стоя отдельной группочкой, тихо наблюдали за ходом матча и после финального свистка так же тихо исчезали. Они не выражали никакого бурного восторга, но профессионалов уважали. Однажды воры, взяв квартиру знаменитого в городе игрока, оставили в полной пустоте на кровати записку: «Паша, не обижайся, ты еще наиграешь…»

Через года два после ухода из футбола я начал выпускать свою первую книгу стихов. И вот пришла, наконец, моя первая, набранная в типографии книга. Мы решили с моим редактором ее вычитать, а потом слегка обмыть. Пошли на знаменитый городской пятачок, где толкались с бутылками и стаканами самые разные люди — военные, студенты, просто алкаши, игровые, местные авторитеты. Все это было после шести часов вечера. Обстановка была расслабляющая. Кстати сказать, у авторитетов тогда была несколько иная позиция в обществе — они были менее агрессивные, более общительные, дружелюбные в отношениях со школьными друзьями, знаменитыми актерами, ну и, конечно, с футболистами. Так вот, мы с Виктором Георгиевичем уютненько устроились за мраморным столиком с двумя бутылками белого крымского портвейна, сжимая лодыжками наши интеллигентские портфели, Так, попивая портвейн, в гуле послерабочей части дня и полупьяного толковища, мы простояли до поздней южной темноты. Мой редактор был подслеповат, у него был сильный «минус». Когда он читал рукописи, то линзы его толстых очков ползали по строчкам, как утюги. Наконец, время, портвейн и наши мочевые пузыри приказали нам сходить в заведение. Виктор Георгиевич пошел первым, едва различая «М» и «Ж», двигаясь, конечно же, на запах. Это был, как теперь говорят, муниципальный туалет, где нужно было садиться на корточки, как бы в каменно-чугунные следы, если по-большому. А если по-маленькому, то можно было и стоя.

Через буквально несколько минут я услышал со стороны туалета надрывные, с акцентом крики: «Што исделаль, пилять, живая не будешь, зарэжу, что исделаль, сучара, меня написал, лисо, гилаза, попишу, пилять.Я бросился на крик и увидел моего бедного Алексеева (так была фамилия моего редактора) в лапах одного из авторитетов, трясшего его за душу, как тряпичную куклу. Вокруг собирались местные авторитеты, а в воздухе пахло разборкой и кровью. Я все понял. Несчастный Алексеев, открыв туалет в темноте, помочился прямо на лицо сидящего на очке, как орел на насесте, авторитета. Да, это была почти роковая ошибка. Я уже увидел в руках одного из них писку (обломок бритвы), а у другого что-то сжималось и играло в кармане. Круг сужался… Да, авторитеты были тогда не такие, как сейчас. Но не настолько же, чтобы отпустить человека, так оскорбившего вора в законе. Я быстро просек ситуацию — надо было спасать Алексеева. Я только-только отошел от футбола, но в родном городе меня знали все. Я прорвался к Алексееву, которого тряс Плюгавый (такая была кликуха у авторитета) и заорал: «Постойте,

он же слепой, мы вместе пили, умоляю, не трожьте несчастного». «Ишель би ты на х…, ты кто такая, — завизжал на меня Плюгавый, — ах, пилять, што сделаль…» Утираясь одной рукой, другой он подтягивал пьяного Алексеева повыше, стараясь поставить его к стенке. Вдруг я услышал за спиной спасительное: «Да это же Шурик, из «Таврии», с корешем малость подкушали…» «Клюнуло», — промелькнуло у меня в голове. Я повторил свой вопль и вдруг увидел, как один из авторитетов начал что-то шептать на ухо оскорбленному. Обоссаному стало легче, он стал как-то потише, потом вдруг опустил на землю моего редактора, пнул ногой и обратился ко мне: «Тебе я знаю, пилять, панымаешь, как она меня оскорблять?» «Да-да, понимаю, — завопил я, — но прости его, он же слепой, ничего не видит, я отвечу…» «Выкупай его, Шурик», — кто-то сказал сзади весомо и со знанием дела. «На пять бутылок водяры с закусем, сармак у меня есть…» — ответил я Плюгавому. И он вдруг спросил, почему-то повеселев: «С мене будешь распивать? Как играль-макаль, игруля, говорить будешь? Без эта сучара?» — он показал глазами в сторону лежащего Алексеева. «А как же, конечно». Пришлось дать сольный концерт с хохмами и анекдотами. Перед этим я уложил Виктора Георгиевича на скамейку, выдал полтинник на водку с закуской и стал с ужасом ждать действия водки после портвейна. Потом я у кого-то еще занимал и… Кончилось все тем, что набравшись, мы разбрелись по городу, я запихнул Алексеева в такси и отвез домой. Сам же двое суток отходил от знаменитого «ерша», запаха туалета и лексики авторитетов.

Конечно же, футболисты — это определенная спортивная каста. И по оплате, и по отношению болеющих мужчин из высокопоставленных кругов, которые тогда могли при желании решать любые вопросы. Еще — родство по мировоззрению. Ведь футбол — это способ мышления, метод познания мира, это, в конце концов, стиль жизни, который заряжается в тебе с первого момента причастности к большому футболу , буквально с этого момента ты становишься очень взрослым, ибо тебе приходится решать проблемы, которыми интересуются простые фанаты на стадионе и члены правительств у экранов телевизоров.

Года три назад я улетал из Америки, из знаменитого аэропорта Кеннеди. Получилось так, что я приехал пораньше и начал сдавать свой багаж, когда еще было мало народу. Американская сотрудница «Аэрофлота» любезно приняла у меня багаж — тютелька в тютельку — доплачивать ничего не пришлось. Она открыла мой паспорт и узнала из моей визы, что я был в Бостоне на поэтических чтениях. «О, вы поэт, я тоже когда-то писала стихи». Мы разговорились, в этот момент хлынула

толпа пассажиров, но я понял, что она меня запомнила. Когда все уже загрузились и выкрикивали последних пассажиров, я увидел невысокого мужика лет сорока пяти, мечущегося между людьми с огромной коробкой телевизора «Филипс». Что-то родное было в его колченогой фигуре. Я не понимал, что ему нужно было. Все ему отказывали. Наконец, в отчаяньи, к последнему он обратился ко мне: «Слушай, меня друзья привезли из Филадельфии, и тут же уехали, думая, что все будет в порядке. Но ты видишь, у меня остался на руках телевизор, а она (он показал в сторону моей недавней собеседницы) требует доплату за него еще 107 долларов, а у меня только 15. Что делать? Я отработал полгода в Филадельфии тренером, и вот… Попробуй что-нибудь сделать. Я отдам тебе эту пятнашку…» «А как ваша фамилия?» — спросил я. «Григорий Янец». Все. Я тут же сообразил, что нужно делать. Я сказал: «Гриша, давайте телевизор и делайте вид, что вы меня не знаете. Я попробую». Я поднял мизинцем коробку с телевизором и подошел к стойке регистрации и сдачи багажа. «Вы знаете, — сказал я, обращаясь к поэтессе, — я тут кое-что забыл сдать в багаж, мне довезли друзья…» «Что вы, что вы, сэр, для вас никаких проблем, давайте билет, я поставлю вам номер на эту коробку». Она улыбнулась и отправила по ускользающей в темноту ленте телевизор фирмы «Филипс» бывшего защитника московского «Торпедо» Григория Янца в чрево самолета на мое имя. Я пошел на посадку. Гриша подбежал ко мне совсем радостный, засовывая в мой карман 15 долларов. «Слушайте, Григорий, уберите, я вас знаю, и поэтому не нужно никаких денег, лучше возьмем бутылку виски и разопьем в самолете, я тоже на мели».

Признание футболиста футболистом — это всё. И навсегда. Весной такого-то года, 1 мая в Ялте собрались неожиданно самые крутые деятели нашей культуры и решили пойти в ресторан. Это были Александр Штейн, Алексей Арбузов, Геннадий Мамлин, Андрей Вознесенский. Мест нигде не было, как они ни старались. Вознесенский спросил меня: «Старик, может, ты…» Я наобум заглянул в первый попавшийся валютный ресторан, к директору. В кресле сидел Саша Луцкий, проигравший со мной в «Таврии» всего три года, давным-давно, Он вскочил. «Санек, дорогой, какие проблемы?» Я сказал, что нужно пообедать по очень высокому классу с одной очень высокой компанией. Тут же был выставлен запасной стол, шикарно сервирован, и Саша Луцкий, в тройке, сам разливал разомлевшим от славы, хорошей еды и южного солнца шампанское. Обед удался, как говорят, на славу. Рассчитываясь, Алексей Арбузов стал благодарить директора ресторана за то, что он так почитает культуру, уважает их имена,

что его элегантность… ну и так далее. Саша Луцкий выслушал его до конца очень внимательно, а затем твердо и точно сказал: «Господа, мне совершенно все равно, кто вы такие, а вот с Сашкой Ткаченко мы играли в футбол в одной команде». При этом он так дружески хлопнул меня по плечу, что ни у кого и сомнений не возникло, что это было именно так.

Игрок выходит на поле и играет голый. В любом случае, если даже это и образ, то достаточно испытанный. Сколько раз я чувствовал себя действительно голым перед болельщиками, перед судьями, перед защитниками — больно… Вы видели, как одеваются на игру хоккеисты? Латы на плечи, щитки, шлем, на паховую область — чуть ли не алюминиевую пластину и т.д. Что же футболист? Тонкая футболочка, трусы с плавками да гетры с тонкой защитой голени — самого уязвимого места. Многие вообще предпочитали и предпочитают играть без щитков, ибо считается, что ноге так легче работать с мячом. И только тонкая грань — судейский свисток — отделяет игрока от игрока в жесткой борьбе за мяч. А если опоздал судья на долю секунды? Мяч вырывается вместе с ногой, стык заканчивается падением и травмой. Это — в игровой ситуации у нападающих против защитников. Один правый крайний, когда его особенно зажимал левый защитник, все время ходил по полю и бубнил ему на ухо: «Слушай, если не пропустишь, плюну в рожу, а у меня — открытая форма сифилиса…» Или — центральный защитник одной московской команды имел специальный прием для выведения из строя центральных нападающих. В момент окончания атаки и перехода игроков на сторону поля противника нападающий всегда немного запаздывает с выходом и остается за спиной у защитника. Судья и боковые судьи — все внимание на мяч, туда, где идет борьба за него, и никто не видит, как защитник, зная что у него за спиной нападающий, вдруг делает резкий шаг назад и задними, самыми высокими шипами врезается в стопу форварда. Всё. Стопа — это собрание тонких косточек, сухожилий и сосудов. Боль невероятная, он хватается, падая, за нее, а дело сделано. Двое запасных выносят игрока с поля. Вратарь может в борьбе за мяч врезать так, что мало не покажется, у него на это свои приемы, опять же — все внимание на мяч и поэтому одна рука тянется к нему, а вторая может воткнуться в живот или еще куда… Особенно доставалось в свое время от вратарей очень настырному Йожефу Сабо — он всегда шел на вратаря, ну и получал. Судьи почти не судили такие невидимые моменты. Это были внутренние разборки игроков.

Самая ужасная травма для футболиста была и, вероятно, остается — это надрыв мениска. Вот поэтому с детства надо было укреплять колени, делая до двухсот-трехсот приседаний в день, но не в день игры, конечно. Лет тридцать назад операция по поводу мениска была весьма серьезной, ногу затем упаковывали в гипс и долго, после снятия его, разрабатывали. Но затем в Центральном институте травматологии Зоя Сергеевна Миронова довела эту операцию до совершенства — на третий день после нее она уже входила в палату и предлагала встать на ногу и медленно начинать движение. В течение месяца игрок становился в строй и мог играть, хотя уже не так уверенно. Но все забывается, если ты в общем был здоров и вырезанные мениски не мешали. Анатолий Бышовец, один из выдающихся нападающих советского периода, играя в киевском «Динамо», из-за особенной «любви» к нему защитников-головорезов оказался почти без менисков и сошел так рано — в двадцать семь.

Вообще есть травмы, с которыми можно играть. Например, потяжение голеностопного сустава — эластичный бинт, йодовая сетка и вперед! Но вот потяжение паха — это дело посерьезнее. Никогда не забуду, как один из игроков нашей команды ходил с теплой бутылкой воды, а ложась в постель, он укладывал ее в паховую область и грел. Бутылка по форме — самое удобное средство именно для этого места.

Хороший врач в команде очень много значит. Только советуясь с ним, профессиональный тренер решает проблему — ставить того или иного игрока на игру или нет. А в команде все время что-то происходит. То у одного температура поднялась, то у другого давление пошаливает из-за нервишек, бывает что-то и посерьезнее. Слово врача — последнее. К сожалению, зачастую его не слушают, просят играть, несмотря на боль, получив лишь укол новокаина. Потом все это сказывается, потом человек сыплется, полнеет, нет у него советчика, как привести себя в норму после огромного периода жизни, в общем-то ненормальной. И действительно, когда ты все время под нагрузкой, то у тебя все внутренние процессы (обмен веществ, выведение шлаков и т.д.) происходят на другой скорости. Закончил — все приостанавливается, но в мозгу-то уже укоренился динамический стереотип — давление должно то подниматься, то опускаться к норме, то же самое и с пульсом. Вот поэтому по ночам сошедшим футболистам долго еще снится, как они играют. И просыпаются они в поту, только в холодном. Врач, который хочет пользы для игрока, никогда не пойдет на поводу у интересов команды или начальства. Но сколько было случаев, когда его выгоняли за собственное мнение! А были и такие, кто

всегда находился в сговоре с руководством и шел на преступления. Хорошо было только ему, ибо в случае победы он получал премиальные, но игрокам… Все это аукалось потом, когда они уже становились никому не нужными. Физическая кондиция футболиста — это, пожалуй, самое главное для профи, ибо никакая техника не поможет, если ты на пятнадцатой минуте уже готов — дыхание забито, мяч — не обработать, не ударить. При всех равных технических и тактических возможностях побеждает тот, кто перебегал своего соперника, и неважно — красиво это или нет. Так вот, были такие (и есть) доктора, которые покупали в обычных аптеках обычные лекарства, ведомые только им, повышающие работоспособность на определенный короткий промежуток, ну, допустим, на 30 минут. Нужно, к примеру, чтобы к середине второго тайма, к концу игры, когда обе команды будут уже измотаны друг другом, у «нашей» повысилась способность двигаться. Врач рассчитывает по времени, за сколько часов нужно принять таблетки. И вдруг на поле вы видите, как при ничейкиной, вымученной игре одна команда неожиданно начинает так бегать и носиться, что разрывает в пух и прах другую. Никто из тех, кто на трибуне, не поймет никогда, отчего это произошло. Только тренер, врач и игроки знают это. Преступление? Да. Но почему же тогда на это идут все вместе? Потому что футболист все отдает ради сегодняшней минуты, сегодняшней игры, понимая, что если не сегодня, то, может быть, никогда. Что будет потом? Это его не интересует. Он доверяет врачам, тренерам, а те…

Перед игрой ночь или две не спишь. Не можешь уснуть. В голове все время прокручивается картина будущей игры. «Вот я получаю мяч, сразу одним касанием обрабатываю себе на ход и, нет-нет, сразу же врезаюсь в защитника. А вот я получаю мяч, в одно касание обыгрываюсь с Палычем, выхожу один на один с последним защитником, показываю ему влево, а сам вправо с ударом. Нет-нет, получаю мяч спиной к воротам, защитник за мной, корпус влево — защитник влево, мяч обрабатываю касанием вправо и тут же сам ухожу вправо и делаю сильный прострел вдоль ворот. Нет-нет…» И так — до середины ночи, когда твой сосед уже посапывает и мешает тебе уснуть. Кое-как засыпаешь под утро, разбитый, на зарядке немного встряхнешься, после завтрака — опять в постель, поспать, но опять начинается прокрутка будущей игры, всех переберешь, со всеми перепасуешься. И вот вялый, сонливый выходишь на поле и вдруг после первого касания мяча чувствуешь легкость, уверенность, попадаешь в игру неожиданно, носишься по всему полю, да еще, если забьешь, все — класс, после игры, после душа, тебя

поздравляют, идешь домой, думаешь только об одном — упасть, уснуть. Но только коснулся постели — в голове опять крутеж — как все было, всю игру пересмотришь за ночь снова, словно на видике возвращаясь к лучшим местам. Так и не спишь, пока нервное напряжение не спадет. Был такой защитник в «Локомотиве» — Валера Зайцев, он рассказывал мне, что после игры он даже и не ложился спать, зная, что не уснет. Он просто садился на балконе и всю ночь смотрел на улицу, на Москву, нервы были так напряжены, что только на следующий день он начинал восстанавливаться. Вообще это происходит непонятно почему. Иногда — все наоборот. И режимишь, и спишь хорошо, и легкость чувствуешь, а вышел на игру — такая тачка, такой тяжелый, и все невпопад. Так же и с поддачей. Однажды я в конце сезона не спал две ночи, да еще немного выпивал, я не собирался играть, а пришел на стадион, мне говорят, иди раздевайся, кто-то заболел, будешь играть. Я думал, что умру, но вышел, размялся, пот пошел, и я дал, может быть, свою лучшую игру. Многое непредсказуемо в ней. Иногда и классный игрок выйдет на поле и не пойдет у него игра, и так он затоскует, заблудится на поле, что и не различишь среди других, а после игры сядет на скамейку, голову опустит, руки свесит и не хочет раздеваться. «Что случилось?» — спрашивает тренер с ехидной рожей. А он сидит, не отвечает, потом бросит: «Да вот шип натирает до мозоли, не могу…» «Что? Шип? Да какой шип, игру сдали, а ты шип, ень…» И ведь никто не поверит, что именно поэтому он и скис, игрочила, мастер. Это может понять только тот, кто играл. Но спуску и он тренеру не даст, и скажет: «А ты чего, не видишь что ли? Меняй! Я за игру не держусь. Говорила. Ты лучше садись на самолет, пока мы прикатим автобусом, лети домой, иди в обком и души его… обком… ень… Доплаты нет, премий нет… а ты — играй… Лети и души обком… Обком души…» И уходит с этими словами в душевую, а тренер, он тоже подневольный, летит домой, идет в обком, душит его…

Надо сказать, что тренерская доля незавидная. Их как назначают, так и снимают неожиданно. Особенно, у руководства самодуров. Обычно решение принималось на уровне секретаря обкома, республики или города. Искать обоснованности решений не приходилось. Все принималось на уровне — «нравится — не нравится». Ни перед каким авторитетом не останавливались. Владимир Полосин, сделавший «Таврию» классной командой, выведший ее впервые в жизни в высшую лигу, из-за неуспехов первой половины сезона среди лучших команд был убран в течение одного дня, без объяснения, с унижающими мелочными счетами за телефонные разговоры вслед. А тренер и человек он

был и есть — великолепный. Он сейчас работает в «Шиннике» и дай-то ему Бог! О, если бы только он один! За тридцать пять лет существования «Таврии» как команды мастеров старших тренеров поменялось около сорока. В среднем тренер не работал и года с командой. О каком качестве игры можно говорить? Правда, и среди тренеров были случайные, но это реже. Бывали и есть случаи, когда игроки, недовольные тренером, на тайной сходке решали убрать его. Два пути здесь: первый — игроки начинают сплавлять тренера игрой. Каждый игрок, вроде бы, в порядке, а все валится на тренера — через слухи, сплетни, которые доносятся в обком. Сама игра ухудшается настолько, что тренер не в силах повлиять на команду и его вызывают на ковер… В команде он больше не появляется. И игроки целы, и начальство довольно, что можно списать все на него одного. Второй вариант, когда группа игроков за спиной тренера идет сама на прием к кураторам в обком, райком и т.д. и ведет серьезный стук на тренера. Затем вызывается сам «провинившийся», и ему выкладывается все. Если он сумеет убедить начальство, что надо убрать из команды двух-трех инсургентов, и при этом гарантирует улучшение игры и высокое место в турнирной таблице, то идут на это, если не очень противен им он, тренер… Тогда тренер разбирается со стукачами, набирая новых игроков. Но все это, конечно же, не способствует футболу, успеху футболистов. Все это — гнусь, да и в принципе не новость, ибо — просто калька с жизни советских трудовых коллективов, нормы партийной и беспартийной жизни. Увы, в футболе, как и в искусстве, лучшие игроки— не есть лучшие люди. Чаще всего все человеческие пороки поселялись в самом талантливом, самом нужном игроке. Вот здесь существует до сих пор порочная советская система подхода — чем возиться с ним, пытаться приспособить игру команды к его индивидуальности, пытаясь выровнять и его личные качества, его просто напросто отчисляли, недолго помучавшись. Отсюда многие команды представляют собой собрание послушных середнячков, вместо одиннадцати строптивых, резвых игрочищ. Да, здесь нужно быть самому личностью, чтобы заставить их слушаться. Таким был Маслов в «Торпедо» и в киевском «Динамо», Якушин и Бесков — в «Динамо» московском и в «Спартаке», ну, конечно же, Аркадьев. В последующие годы — Лобановский, Иванов, Романцев, Газзаев, пожалуй, и Семин… Но этого — так мало для огромного футбола России, что становится проблемой весьма трагической.

Знаменитый игрок мадридского «Реала» Ди Стефано сказал

как-то, когда его стали упрекать, что он мало бегает по полю: «Пусть рояль таскают те, кто не умеет на нем играть». Так что же футбол — тяжелый физический труд или искусство? Феномен этого явления находится как раз на переплетении этих двух понятий, однако, наблюдая все больше и больше нынешний футбол, я, к сожалению, вижу, что с течением времени именно элементы искусства уходят из него и он превращается в работу «без божества, без вдохновенья». Не случайно в 60-е годы, на мой взгляд, был взлет нашего футбола, было модно дружить с футболистами, как и футболисты любили появляться в местах «мирискусников». Жены многих известных футболистов были знаменитыми актрисами и наоборот. Нападающий московского «Торпедо» Володя Михайлов был женат на Татьяне Лавровой. У Константина Бескова, как известно, жена тоже из этого же мира. Женой Валерия Воронина была танцовщица из «Березки». Я помню, как во дворе дома на Велозаводской он степенно прохаживался с удивительной красавицей с удивительной фигурой танцовщицы с двумя очаровательными детками, и все выглядело солидно и респектабельно. Он был, как всегда, в темном костюме с точно подобранным галстуком, на голове был пробор, где каждый волосок лежал как надо. Господи, куда все это подевалось, когда после аварии он стал сходить и судьба его пошла по наклонной плоскости. Знаю, что погиб он в одиночестве и, вероятно, от одиночества. Футболисты были тогда на виду, и тренеры говорили нам: «Вас все знают в городе, тычут пальцами, так что, если поддали, не шляйтесь, не позорьте себя и команду, лучше напейтесь дома, под одеялом, чтобы расслабиться…»

В настоящее время мало кто из мальчиков хочет быть футболистом, а в то время мечтали буквально все. Круг интересов расширился — кто в хоккей, кто в попсу, кто в бизнес, раньше же только футбол мог дать мальчишке возможность выйти в люди, удовлетворив свой мужской комплекс — быть знаменитым, богатым, мотаться по разным странам, иметь успех у женщин. Дворы, вернее дворовый футбол, перестал быть кузницей настоящих футбольщиков. Там никто не учил, как надо играть, но стихия выдвигала мальчишку либо в лучшие, либо он вообще бросал играть, на всю жизнь оставляя в себе этот комплекс несостоявшегося игрока и любовь к футболу и футболистам. Удар, обводка, умение драться за мяч, способность решать мгновенные задачки — все это от дворового футбола. В дальнейшем профессиональные тренеры только «доделывали» игрока. Но, если с детства ты сам себе не поставил удар, то в 19 лет это уже делать поздно. У нас в юношеской команде был тренер, который перед тем, как давать нам большие мячи,

высыпал из своего фибрового чемоданчика теннисные мячи, и всю работу по технике мы проводили именно с ними. Я мог набить теннисным мячом головой 100-200 раз и столько же отжонглировать ногами. Однажды я поспорил с одним теннисистом, уже будучи взрослым, что он будет играть ракеткой, а я ногами, но мне — только одно лишнее касание об землю. Я обыграл его, к удивлению болельщиков и самого теннисиста. Работа с маленьким мячом закладывает самое главное — подход к мячу, чувство центра мяча, что особенно важно при работе с ним. Не во многих командах мастеров, но в самых лучших, к примеру, как «Торпедо», был такой тест: на первой же тренировке, как только игрок выходил на поле, ему бросали мяч навстречу и говорили: «Останови-ка». Если игрок останавливал мяч так, что он после обработки не возвращался к нему с обратным вращением, то между собой говорили — «не тот класс». Для того, чтобы получался этот эффект, в момент остановки мяча нужно не просто подставлять ногу, а легонечко подбивать его чуть ниже центра для того, чтобы он отскакивал, а потом возвращался к тебе, вращаясь назад. Это умели делать те, кто понимал, что техника в футболе — это не все, но самое главное.

Я часто спрашиваю себя: «А куда подевались наши великие малыши? Какой Гулливер утащил их в сетке вместе с пресловутыми кораблями? Почему в нашем современном футболе нет игроков типа Хусайнова, Мамедова, Месхи, Метревели, Трояновского, Денисова, Маркарова, Гершковича? Что же произошло? С одной стороны, можно сказать, что скорость, на которой играют сейчас футболисты, уничтожила все видимые ранее искусные движения телом, ногами, головой, а, с другой стороны, этому, на мой взгляд, способствовал и так называемый «голландский фактор». Дело в том, что большому мальчику играть среди сверстников очень просто — он выигрывает за счет раннего атлетизма и ему не нужно заботиться о наращивании технического потенциала, футбольной хитрости в хорошем смысле. А вот малышам, чтобы удержаться в футболе, следует добиваться успеха во всем — в дриблинге, в скорости, в мышлении, наконец, в индивидуальных финтах и всех-всех прочих примочках, при которых они могут просочиться сквозь железобетонных защитников, «волжских защепок», итальянских «катеначчо» и просто дровосеков. Но великие малыши исчезли из футбола благодаря моде на голландских высокорослых длинноногих футболистов. Но то, что хорошо для одних, всегда заканчивается бедой для других. Итак, в нашем футболе появились плеяды так называемых «бройлерных» игроков. Но увы, хорошего они нашему футболу не принесли. Самый

неинтересный футбол, на мой взгляд, был между 70-ми и 80-ми годами. За редким исключением киевского «Динамо» и «Динамо» Тбилиси. Дело в том, что когда голландцы выиграли чемпионат или стали вторыми, я уже не помню, просто тренеры детских футбольных команд перестали брать в школы подготовки маленьких мальчиков, и, естественно, это и привело к неоправданной «голландизации» нашего футбола. Тотальная страна, тотальный футбол, тотальная скука. А кто помнит, как неуклюжий, корявый, совершенно, казалось бы, неприспособленный для игры в футбол, меленький, с заячьей губой на выразительном лице, слегка прихрамывающий Валет Трояновский из киевского «Динамо» принимал мяч и двигался с ним по полю так, что никто не мог к нему подступиться? И он, и мяч — это было одно целое, это был какой-то необычный, живой механизм по передвижению на поле между противниками. Если бы его селекционировали так, как стали потом, то он никогда бы не стал великим футболистом. Но он им стал. И таких было много.

Жены футболистов — это, как говорится, «особ статья». Совсем недавно я пошел на «Локомотив» посмотреть их со спартачами. В ложе для гостей сидела группа жен футболистов «Локомотива». Они так же, как и болельщики, которые сидели рядом с ними и по всему стадиону, болели за своих. Но что меня поразило — они так же, как фанаты, свистели, кричали, переживая за своих мужей. Раньше как-то это не было принято. Хотя понятно, забота о хлебе насущном заставляет играть вдвоем, он — на поле, она — на трибуне. Но было что-то в этом для меня неприличное. Хотя, может быть, я ошибаюсь. Раньше жены сидели либо скромненько на отдаленной трибуне, либо дома у телевизора. Хотя сути это не меняло. Зачастую алчные, охочие только до славы и денег футболистов, они бросали их, когда наступали трудные времена. Но, повторяю, не все. По моим наблюдениям, исходит это от самой природы как футболистов, так и природы происхождения браков. Что делает футболист, приехав в новый город на игру? Бросив спортивную сумку в отеле, он идет погулять по городу и первое, особенно это было раньше, он, конечно, заходит в магазины для того, чтобы посмотреть, какие шмотки, особенно импортные, там есть. Естественно, знакомится с продавщицей. Зачастую это перерастает в брак. Недолгие обоюдные интересы на этой почве в дальнейшем приводят к тому, что они расстаются, потому что слишком материальный интерес к игроку, а не к человеку, приводит к разводу, когда человек играющий уже не способен соответствовать уровню ее интересов. И поэтому, пока он играет,

жены подталкивают игроков к тому, чтобы они получили от футбола все, что можно, и даже то, что нельзя. Вероятно, это правильно, ибо, как известно, футбольная жизнь коротка. Были, конечно, и асы в этом роде. Так, жена одного очень известного футболиста из луганской «Зари», игрока сборной СССР, когда «их» пригласили играть в «Таврию», приехала первой в город, прошлась по базам, въехала в квартиру, обставила ее дефицитной в то время мебелью и сказала администратору: «Ну вот, а теперь мы, возможно, будем играть». Были, конечно, и такие, которые страшно, по-настоящему переживали за своих любимых вратарей, нападающих и в долгих разлуках начинали сами поддавать, спиваясь потом окончательно. А вообще жены футболистов — это своеобразные касты. Они и дружат между собой по принципу, кто дружит между собой в команде, и добиваются совместных благ от руководства команды. Интересно заметить, что несколько лет назад кем-то было подсчитано, что, если учесть, сколько получал футболист не в прямую, а опосредованно, через бесплатные квартиры (естественно, вне очереди), машины, бесплатное медицинское обслуживание, поездки за границу с хорошим отовариванием и фарцем здесь, и многое другое, то в среднем, если взять профессионального спортсмена на Западе и непрофессионального спортсмена в бывшем СССР, то получалось, что наш любитель зарабатывал гораздо больше. Может быть, это утка, сознательно запущенная идеологами, но подумать есть о чем. Естественно, жены тренеров футбольных команд, точно так же, как жены членов Политбюро, Президентов страны, имеют сильное влияние на то, что происходит в команде. И все по принципу: нравится — не нравится. Бывали и есть такие, которые диктовали составы на игру. Ничего не поделаешь — человек слаб и в постели трудно в чем-либо отказать. Вероятно, я что-то утрирую в силу того, что считаю, что в чисто мужские дела женщина не должна совать своего носа, но повторяю, это — мое личное убеждение. В конце концов, не каждый тренер находит себе достойного советчика, и если им оказывается родная жена, то почему бы и нет. Я это говорю, никого не осуждая, ибо сам по своей природе и породе — футболист и все, что заложено во мне футболом и хорошего, и плохого, во мне существует до сих пор. И я, так же, как тот футболист, о котором я говорил ранее, однажды приехал в Алма-Ату вместе с питерским «Зенитом» и, естественно, тут же поперся в универмаг напротив, и тут же познакомился с прекрасной продавщицей, договорившись, что вечером после игры она придет на свидание ко мне с двумя подругами. Мы сыграли вничью, я позвал Наума и Горбуна. Мы набрали шампанского и в жаркий алма-атинский апрельский

вечер пошли в знаменитый парк и, рассевшись на скамейках, начали распивать с нашими знакомыми шампанское. Затем, как водится, когда совсем стемнело, все пошло по накатанному сценарию, и среди огромных деревьев стали раздаваться сладкие охи и ахи. В этот момент со всех сторон нас осветили острые фары сотрудников милиции. Нас взяли на месте преступления — мы распивали, да еще занимались любовью в общественном месте. Мы не сопротивлялись, нас погрузили в газик с решеткой, причем всех с недопитым шампанским. По дороге в отделение милиции казахские стражи порядка спросили, кто мы и откуда. Мы ответили: «Да футболисты мы». — «Какие еще футболисты?» — «Да из «Зенита» мы». — «Из какого еще «Зенита», это который у нас сегодня очко отобрал? Не верим». К счастью, тогда у всех футболистов, вероятно, как и сейчас, были так называемые билеты участников первенства страны по футболу с фотографией, печатью и названием команды. Мы показали эти зелененькие книжки, и вот здесь началось восточное гостеприимство. «Ребята, куда вас отвезти?» Мы сказали: «Ну мы же еще не допили, и недо…» В общем, они повезли нас на квартиру одной из наших знакомых, где под низким горячим звездным казахским небом мы продолжили пиршество. Ровно в четыре часа ночи они приехали за нами на милицейском бобике, погрузили нас, основательно поддавших, и привезли к гостинице «Казахстан». И какими-то тайными лестничными ходами провели в нумера и уложили спать. Утром, когда мы улетали, машина снова подъехала к гостинице, вышел капитан и спросил, нет ли у нас проблем. Мы весело ответили, мол, узнаем через три дня, если что, сообщим телеграммой. И улетели в Ташкент, и все сначала…

«Ловила», «кипер», «гольмен», «воротник», вратарь, «вратаришка» — так называли футболиста, который стоит в воротах и единственный из игроков имеет право брать мяч руками, да и то — в штрафной площадке. Это, пожалуй, самая ключевая фигура в футболе. Говорили — вратарь хороший — считай, подкоманды есть. Еще говорили уже им, вратарям, — бери все, что летит в руки, а то, что в «девятку» — пропускай, потому что в девятку бьют редко, а вот в руки…

Никогда не забуду, как я увидел первого своего любимого вратаря, с которым мы затем стали надолго друзьями. Он был старше меня, я подавал мячи за воротами. Эмма, Эммануил Анброх, вратарь «Таврии», выбегал одним из первых на разминку перед игрой, натягивал поглубже кепку-лондонку, затем чертил надетой на ногу бутсой линию от пенальти до центра ворот для

ориентации, подбирал несколько камешков и выбрасывал их за ворота — ведь падать ему — и становился в «рамку» для разминки. Сначала кто-то из нападающих бил ему в руки, в одно касание для разминки корпуса, затем он падал влево и вправо, и после этого уже ему били с линии штрафной или ближе, или дальше. Затем, когда игра уже начиналась, он все время двигался, перемещаясь под движение мяча, иногда сплевывая опять же за ворота. Я был счастлив видеть его вблизи, и если он что-то бросал мне типа «скорей, мяч», я был еще более счастлив. Вратарь — фигура в футболе почти мистическая. Ведь он стоит между игрой и неигрой, между жизнью (взял) и смертью (гол). Что такое вообще гол?

Когда-то вообще, говорят, играли с мячом ногами без ворот, но потом поняли, что мяч, посланный в небо, возвращается — вероятно, что кто-то оттуда подыгрывает, — и решили пробиваться к нему через ворота: гол — это прорыв в другое пространство. Не случайно стадион взрывается: тот, кто забил, становится ближе к господу Богу, он почти наравне с ним, он — Творец невероятного. Жизнь, игра, судьба самого игрока — переход в иное состояние, это всегда происходит со взрывом, сначала накачиванием и сбросом энергии, затем — гол! И одни идут поникшие и понурые, другие — ликующие… Поэтому вратарь должен быть беспристрастен — он не должен пропустить ни для своей, ни для другой команды. Он не вратарь, он привратник у ворот господних. Отсюда — вся его жизнь наиболее трудная, нервная, он всегда или любим, или ненавистен. Нервы его на пределе, иногда в него из неудач вселяется дьявол, который и губит его. Был такой вратарь Владимир Лисицын. Прекрасный был вратарь, но слишком совестливый, переживавший до сумасшествия свои ошибки. Однажды на варшавском стадионе, стоя на воротах сборной страны, он запустил две таких «пенки» (из-за чего команда и проиграла), что друзья следили за ним, чтобы он что не сделал с собой. Так-таки через некоторое время он не выдержал, сорвался и ушел из жизни по своей воле. Ужасно. Это еще сопровождалось теми идеологическими накачками, свойственными партийной игре, издевательством, напоминанием, и уж какие нервы выдержат, а какие нет. А вратарь был прекрасный — с реакцией, прыгучий, мог тянуть такие мячи, что трактором не вытащишь, но вот сдавали нервишки, и мог пропустить легкий мяч, за что и казнил себя и так трагически кончил…

Эмма был отчаянным вратарем. Он — один из первых, кто стал выходить из ворот, играя не только в «рамке». Если нападающий прорывался сквозь защиту и выходил один на один,

то Эмма делал несколько шагов вперед и бросался, как с причала в море, прямо в ноги нападающего, вырывая мяч из дерущихся ног. Затем прижимал мяч к груди и падал на землю калачиком. Все. Никто уже не смел тронуть ни его, ни мяч. Он вставал с земли и вводил его в игру — то ли рукой, то ли ногой. Поотбивали, правда, ему почки мерзкие ребятки, когда умышленно, когда случайно. Он был любимцем публики, его любили, особенно женщины, — за смелость, за элегантность вне поля. Любили, несмотря на его нерусскую фамилию, которую он, к чести, никогда не скрывал и не стеснялся ее, и это в те годы, когда антисемитизм был государственной политикой. Партийцы за хорошую игру прощали даже пятую графу, но презрение-то все равно оставалось. Но Эмма был прекрасен, он был без комплексов в этом смысле, особенно, пока играл и не особенно чувствовал проблему. Болельщики его называли по-домашнему — Моня и никогда не оскорбили с трибуны омерзительным словом «жид» — он даже их внутренний антисемитизм перекрыл своей страстной, отчаянной игрой. Как-то я услышал, как один из фанатов бросил ему вслед: «Евреи так в футбол не играют». Эмма, помню, вспылил, подошел к фанату, взял его за воротник и сказал очень тихо, но так, что все услышали: «Сука, а русские играют так, да?» — «Что ты, Эммочка, что ты, Эммочка, я хотел продолжить: и армяне, и грузины…» Вся его жизнь — это история неудачной любови. И не по его вине, как мне кажется. Его любили за красоту, славу. Пытались женить на себе, подбрасывая женские принадлежности для компромата перед другими. Но он был неумолим. Он был пессимистическим мечтателем о прекрасном прошлом своей первой, потом второй любви и долго чего-то ждал.

Играл он действительно отчаянно. С криком на весь стадион «Играю!» — он выходил на простреленную передачу, переводил кулаком на угловой, но чаще брал намертво в падении. Редко ошибался, и тогда наш доктор говорил свою коронку: «Эх, Эмма, пошел в командировку и… простудился». Вообще игра на выходе принесла футболу новую эру — нападающим стало труднее в борьбе за верховые мячи и даже, если они шли один на один, то вратарь, идущий на него, значительно суживал угол попадания мяча в ворота и нужно было что-то делать — обводить или перебрасывать, а это всегда чревато ошибкой для него. Так что это было революцией, когда вратари, особенно Яшин, стали играть по всей штрафной. Эмма, как умный человек, понял это еще раньше и на маленьком крымском стадиончике творил чудеса, вызывая неодобрение тренеров и начальства, но уж когда стали по телевидению показывать знаменитые яшинские выходы,

то они умолкли навсегда. Это стало стилем любого хорошего вратаря. Единственно что — если нападающий и защитник борются за мяч, стой в воротах, пока поединок не закончится, а то, бывало, только несколько шагов за мячом в драке, а защитник, надеясь на вратаря, отыгрывает ему и — в пустые ворота. Так что это закон неписаный, но пока мяч не отскочил от дерущихся за него, стой и жди. Эмма иногда нарушал и это. Он мог в падении влететь в кучу ног и выхватить мяч. К счастью, ни разу его судьба не наказала.

Когда меня взяли в команду, мы стали заниматься английским, и он называл меня «чикен» (цыпленок). «Чикен» знал все его похождения, а потом и сам подключился к ним. Две его сумасшедших любви закончились ничем. Наташа, циркачка, работавшая с силовыми акробатами, в свое время упала из-под купола цирка. Это было в Японии, хирург сделал ей около 20 операций — было около 20 переломов. На ее теле было около 20 миниатюрных шрамов. Но вот глаз не удалось спасти. У нее был искусственный, красивый, и поскольку она сама была красива, то никто и не замечал следов ее страшного срыва из-под купола. Это была серьезная любовь. Эмма мотался за ней между играми по всем городам, где их цирк гастролировал. Наконец, и это закончилось. И начался большой, настоящий роман со знаменитой актрисой. Они оба были так заняты, она — на спектаклях, репетициях, он — в играх, что им некогда было сыграть свадьбу, они расписались, придя в ЗАГС в разные дни, но это было так красиво и романтично. Они были парой — что надо. Но надо было выбирать. Сначала она выбрала столичный город, и он уехал вместе с ней, начав там тренировать мальчиков. Затем он выбрал возвращение назад и работу в команде мастеров. Она же получила приглашение в самый знаменитый театр, он загрустил еще больше со своими пацанами. На этом все и кончилось. Сейчас она преуспевает. Он… Он стал лучшим тренером в детской футбольной школе, его ученики играли в командах мастеров. Мальчишки его любили, он умен, требователен, может рассказать и показать, как и что делать на поле. Кстати, многие вратари почему-то хорошо играют в нападении, видимо, оттого, что слишком близко видели работу нападающих, несмотря на то, что вся организация зашиты начиналась с него: «Вышли, вышли… так, возьмите слева восьмого… назад, домой, домой… спокойно, я играю». У Эммы была врожденная скорость. Сотку бежал, как спринтер, отсюда и резкость, и его выходы. В Симферополе у него корни, его все любили, несмотря на осложнения с национальным вопросом-. Это его стало сильно раздражать. Он уехал в Израиль со своей женой

и сыном в надежде вылечить жену от рака. Но через два года поступило известие, что она умерла. Эмма стал работать тренером так же, как и дома, — детской команды. И загрустил страшно по Крыму. Он не знает толком, что произошло в нем, что того города, который он знал и в котором был кумиром, уже нет. Есть только дом рядом со стадионом, где он вырос, да и сам стадион, старшая сестра, которая живет неподалеку. Говорят, что его команда выиграла чемпионат Израиля среди юношей. Но, видимо, нельзя покидать города своей славы — тянет назад, подсознательно. Но просто Эмма еще и такой человек — интеллигенту всюду неуютно, экзистенционально безысходно. И его тянет к возвращению, как в Библии — «все возвращается на круги своя». Через это проходят все люди, прикипевшие к тому месту, где и воздух сладок только потому, что он хлебнул его впервые вместе со своими друзьями, с первыми девочками. Вернешься — разочаруешься снова. Походишь по могилкам родных и потянет опять куда-нибудь. Ведь судьба футболиста — это с сумкой через плечо, на самолете, на поезде — от города к городу, от команды к команде. Его родина там, где он хорошо играет и где его за это любят. А отношение — по другим статьям, это для других, только не для футболиста, тем более вратаря, бывшего кумира, любимца публики, привыкшего слышать с трибун: «Смотри, как взял, а? Еле дотянулся, но взял».

Мы были с ним почти неразлучны, хотя он был старше меня на десять лет. Потом он стал немного комплексовать, когда ушел из футбола. Пробовал быть спортивным комментатором, но коммуняки сказали, что у него не та фамилия… Нашли еще какие-то причины. Эмма был откровенен, часто по телефону говорил, что думает. Однажды, при мне, в одно из его откровений подслушка врезалась в его разговор, и суровый мужской голос сказал: «Кончай, б…дь, трепаться… Запомни, если бы ты не был футболистом, то давно бы уже схлопотал свое…» Эмма был потрясен такой откровенностью, и с этого момента начался его отъезд. Мы все так же дружили. Как-то мы завелись, он свое мнение считал беспрекословным. Я тоже. Свое. Он сказал — тоже мне еще футболист, пишущий стихи! Я ответил — может быть, поэт, немного поигравший в футбол? Не знаю, отчего он невзлюбил меня. Мы после этого просто приветливо здоровались. Но он все больше катил бочку на меня. Друзья пытались нас помирить, особенно Валера Захаров, но бесполезно. Он разлюбил меня, по-моему, навсегда. Он раздружил меня с собой навечно. А я до сих пор люблю его, и хотя он не нуждается в моем сострадании, жалею, и если бы он принял мою помощь, помог бы, чем только смог. Ведь это для кого-то он неизвестно кто сейчас, а

для меня первый вратарь, который сказал: «А удар у тебя — то, что надо, на разминке ручонки мне отсушил, в игре, правда, не забил, но ничего, забьешь, какие твои годы, «чикен»?»

Как-то я спросил одного довольно известного вратаря: «Завяжешь, повесишь бутсы и перчатки на гвоздик, что делать будешь?» «Не пропаду, — усмехнулся он, — пойду на центральный рынок, поставлю две штанги из пустых бутылок, постелю коврик и поставлю рядом плакатик «Кто забьет мне пенальти — тому четвертак, кто не забьет — с того четвертак мне». И заживу неплохо…»

Он, конечно, шутил, тот вратарь, но многие футболисты даже и не задумываются, когда играют, о времени после футбола. Более того, человеческие амбиции — вещь опасная, особенно таких родов как политические, властные. Но футбольные амбиции тоже довольно вредоносная штука. Кто-то из писателей сказал о своем коллеге — он живет жизнью крупного писателя, не являясь таковым. Так и в футболе. Сколько знаменитых футболистов сломались после ухода из футбола, спиваясь, опускаясь. Но скольких незнаменитых постигла та же участь, еще не подсчитано и не будет подсчитано никогда. Сколько было, да и есть команд мастеров не высшей лиги, а, как раньше, команд мастеров класса «Б», второй лиги? Очень много. Так вот, представьте каждого игрока этих команд — ведь каждый себя считает гением футбола и ведет себя соответственно. Начиная с походочки, подражания мастерам, с первой сигаретки, зажатой как-то не так, чтобы тренер не видел, с одежды, с манеры говорить — ну все в нем выдает великого игрока, только не сама игра. Потом вдруг он оказывается не в команде, а на улице — все, жизнь его сломана. Всю жизнь он будет говорить, что его не поняли, что он был лучшим, поедет еще в два-три клуба, ну, попинает там, мать и жену заставит поверить в свою выдающность, но жизнь-то уже сломана. Беда — человек принял на себя образ, не соответствующий его возможности. Сколько я таких знаю ребят, уже спившихся окончательно, сбомжевавшихся, со своей легендой о том, как его не поставили на игру, а то бы он… и назовет всех виновных. Говорят, что самоубийство Есенина вызвало по всей России около тридцати самоубийств по такому же типу — люди, влюбленные в его гений, зная наизусть его стихи, жили его внутренней жизнью, вернее, имитируя ее, и кончали с собой так же, имитируя его конец. Так и футбол — это такая любимая зараза, что человек никогда не поверит, что он хуже другого. Самый яркий пример — последний чемпионат

Европы, сборная России. Торговля перед игрой — за какие деньги играть — для наших игроков бессмысленна, ибо даже если бы им заплатили по миллиону долларов на каждого, скажите, они обыграли бы сборную Германии или Италии? Да нет же! На таком уровне включаются в действие совсем другие силы — очень комплексные, имеющие в основе все же класс, мастерство, характер, даже, простите, я не люблю это, национальную гордость. А что маленькой несчастной Италии, Чехии, Испании и т.д. надрать жопу великой России не слабо, да? Но нашим ребяткам себя сравнивать не с кем. Чемпионат Европы по футболу — это не способ зарабатывания денег, ибо это великое искусство, которое рождается на глазах, на глазах умирает, как судьба, она неповторима, и лишние тысячи долларов здесь не имеют значения даже для суперпрофессионалов, они понимают, что есть вещи — повыше денег. Вот там, в своем клубе, ты играй за деньги, за что хочешь, если тянешь на этом, а в сборной? Здесь другой счет, когда-то его называли гамбургским. Почему, кстати, гамбургским? В пору великих борцов начала века, в пору показательных поединков для заработка они один раз в году собирались почти тайно в Гамбурге на свой турнир, чтобы узнать, кто же сильнейший в мире без показухи… Вот так и чемпионат мира и Европы по футболу — он для тех, кто хочет узнать себе цену по гамбургскому счету…

Об амбициозности говорю так, потому что сам был такой, пока вовремя жизнь не обломала. Может быть, это и плохо, ведь жизнь под легким наркозом гораздо легче, даже если ты по уши в дерьме. Вот так и я 24-летним, набравшим игру, готовым играть где угодно, стоял перед ординаторской Центрального института травматологии и ортопедии и ждал, когда из нее выйдет или войдет Зоя Сергеевна Миронова — тогдашний бог всех сломанных футбольщиков, танцовщиков, гимнастов, конькобежцев и т.д. Вокруг меня носились белые халаты, таскались каталки с больными — «шел обычный операционный день. Я стоял и не мог сдвинуться с места, мои ноги так болели от зацепленных нервов — итог пятимесячных скитаний по разным врачам и больничкам, после которых становилось все хуже и хуже. «Не стойте здесь, она все равно вас не примет, идите через поликлинику…» — слышалось неоднократно за моей спиной. «Я уже был там, там очередь на три месяца вперед, а мне нужно сейчас, сегодня, я хочу через две недели выйти на поле», — проносилось в голове. Я стоял и ждал. Наконец, стая белых халатов, обтекая меня, промелькнула в ординаторскую, и через минуту из нее выглянула женщина, стройная, сухая, с яркими светлыми глазами, ей было немногим за пятьдесят и она была в

классной форме. Это была Миронова. «Ну, что вы здесь стоите, вам же сказали, я принимаю в поликлинике…» В эту же секунду кто-то из проходивших задел меня чуть-чуть и я, пошатнувшись, скорчил такую рожу и такое шипенье испустил, что Зоя Сергеевна спросила: «Вы кто, что с вами?» «Я — действующий спортсмен, футболист». На это она закрыла передо мной дверь и ровно через несколько секунд снова открыла, но уже рукой ассистента. «Входите, раздевайтесь до пояса», — сказала Зоя Сергеевна уже совсем по-деловому. Осмотрев меня, она сказала своему окружению — будем вытягивать позвоночник под водой, сделать снимки и — на койку. Только привезите направление от вашей команды или спортобщества… Помаявшись еще два месяца, потому что бассейн был на ремонте, я все же летом залег в ЦИТО. Ну наконец-то, думал я, отойду от пьянок, подлечусь, и снова за свое. Целый день я пролежал в палате, обзнакомившись с тремя соседями — чемпион Грузии по фехтованию (мениск), конькобежец, чемпион Союза из Воркуты (порыв боковой связки колена), балерун, бывший партнер Галины Улановой, Жданов (отрыв бицепса правой руки: на репетиции поднял партнершу слишком резко). В этой компании я и пролежал три месяца. К вечеру первого дня ко мне подбежал какой-то мужичок из соседней палаты в спортивном костюме и сказал тихо: «Взносы». Ну я поверил и дал рубля три. Он исчез и появился через полчаса, сунув мне стакан под нос — микстура, сказал, я хлобыснул, о, господи, водка, стакан, без закуски… И понеслось. Потом я понял, почему так пили — ведь здоровые все, только локальная боль у каждого, а так… Чтобы убить время до выздоровления. Каждый ждал. Знаменитый балерун пил только чекушку коньяка, и то — на ночь. Жена приносила ему днем. Вечером он вставал посреди палаты, широко расставив ноги, правую руку в гипсе поднимал еще выше, левой раскрутив бутылочку, он вдруг моментально ввинчивал ее содержимое в глотку, затем широко размахнувшись, бросал ее пустую в открытое окно, в шумевший сосновый парк. Днем меня возили на вытяжку позвоночника. Процедура, надо сказать, не из приятных. В горячем бассейне меня подвешивали с гирями на бедрах, удерживался я на подлокотничках. После двух часов висения везли на каталке, и я лежал неподвижно, дабы не сорвать исправленное. Зоя Сергеевна была как старший тренер. Она и принимала, и также отчисляла, если узнавала о нарушениях режима. Сама в прошлом большая спортсменка, она понимала душу каждого, но не могла простить пренебрежительного отношения к своей работе. Вдруг приехал Георгий Сичинава, лучший полузащитник тбилисского «Динамо», игрок сборной, знали его тогда все, что-то у него было с ногой, не

помню. Миронова сказала: «Полежишь немного — потом побежишь…» Так оно и было бы. На второй день он зашел ко мне и занял триста рублей - такой кутеж устроил, на все отделение. Дня три все крутилось и ходило ходуном — медсестры, охранник, таксисты, мотавшиеся в Аэропорт и обратно. Кто-то все же стукнул, и — крупно. В понедельник в отделении собрание, как в команде — за нарушение спортивного режима отчислить из больницы с сообщением в команду. Плевать он хотел, гордый ушел, занеся перед этим мне долг, хотя и гуляли вместе. Уважаю. И просили мы Зою Сергеевну за него, но она была как добра, так и непреклонна. Говорили, что особенно она стала непримиримой после того, как выдающийся прыгун в высоту попал к ней на операционный сто л и она почти полдня делала ему операцию и собрала по косточкам его ногу и сказала — вылежи, будешь еще прыгать. Через неделю к нему пришли друзья проведать его, выпили, он пошел на костылях провожать их и, спускаясь со второго этажа, упал и сломал всю ее работу. На следующий день Зоя Сергеевна его выписала. Это потом другой выдающийся хирург поставил его на ноги, но сначала было вот это.

Жизнь второго спортивного отделения шла своим чередом, как, вероятно, идет и сейчас. Люди сдруживались, уходили, появлялись опять. Зоя Сергеевна помнила каждого. Скольким футболистам она спасла футбольную жизнь, ведь она первая начала ставить игрока на прооперированную ногу после третьего дня с момента операции, заставляла разрабатывать колено, несмотря на боль. В больнице я прошел новую для себя школу жизни — я увидел человеческую боль, сам серьезно переболев. Победоносность, разгильдяйство как рукой сняло — я увидел — за все надо платить, и не деньгами, а здоровьем, жизнью, в сердцевине которой лежит огромная Боль, и все живое двигается в пространстве, превозмогая ее. Туда же в больницу пришла ко мне моя первая любовь и сказала, что выходит замуж, что я сильный, что выкарабкаюсь, я умолял не оставлять меня, хотя бы сейчас. Нет, именно сейчас, это даст силы, бред какой-то… и ушла. Туда же пришло известие из института, что я отчислен. Туда же за три месяца ко мне не пришел ни один из моих друзей, с которыми я играл в одной команде, не пришли во главе со старшим тренером, который считался мне другом… Да, слишком много произошло со мной тогда, я понял, как жизнь бывает добра и как бывает жестока, и что в принципе никому ты становишься не нужен, когда заболеешь, и что выбираться из этих ям нужно только самому… Но я мечтал, мечтал, что наконец поправлюсь и снова заиграю и все верну себе. Я не знал тогда, что для того, чтобы привести себя в порядок, мне понадобится два года, как

минимум. Но я хотел быстрого выздоровления, гнал врачей, себя, потом понял — отдайся в руки времени, остановись, подумай, если будешь играть, то только лучше, от того, что станешь мудрей. И все же компанейство брало свое — каждую пятницу, после ухода врачей, мы собирались в одной из палат и жестоко поддавали, веселились, охали над своими болячками — у всех была надежда, молодость и Зоя Сергеевна. Весь огромный корпус ЦИТО был как бы отцеплен от нас, мы ехали в вагоне отделения спортивной травмы, хотя почти каждый знал, что на шестом этаже умирал от рака выдающийся грузинский футболист, бывший центральный нападающий тбилисского «Динамо» Автандил Гогоберидзе, и ни один врач не может ему помочь…

Когда я выписывался, то Миронова сказала мне: «Ну что, можешь потихоньку начинать…» Я обрадованно сказал «спасибо», но она, помолчав секунду-две, добавила: «Хотя, если не хочешь стать калекой в тридцать лет, то бросай свой футбол…» И я пошел дальше по коридорам, хромая и глубоко запоминая ее слова.

Я всегда поражался, отчего женщин так влечет футбол? Может, не футбол, а футболисты? Ну, мода, допустим… В период примерно с пятидесятых по наше время, уже на моем веку, сменилось несколько объектов обожания женщинами, так сказать, в потоке (я не беру крайности настоящей любви). Ну скажем, помню, как модны были военные, всем понятно, что в нашем military society человек в портупее и с толстым лопатником (портмоне) был предпочтительнее, чем учитель, врач и т.д. Потом не все военные, а именно летчики, и это тоже понятно, ибо они были привилегированные военные, они гусарили в кабаках наездами с летных полигонов, в ореолах таинственности, с крутыми бабками, и каждая молодая женщина легче всего могла влюбиться в такого вот лихого, с привкусом смертельной таинственности летуна (а они время от времени гибли и не говорили об этом, а только многозначительно намекали, да крепко пили, не чокаясь, за своих друзей). Потом пошла мода на интеллигентность, как все помнят, при всей спорности — кто лучше — физики или лирики, а в моде были и те и другие. Чуть позже — футболисты, может быть, просто — спортсмены. Но футболисты занимали особенное положение. Они и не скрывали этого, пижоня, бравируя. Естественно, среднему игроку местной команды мастеров было легче получить квартиру, чем чемпиону страны по легкой атлетике или по штанге. Но в каждом городе была своя специфика. Надо сказать, что принцип, механизм этих

явлений в обществе понятен, ибо привлекательны были те, кто хоть чуть-чуть выбивался из общего строя, мог куда-то поехать, одеваться не как все, и рядом с ним женщина могла появиться в обществе и даже на улице, и ей льстило, когда за спиной шептали — смотри, смотри, это же…

Кстати, о местных условиях. В начале семидесятых город Луганск (тогда Ворошиловград) прогремел на весь СССР тем, что в конце спортивного сезона футбольная команда «Заря», а также волейбольная, баскетбольная и, по-моему, еще и пловцы выиграли золотые медали чемпионов страны. Казалось бы, радоваться нужно, что в провинциальном городе так процветает спорт, но не тут-то было. Партийная иерархия не позволяла, чтобы кто-то высовывался. Мы-то, футбольщики, знали, что там платили всем спортсменам очень круто за счет шахт и различных тайных коммерческих операций и туда съехались выступать под знаменами «герцога Чемберленского» — секретаря обкома Шевченко — лучшие люди страны. Киев не потерпел такого: как это — столица без золота, в то время как… Были возбуждены дела, благо это было так нетрудно, найдены огромные растраты, секретаря обкома сняли и, по-моему, посадили, а «Заря» с тех пор, да и все прочие команды, никогда уже не поднимались так высоко. Значит, уже и в те времена тренеры и администраторы могли за счет умелого вливания в футболиста мастерства и денег создавать чемпионов. Поучиться бы нынешним, ведь сейчас это не преступно, а, наоборот, — единственный принцип.

Но вернемся к маленькому южному городу с местными условиями. Таковыми в те годы были футбольная команда и местный велотрек. На нем, в связи с непонятными причинами, было в то время одно из лучших полотен в Союзе для спринтерских гонок, и поэтому все звезды мира «были к нам». Трек, как и футбольный стадион, находился в центре города, и поэтому все чемпионаты Союза и Кубки проходили в присутствии большого количества зрителей и молодых красавиц, ловчих счастья. Много велосипедистов было «из-за бугра». Почти каждый второй француз-велосипедист уезжал из Симферополя (а я о нем здесь речь веду) с невестой. И это несмотря на неусыпное око КГБ, отслеживавшего тогда все связи, вплоть до половых. Как-то, лет через десять после начала моей писательской суеты, в одном из светских домов Москвы меня представили одной из самых (как сказали) влиятельных литературных дам Парижа. А я смотрел на нее и думал: «Ну, где я ее видел?» Потом вспомнил. По ней прошлась вся наша футбольная команда и даже, по-моему, велосипедисты, один из которых и увез ее в Париж. Улучив минутку, я остался с ней один на один и спросил: «Это ты?» —

«Да, это я, но только молчи, ладно?» Конечно, я молчал. Мы подружились, она оказалась замечательным другом. В дальнейшем к прошлому мы отнеслись как к шалостям детства, но вот судьба ее оказалась печальна. Велосипедист вскоре после свадьбы ее бросил, она одна, затем связалась с настоящей богемой, которая довела ее до трагического конца в сравнительно молодом возрасте.

Но вообще для меня до сих пор остается загадкой особое отношение женщин к футболистам. Ну слава, ну деньги… А почему не певцы, космонавты, крупные чины? Одной из причин, я думаю, была доступность, открытость футболиста (тогда) — он был в толпе, из толпы уходил в чемпионство, а затем возвращался. Игрок был в городской среде, если он не уезжал куда-то или его не запирали на сборах. Остальные категории, мною названные… Ну разве это возможно? Стена, боязнь компромата, тайная жизнь и т.д. А футболист отыграл игру, и вот он — с сумкой через плечо, готов ко всему, всегда при деньгах и знакомствах. Да, вот и девочки. «Ну что, дочки, потрем пупочки?» — пошло спрашивает он. Те морщатся, но идут, зная, что просто такая лексика, а за всем этим — доброта, бесшабашность и может быть… А вдруг что-то посерьезнее? Как также надеялся и сам футболист.

Никогда не забуду наше выступление в Томске, где мы таким макаром залегли после тяжелой осенней игры в семиместном номере гостиницы на ночь с подружками, снятыми тут же, на центральной улице. Все кончилось взрывом хохота под утро, когда послышалась жалоба: «Витя, а я?» И затем ответ: «Было время, дура, могла и кончить…» А в южном городе, вокруг гостиницы, где останавливались футболисты, лисьими стаями ходили обожательницы крепких футбольных ног, шампанского, нарочитой грубости, щедрости, хорошей сексуальной формы. И время от времени, прорываясь сквозь генеральствующих швейцаров (за рупь), заходили то в буфет, то на этажи, пробиваясь к вожделенному — к тайной своей страсти, стучась, корябаясь в номера красными коготками. Но те, кто нужен был, всегда был при деле. Футболисты, несмотря на соперничество на поле, после игры помогали: местные — приезжим — с этим «товаром». Помню, как долгое время по нашему городу ходила одна красавица после славного посещения его московским «Торпедо» и твердила, как полоумная: «Я была с Эдиком, никому после него не дам…» Может быть, ей пригрезилось это, но уважение к Великому в ней, как в эстетке, сохранилось надолго.

Но тогда все больше происходило из любви к искусству, как говорят, а не из-за денег. Женский народ был добрым, понимал

мужчин и ни о каких гонорарах речь не шла, если было хоть минимум симпатии. Я помню, что до девятнадцати лет я не был с женщиной. Причиной была загруженность тренировками, фанатизм отношения к футболу. По нашему городу ходила красавица Ленка, которая бывала только с теми, кто ей понравится. Я все время заглядывался на нее, и вот однажды она подошла ко мне и сказала: «Ну что, футболистик, корчишь из себя грозного е…я, я-то ведь вижу, что ты еще мальчишечка… А хочешь, пойдем со мной?» Я пропустил тренировку. Она привела меня к себе, у меня от волнения ничего не получилось, и она увидела, что я потух… «Не волнуйся, увидимся завтра». Я думал, что она обманет. Нет, она отнеслась к этому серьезно. Пришла вовремя, отвела меня к себе опять и сделала все так, чтобы я показал высокий класс. «Ну, вот, — сказала она при расставании, — после этого не подходи ко мне никогда, но теперь станешь полегче бегать…»

Господи, откуда в них это, такое грубое, тонкое понимание? Я навсегда сохранил к ней самые добрые чувства, даже когда она совсем спилась и опустилась, но видеть ее такой после девичьего блеска было невыносимо. Потом она исчезла совсем. Через несколько лет это мне аукнулось во Владимире, когда ситуация повторилась, только с обратным знаком. Одна футбольная фанатка, узнав где я живу, пришла ко мне с просьбой стать ее первым мужчиной в жизни. О идиотизм молодости! Она была красива, ходила на игры со своим парнем и боялась, что он будет ее презирать за то, что она в 24 года девица. «Ну почему я?» — взмолился я. «Будет что сказать, он же болельщик футбола, зауважает…» — «Да ты что, дура, не хочу и не буду». — «Умоляю». «А может, и действительно для нее это событие, — подумал я, — на всю жизнь?» Такая глупость. И такая правда. А что она хорошего увидела потом в своей жизни? Как показало время — ничего. И она была права. Только это ли, то есть то, за чем она ко мне приходила, было самым прекрасным? Не знаю. Помню, что пришла она с собственными простынями, придав этому какой-то ритуальный свет. Я не любитель таких экзекуций, особенно организованных. Ненавидел себя за это долго, но потом все забылось. Легче надо к этому, легче. Как у дежурной, которая сидела в общаге на телефоне. Когда я выводил мою неожиданную ночную «жрицу» любви из общаги, то бабуля спросила: «Ну что, отодрал-то?» Вот так, для кого — драма, для кого — просто жизненный опыт. Но это так, миг встречи, мимолетное, проходящее — коснулись друг друга на глубине шаров блаженства и побежали дальше. Но вот, кто из женщин сталкивался всерьез с судьбою футболиста, то у них возникали

проблемы более серьезного характера. Особенно, если возникала любовь. Ведь футболист — это нестандарт во всем — в начале, в середине и в конце. Та, которая этого не знала, зачастую попадала, но та, которая знала, что такое муж-футболист, со всеми последствиями, скорее всего, все делала, чтобы флирт остался флиртом, а жизнь ее прошла бы с другим. Даже если для этого нужно было становиться и на горло любви. Вообще-то, я их понимаю, если бросают до свадьбы, но потом бросать футболиста, это — как ребенка бросать…

Моя первая любовь была дочкой знаменитого футболиста и потом тренера. Мать ее натерпелась от переездов, гулянок, пьянства, да еще, может, и от собственной жизни. И вот ее отношение ко мне диктовалось не личным, а общим характером. Так футболист? Значит, пьянь в дальнейшем и неудачник. И хотя я подавал надежды и в других областях — учился на физмате, все равно она объясняла дочке, что не нужен я ей: я натерпелась, и тебе этого не надо. В наших отношениях все шло до первых трещин.

Как только со мной начались проблемы: травмы, выгнали из института — здесь уже и в раннем возрасте девушка, имея за плечами опыт матери, задумывается. Она требовала еще, чтобы я стал другим. Я говорил — ну как я могу это сделать — ведь я плоть от плоти футболист и должен делать то, что умею хорошо делать, а не то, что нужно делать. И когда из-за травмы я не мог заниматься моим любимым делом, то тут я и совсем растерялся. Что, на завод идти и откручивать гайки? Хорошее будущее для нашей любви! Я это понимал, понимал, что и самому надо освободить место возле нее для другого. Но в жизни все это сложнее. Поэтому смерть любви наставала долго, мучительно, больше, конечно, для меня — я все надеялся, что смогу вырулить, а она однозначно — уходила и уходила… И это большая ошибка игроков — думать, что вся футбольная жизнь не оставляет следа, что это все — нагрузки, стрессы проходят бесследно, — мы растрачиваем себя. Если бы наши любимые узнали о тех штучках-дрючках, которые мы вытворяем за их спинами, они бы нас бросили раньше и правильно бы сделали. Но мы надеялись, ждали, что очистимся, отмоемся каким-нибудь подарком, лихим поступком. Ни фига! Все остается в твоем массиве, тянет назад, но там уже все места заняты, там в состав не прорвешься…

И решил я узнать из умных книжек, что такое футбол. Раскрываю большой энциклопедический словарь — «спортивная командная игра с мячом. Играют две команды по 11 человек каждая, на площадке дл. 90-120 и шириной 60-75 м. Задача команд, перебрасывая мяч ногами, забить в течение полутора часов игры наибольшее число раз мяч в ворота противника…» или еще, в словаре русского современного литературного языка: «Футбол — спорт, игра, игроки каждой из 2-х команд ударами ног стремятся забить мяч в ворота противника». Вл. Маяковский: — «если насиделся много, поразмять захочешь ноги, повозись часок с футболом, станешь бодрым и веселым». Б.Раевский, «Только вперед»: — «Леня и сам играл в футбол, но никогда не думал, что можно детально, с чертежами и сложными расчетами изучать эту игру…»

Боже, какой бред, какие наивные представления. Ну, Маяковскому еще простительно — он писал эти строчки, когда футбол в России был ребенком, но насчет чертежей в середине шестидесятых, когда в нашем футболе уже были великие, порой трагические судьбы игроков, послужившие примером тому, что футбол это не просто стремление «забить ударами ног мяч в ворота противников». Правда, вероятно, никто и не ожидал, что футбол превратится в целую индустрию, внутри и вокруг которой закрутятся миллионы и миллионы долларов, а там, где такие большие деньги, всегда — человеческие драмы, трагедии, иногда трагикомедии.

Был такой известный хоккеист Николай Дураков. Он играл в русский хоккей и, уже будучи известным, поступал в Свердловский политехнический институт. Так вот, когда его на экзамене по физике спросили, что такое магнитные волны, то он то ли в шутку, то ли всерьез ответил: «Вот когда бросаешь в озеро камень, то получаются просто волны, а когда бросаешь в озеро магнит, то получаются магнитные…» Так и в нашем случае — все зависит от степени поражения человека любимой игрой. Один делает ее судьбой, другой — просто эпизодом в своей жизни. Один имеет блестящие данные и не заигрывает, другой - корявый, неказистый, но лезет, прет, царапается, забивает то коленом, то носом, то затылком и всё — он нужен команде, причем любой, и пока он будет таким, будет востребован. Все больше убеждаешься в том, что футболист это прежде всего — характер. Сколько раз, особенно на тренировках перед сезоном, на сборах хотелось все бросить к черту и не мучить себя, мяч и тренера, поверившего в тебя. Но не тут-то было — после убийственных тренировок, отлежавшись, после ободряющих слов ты снова поднимаешься с

койки и натягиваешь тренировочный костюм. Как вспомнишь сейчас физподготовку на сборах, так дурно становится — апрель, сочинская жара и тридцать пять претендентов на основной состав под рупором тренера бегут двадцать кругов (каждый 400 м) с полным рывком на сто метров и расслаблением и отдыхом на сто. За эти сто надо восстановиться, чтобы прибежать хотя бы не в числе последних на следующих ста метрах. Многие ныли, охали, но добегали. Как это все отражается потом? Разве об этом думали… Или упражнение — 30 метров по тридцать раз в парах — кто прибежит первым, где восстановиться можно только на возврате к месту старта, всего за эти же тридцать метров. Если первое упражнение было для общей физподготовки игрока, поскольку футболист все время делает в игре длинный рывок и остановку, определенный объем работы и расслабление, то второе — для хорошего рывка. Нападающему, чтобы убежать от защитника, защитнику, чтобы догнать нападающего. Кстати, самые лучшие рывки с места в то время были у спартаковца Рейнгольда по кличке «Рекс», у Метревели, которого все звали «мэтр» (и от МЕТРевели, и от уважения к его классу), и, пожалуй, Численко. Игоря называли и фаны, и друзья немудрено, так же, как и Метревели, от фамилии — «Число».

Так что великий поэт, считавший футбол бодрящим и веселящим занятием, несильно задумывался о будущем этой игры, которая впоследствии станет предметом нездорового интереса политики к ней, как в свое время к его поэзии. То, что можно при помощи расчетов изучить и постичь игру, совершенно невероятно, поскольку при помощи разборов игр, установок на игру и теоретических изысканий можно только приблизиться к пониманию ее принципов, но каждый матч — это стихия, непредсказуемость.

В середине шестидесятых были попытки научной организации как тренировочного процесса, так и самой игры. В Хосте мне довелось жить почти полтора месяца с ленинградцем Юрием Морозовым, тогда молодым ученым, который замерял на тренировках силу удара, способность мышц на быструю реакцию и т.д. Он писал диссертацию, и все, что было вокруг подготовки футболиста, представляло интерес. Но когда дело касалось игры, то все уже было скучным. Тогда же, годом раньше, из управления футбола вдруг пришли директивы о том, что тренировка должна продолжаться три — три с половиной часа. Вероятно, все на почве чьих-то изысканий. Мол, если игрок за это время станет выносливым и техничным, то за полтора часа игры он выбросит всю эту энергию наиболее рационально и поэтому продуктивно. Но мы на тренировках стали не бегать, а ходить между

упражнениями и засыпали на ходу, мерзли, да и тренеры не знали, чем нас занять, в итоге и играть начинали так, будто в запасе не 90 минут, а все три с половиной часа. В общем, в конце концов этот маразм отменили. А вообще-то, возле команд тогда начали крутиться и ошиваться какие-то психологи, социологи, недо-врачи и всерьез предлагали свои услуги. Это порой приводило к перетренировкам, перегрузкам, срывам, драматическим случаям. Приехав в Питер, я в первый же день простудился и, вероятно, получил осложнение на глаз, поскольку он стал у меня болеть, слезиться, но я не обращал на это внимания, тренировался, играл на морозе, пока глаз почти не перестал видеть. Я, естественно, — к врачу команды. Он осмотрел глаз и успокоил — ресничка растет внутрь, тренируйся, играй спокойно. Я и тренировался, пока не попал на медосмотр перед поездкой на сборы. Врач, обследовав меня всего, в конце спросил: «Ну, а с глазом-то что?» «Да так, ресничка растет внутрь». Он посмотрел на него с зеркальцем и взялся за телефон — «Скорая? Срочно…» «Вы что, какая скорая? — возмутился я. — Мне на сборы, в Хосту…» «Молодой человек, по-моему, вы уже потеряли глаз, я надеюсь только на Бога…» Я чуть не упал со стула. Двадцать дней меня кололи, чем только можно и нужно, на Моховой в Глазном институте, кололи антибиотики огромными шприцами прямо в глазное яблоко. Это было невыносимо больно, но глазу становилось легче, в конце концов меня вылечили от воспаления роговой оболочки. Спасибо им, тем, мною забытым врачам.

Я лежал в палате человек на сорок среди слепых и полуслепых. Рядом со мной лежал таксист, которому ночью бандиты вырезали ножом глаза и он чудом добрался до клиники, держа в руках глазные яблоки, повисшие на нервных нитях. Ему заменили все стекловидное тело и он видел потом, благо что чудом не были повреждены сами аппараты глаз. Там же, лежа в этой палате, я слышал репортаж по радио с зимнего стадиона, ранее записанный, теперь, увы, покойным Виктором Набутовым, где он комментировал и мою игру. Все больные услышали несколько хвалебных пассажей в мой адрес, судачили: «Да, вот парень, везунчик, играет на «Зенит», сормак гребет лопатой…» Им и невдомек было, что я лежал вместе с ними, когда они думали, что я играл, и такое несли в адрес любимых мною футболистов, что я не выдержал и признался моему соседу, мол, я и есть «тот самый». «Да не бреши ты, хлопчик, так бы ты и лежал сейчас среди нас, в этой казарме…» Так и не поверили: по-ихнему — футболист был тоже номенклатурой и не мог лежать в простой клинике вместе с ними. Я прилетел в Адлер и добрался до Хосты,

где «зенитчики» уже три недели тренировались на зеленом поле. Меня тут же поставили за основной состав, и я на легкости, на свежести отыграл свою, может быть, лучшую игру. Я сквозил по краю, мимо тяжелых защитников луганской «Зари», и с моих двух подач были забиты два гола. Но уже через две недели почувствовал, что три месяца простоя не прошли даром, — я вязко втягивался в команду и не помогали никакие научные советы Юрия Морозова. Он напоминал мне тогда Аркадьева, его ум, интеллигентность обещали многое. Не знаю, каким он стал потом, ибо проверку на зону порока футбольных команд проходили немногие.

В 1966 году бронзу в чемпионате Союза получили бакинцы. У «Нефтяника» тогда была, на мой взгляд, лучшая команда за все годы, во главе с Маркаровым и Банишевским. Одним из крайних защитников был Яшар Бабаев, забивший в том сезоне четыре гола, причем все со штрафных ударов. Все комментаторы тогда, согласно моде, приписывали все это научной организации игры, системному подходу и т.д. Для подтверждения этого ЦТ пригласило на передачу Яшара Бабаева специально для разговора именно об этом аспекте побед «Нефтяника» и его забитых голов. Комментатор: «Дорогой Яшар, расскажите нам, как вы забили четыре ваших гола-красавца с точки зрения науки, с точки зрения организации…» Яшар Бабаев: «Ну что? Ставлю мяч, разбегаюсь и сильно бью по воротам, попал — попал, не попал — не попал…» Вот и вся научная организация игры.

Потом как-то все это затихло, но все-таки это были попытки изменить что-то в футболе в лучшую сторону. Но через пару лет на наши стадионы пришел тотальный футбол, который надолго отбил охоту искать новизну, модернизировать — надо было бегать, делать убийственные подкаты и играть в коллективный футбол. Личность постепенно стала уходить в тень. Из футбола ушли десятки футболистов, бывших воспитанников футбольных школ молодежи, основанных, в частности, Бесковым, которые были прообразом западных футбольных клубов по части подготовки молодых футболистов.

Итак, я покинул борт огромного корабля под названием «ЦИТО» с надеждой на то, что вернусь в команду, но позвоночник, растянутый теперь, как гармошка, садился на место и, если до вытяжки у меня была локальная боль, то теперь болел весь столб. Я при хромал с палочкой домой к матери, которая, конечно же, расплакалась: «Доигрался, добегался…» Но матери есть матери, только им мы нужны любыми, лишь бы не мертвыми. Я лег на диван и целый день пролежал на спине, глядя в потолок. За окном гудел стадион, на котором я вырос, на котором забил свой

первый гол. Там шла игра. Но потом я понял — игра шла во мне, целый день. Она шумела во мне, как дождь, как лиственный лес, гася боль. На следующий день я показался в родном городе. Мои бывшие завистники были очень приветливы, даже предлагали устроить на работу — вот, теперь ты наш, как мы… А ведь помню, как они ходили за мной по городу, подлавливали на танцах, кулаки их поигрывали, хотели бить за то, что я попал в команду мастеров, а один из них — нет… Сейчас это кажется такой дуростью, но тогда… Для меня началась другая жизнь.

Утром некуда спешить, днем — спи, сколько хочешь, пей, сколько хочешь, с кем хочешь. Команда города Владимира — «Трактор», в надежде, что вернусь играть, высылала мне в Крым деньги в течение года, пока я был на больничном. Здесь-то я и разложился. Первое время просыпался в холодном поту — как это, все кончилось? Что теперь? Организм, привыкший к неравномерным, рваным нагрузкам требовал их и по принципу обратной связи: диктовал скачки и падения давления, сердцебиения. В общем, организм продолжал по инерции жить под футбольными нагрузками, но их не было, была подкорковая зависимость — я прыгал, бегал, забивал, хотя я спал, ходил и думал уже совсем о другом. Вероятно, так всегда бывает, когда сходишь не постепенно, а сразу и из-за травмы не можешь спустить себя потихонечку, на тормозах.

Хотя помню, что ловил себя на романтике глупой и оправдательной: мол, молодой футболист, талантливый, не выгнали за бездарность, а травма, «ушел из футбола из-за травмы» — это станет потом привычным штампом. А тогда многие жалели, да и сам себя жалел, боль казалась сладкой, да и женщины любили, как всегда, драматических героев. Игра, все это было игрой, и научил этому меня Его Величество Футбол. Я был от природы не таким, а тут стал раскованным, нагловатым. Да что мне встать и сказать на людях то, что хочу? Да ничего. Я привык, чтоб на меня глазели тысячи, я привык продавать свои жесты. И тянуло во все тяжкие. Если пить, так по-гусарски, таскаясь из ресторана в ресторан, иногда по пьяни залетая в другой город с друзьями и к друзьям. А ведь был мальчиком совсем не таким, стеснительным, даже не представлял себе, как это я могу куда-то уехать и жить в другом городе. А тут — весь мир, вся страна — квартира. Нет, не такого хотелось, и не таким себе мечтался в детстве — хотелось быть точным, сосредоточенным, проводить физические опыты и открывать мир другим, а тут… Растащил меня футбол, раскачал, расплескал, раздел до крика, до боли, и зачем мне только это нужно? Пройти через такое и — к ничему. Ведь замысел был проще, а теперь вон

как нужно ковыряться, чтобы хоть что-то сообразить вновь…

Второй тренер одесского СКА — Эдуард Масловский сидел на верхотуре небольшого армейского стадиона и курил сигарету за сигаретой — перед ним на поле шла футбольная бойня новобранцев из всех украинских команд мастеров за всего лишь пять-шесть мест в дублирующий состав. Остальные будут играть за клубную команду на первенствах области, города или служить в спортроте. Двадцать два лысых, бывших местных кумира, лезли из кожи вон, чтобы понравиться Масловскому. Перед этой схваткой он зашел в раздевалку и сказал опешившим гладиаторам: «Ну, надо биться так, чтобы искры летели, а я буду прикуривать от вас, салабоны…» Хотя надо сказать, что в такие переделки попадали и уже поигравшие футболисты, которых прятали от армии местные тузы через институты, военкоматы и т.д. Но когда они становились ненужными, то их просто сдавали через тех военкоматчиков и поэтому некоторые попадали на такие пробы уже на шестом или восьмом году с момента призыва. Можно себе представить, как не хотелось служить уже в довольно солидном возрасте с винтовкой в руках, а не с мячом в ногах…

Вообще игры в командах мастеров между собой за место в составе часто практикуются: двусторонки — основа на дубль. В дубле, помимо молодых игроков, всегда есть небольшая группочка людей, которые и не проходили в состав, и в то же время по своему классу были выше молодняка. Так вот, у них всегда были обиды на тренеров, на игроков за не то место, за недоданное начальством, и играли они всегда остервенело, часто калеча игроков основного состава. Самым верным способом была отдача мяча в стык, в борьбу. Это вроде и случайно, и всегда трудно различимо. Но иногда такие игры и открывали игроков, и они добивались своего места в составе. А у каждой команды и у каждого тренера были свои методы — одни подолгу выдерживали игрока в дубле, зачастую засушивая его, и он, если его подпускали в большую игру, мандражировал и затем исчезал вообще. Но у иных все складывалось иначе. Помню, как в «Локомотив» пришел из Курска Володя Басалаев. Его начали ставить за дубль, пробуя на всех местах, хотя играл он за родную команду на правом краю. Он никак не заигрывал, хотя бежал хорошо, был цепок, настырен. Потом он долгое время играл у Бескова в «Динамо» правым защитником и даже сыграл одну игру за сборную страны против шведской сборной. Но его приход в большой футбол, на мой взгляд, случаен, хотя и закономерен по-своему. Он уже даже поговаривал о переходе куда-то, где ему

найдется место. Надо сказать, к его чести, самоуверен был до крайности. Мы с моим любимым другом по «Локомотиву» Аркадием Николаевым посмеивались над ним, после того как он признался нам, что его приглашают в Орел. Но как он это сказал: «Вот, суки, обнаглели, в Орел приглашают…» Аркадий, который был и чемпионом страны в московском «Динамо», и широко известным футболистом, повидавшим в футбольной жизни, сказал мне о нем тогда: «Во, дает, в Орле еще заиграть надо». Но Володька верил очень в свою звезду, и она его не подвела. Помог ему, правда, случай. Мы жили тогда с ним в одной комнате на улице Подбельского. После игры дубля мы могли с ним остаться в Баковке на сборе, но я спешил на свидание и назавтра пришел на стадион «Динамо» посмотреть основной состав. Каково было мое удивление, когда я увидел в основном составе Басалаева. Оказывается, Аркадьев оставил впритык для игры троих нападающих. Неожиданно заболел Валентин Бубукин. Володя Басалаев был случайно под рукой. Борис Андреевич не стал переставлять никого не на свои места, а ввел в состав Володю. Он сыграл не ахти как — царапался, старался, но и, ничего не совершив грандиозного для первого выхода, ничего не испортил. С тех пор он уже как бы считался заигранным за основу, а когда пришел в «Локомотив» Константин Бесков, он сразу угадал в нем хорошего защитника, в качестве которого и забрал его с собой при переходе через год в «Динамо», вместе с Гершковичем и Козловым. С ним связана еще одна смешная история. Мы как-то ехали домой после тренировки. Тогда на Подбельского трамвай ходил от метро «Сокольники». Мы вышли с Басалаем, а его так все называли в команде, и двинули в сторону трамвайной остановки. Вдруг мы увидели, что у попутных ворот стоят две хорошенькие девицы. Мы, естественно, остановились и начали их кадрить. Но, оказывается, они были подсадными уточками, ибо в тот же момент из сокольнического двора выкатили четыре огромных жлоба и окружили нас: «Так, — говорят, — к нашим девочкам пристаете, сейчас паяльники будем чистить…» Володька сразу сообразил, в чем дело, и показал мне глазами, мол, рвем когти, и пока я пытался что-то вякать, он сделал такие ноги, что я остановился, совершенно растерянный под смешки отнюдь не великолепной четверки. Один уже звезданул ногой мне под зад и я приготовился… Даже не знаю — к чему. Так оно и оказалось. Следующий удар пришелся в мою спортивную сумку, набитую потной футбольной амуницией. Она раскрылась и оттуда выпали настоящие футбольные бутсы «Адидас». «О, ты что, в футбол играешь? И за какую команду?» — спросили жлобы. «Да, за «Локомотив»», — испуганно ответил я. «А кореш твой чего так

рванул?» «Да рывок отрабатывает», — пошутил я. И понял, что ситуация смягчилась, вслед за бутсами они увидели в сумке настоящую футболку «Локомотива» с белой вставной полосой по центру и настоящим номером из тонкого фетра — это было тогда фирменно. Через несколько секунд уже началась травля о футболе, расспросы, и они пошли меня провожать до самого дома, болтая о разном. Володька уже крепенько спал. Мы с ним тогда немного повздорили, я считал, что он меня бросил, а он сказал, что у меня плохо с реакцией. И то и другое было верно, потому что, если бы не случайный удар в мою сумку, то я был бы жестоко побит из-за нашего интереса к незнакомкам сокольнического района.

Дублирующие составы команд высшей лиги были хорошей школой для футболистов. Особенно, если они приходили из команд класса «Б», наигравшись в жесткий, мужицкий футбол, пообвились, как говорили тренеры. Иногда нужен был годик, чтобы заиграть в составе, иногда больше. Вообще были игроки, которые заигрывали сразу, а были и такие, которые меняли несколько команд, прежде чем раскрыться. Дубль и основной состав были как сообщающиеся сосуды. В дубле тренер мог экспериментировать.

Игроки, получившие травмы, потихоньку залечивали их и были снова готовы к главным играм. Почти все старшие тренеры ездили смотреть дублеров, хотя верховодили там вторые. На игры дубля ходило тогда в Москве немного народу, но на выезде, где и вторые составы играли на центральном стадионе, порой коробочка была полна. Никогда не забуду игры в Минске, Ташкенте. Это были игры дублеров, которые шли в турнирной таблице на первом, втором местах, и фанаты шли валом. В Баку я был свидетелем триумфа Бориса Аркадьева. До «Локомотива» Аркадьев работал с «Нефтяником», и команда заняла место в пятерке впервые. Аркадьев вышел на беговую дорожку, чтобы идти к местам для тренеров и запасных, пригласив меня сидеть рядом с ним, готовым к игре. «В случае чего — выходишь», — сказал он. Весь сорокатысячный стадион поднялся и начал скандировать — «Аркадьев, возвращайся». Борис Андреевич снял свою вечную шляпу и долго помахивал ею болельщикам. Наконец, началась игра, которая закончилась драматически. Дело в том, что за «Нефтяник» начал снова играть вернувшийся из «Арарата» Эдуард Маркаров. Фаны «Нефтяника» не могли ему простить переходы туда-сюда, да плюс Эдик по национальности армянин — Маркарян. Малейшая его ошибка — и бакинский стадион шипел на этого великолепного футболиста, как жаровня с углями, в которую попадал уксус. При счете 1:1 был назначен

пенальти в наши ворота. Бил Маркаров. В воротах стоял Слава Поляков, здоровый блондин по кличке «Дьюла Грошич» — был такой выдающийся венгерский вратарь. Стадион затих. Маркаров разбегается и неожиданно бьет тихо, чуть в сторону от нашего «Грошича». Слава сгруппировался и легко взял мяч. Что тут началось на стадионе! «Предатель! Долой с поля!» Приближался конец игры, и у входа в раздевалки сгущались тучи и милиция. Что же случилось? Дело в том, что Эдик Маркаров был из тех великих малышей, он играл за счет техники, сильного рывка с места, на пятачке он мог накрутить защитников пачками, ему нужна была хорошая опора. Футболисты обычно в таких случаях большое внимание уделяли бутсам, точнее шипам. Шипы тогда делали из кожи, пробитой гвоздями, или дюралевыми. Но главное — задние шипы должны быть выше остальных, чтобы ступня была бы не параллельна земле, а под небольшим углом к ней, пятка выше, носок ближе к полю. Скажете, что за милиметровщик? Но все это очень важно, особенно для футболистов высокого класса. Это как те песчинки, которые разрывают жерла орудий. Так вот, у Эдика не получился удар из-за того, что он цепанул задними высокими шипами землю и мяч полетел разминать вратаря.

Когда обе команды — а матч закончился вничью — стали подходить к раздевалкам, то люди лезли на нас всех с кулаками, милиция, взявшись за руки, еле сдерживала толпу, в адрес Маркарова летели угрозы и камни. И вдруг из оцепления вышел милиционер в звании майора и, подойдя к Эдику, плюнул ему в лицо. Тут же майора скрутили его сослуживцы, подбежавший полковник сорвал с него погоны и его увели куда-то. Мы проскочили в раздевалки кое-как, а в отрытые окна (стояла дикая жара) сквозь решетки летели плевки, мат. Эдик начал психовать тоже. Он снял бутсу и запустил ею прямо в окно, в сторону обезумевших фанов. Вывезли нас поздно вечером и тайком отвезли в гостиницу, а Маркарова, вероятно, спрятали, пока народец не поостыл. Так что с массовым сознанием шутки плохи, особенно на южных стадионах, да, как время показало, и на северных, трагедии и драмы с болельщиками в Англии, Германии доказали это.

Тот, кто надолго застревал в дубле, закисал, о нем забывали. Мне довелось поиграть в необычных дублерах. Дело в том, что основной состав весь сезон был на грани вылета и в конце концов покинул высшую лигу. Дубль же все время шел в лидерах. Мы драли дубли армейцев, «Спартака», московского «Динамо». Не могли только обыграть молодых киевлян. Осенью они были чемпионами, мы заняли второе место. Лучшими забивалами у нас были Головкин и Голованов. Потом они немного поиграли и за

основу. О команде нашей стали пописывать, как о надежде «Локомотива», но пришел Бесков и сделал все по-своему, но хорошо, команда заиграла, только с другими надеждами. Такова судьба дублеров — они сильно зависят от обстоятельств. И это несмотря на то, что некоторые игроки основного состава подшучивали: «Ну, что, опять выиграли, у вас и в состав не пройдешь…» Киевский дубль был составлен из игроков, которые на следующий год уже стали чемпионами, — Мунтян, Круликовский, Бышовец… Надо сказать, что явление Бышовца было феноменальным, с тех пор как Маслов стал его подпускать в «основу», в 65-ом. Его сразу отличала безоглядная игра вперед с мячом. Такой игрок редок вообще. Когда он получал мяч, то не искал обходных путей к воротам, не обстукивался в стенку с хавами, не таскал мяч поперек поля, он шел прямо на защитников, держа мяч в ногах, чуть кривоватых, клешнеобразных. Подступиться из-за этого к нему было трудно. Он же, понимая это, еще и заманивал защитников, чуть отпуская и тут же выхватывая мяч из-под ног, набегавших на него, так что, обескураженные, они сажались на жопу и только оглядывались. Толя же, и качая корпусом, и протискиваясь корпусом, при этом не упуская контроля над мячом, буквально вгрызался в тонкие щели меж защитников, сея панику, неразбериху, и неожиданно бил с любой точки без подготовки. О, это был выдающийся игрок, именно игрок — рискующий, временами бесшабашный, смелый, делающий все с мячом на большой скорости. Он бил незаметно для вратарей. Если тебе приготовят мяч и положат на ногу, то ты и забивал. Но если вратарь видел подготовку к удару и сам момент замаха, то практически он всегда брал пробитый мяч. Но вот бить почти без замаха, из самых трудных положений, стоя, например, спиной к воротам, с ближней ноги или в толпе, где твоему рычагу не дадут размахнуться, — вот это класс. Таких боялись и ненавидели вратари, ибо они из них делали клоунов. От такого игрока можно было пропустить и между рук, и между ног или, как мы тогда говорили, — между ушей. Таким нападающим был Анатолий Бышовец. Ценой за неимоверный талант стал ранний уход (в 28 лет) из футбола и четыре вырезанных мениска. Но после Эдуарда Стрельцова, я смело могу сказать — в нашем футболе такого центрального нападающего не было. Он тренером стал в дальнейшем хорошим, видно, что футбол для него не случайность. А ведь сколько талантливых игроков пропадали потом в никуда, и опыт их исчезал бесследно — либо пропивался, либо жирел на тахте почета и самоуважения. Зато серенькие тренеры, бывшие средние игрочки, воспроизводили себе подобных. От этого страдал и футбол, и

сами игроки.

Дубль иногда превращался и в отстойник, где некоторые заканчивали, некоторые готовились к переходам в дальние командочки — катать за хорошие бабки, но не знаменито. В дубле можно было себе кое-что позволять, внимание было к тебе не ахти какое, хотя все по большому счету зависело от тебя. Ведь чем велик футбол? Неподкупностью самой сущности игры. Ведь в «основу» по блату не поставят, ведь в команду по блату не возьмут и по блату же не пригласят в сборную. Вот когда ты становишься «одним из», тогда и начинаются соблазны. Можно и игрушку продать, можно и сачкануть, можно и тренера послать… Но это все поведенческие мотивы, а к самой футбольной сути они не имеют никакого отношения. Однажды мы были наказаны очень неожиданным случаем за такую вот измену себе и футболу. Улетали как-то из Ташкента осенью. Настроение было хорошее — основа сыграла вничью, дублем мы шлепнули «Пахтакор». В аэропорту вдруг оказалось, что шестнадцать билетов есть на один рейс, а остальные — на два часа позже. Начальство, собравшись в кружок, решило — основной «Локомотив» улетает к женам побыстрее, а нас, двенадцать человек, во главе с врачом команды и вторым тренером отправят домой вторым самолетом. И они улетели. Что делать нам, молодым и победившим, без глаз Бориса Аркадьева? Ну, конечно же, мы пошли в ресторан. Лагман, узбекское сладкое вино и тягучая осенняя жара сделали свое дело. Вскоре на скамейках, прямо перед взлетно-посадочной полосой, положив ноги на сетку с мячами, мы уютно закемарили. Нас разбудил страшный грохот турбин выруливающего прямо на нас «Ту-104». Но самое ужасное, что когда самолет остановился, то по его трапу начала спускаться… наша, улетевшая четыре часа назад команда во главе с Борисом Андреевичем Аркадьевым. Они пошли прямо на нас. Естественно, мы были заметно поддавшие, а наш второй тренер и совсем был на бровях. Уже слышалось чеканное слово Аркадьева: «И это — советский педагог», — и тявкающее — начальника команды: «Запакую в армию». Конечно, мы спалились круто — с кого сняли зарплату, кого отчислили. Но главное не в этом, главное было в новости — самолет вернулся назад, пролетев два часа в сторону Москвы, из-за того, что в этот день снимали Никиту Сергеевича Хрущева и всем самолетам гражданской авиации, поднявшимся в воздух, было приказано вернуться в порты вылета. Вот так политика входила в наше наивное футбольное дело.

Мы и представить тогда не могли, насколько надолго и насколько мертвяще. Говорят, что когда первое лицо страны поднимается в воздух, то всем остальным пернатым дают

указание сменить курс и идти на посадку, ждать пока ОНЕ не приземлятся где-нибудь в Крыму или в Бомбее. Одной из самых достоверных версий гибели в 1975 году команды «Пахтакор» было именно то, что самолетам уже на большой высоте и слишком поздно был дан указ о возвращении, потому что наш дорогой Леонид Ильич отправлялся на юг, отдыхать. Вот так мы им мешали жить не только на земле, но и в воздухе.

Футболист иногда поднимается в команду из таких темных жизненных низов, а затем опускается, что его появление на поле на несколько лет — это единственный проблеск в жизни. Что потом? Нет, даже не забвение — исчезновение, стирание, можно себе позволить все, что угодно, жизнь вести какую угодно, был такой игрок — все его звали «Саня-Смык» или «Смычок». Из блатных, с окраины города, где нравы были лютые — друзья, братья, жены жили какой-то непонятной тайной жизнью иного мира и даже успех младшего брата в футболе был чем-то мешающим им, Смык играл здорово, но его в команде побаивались все именно за эту непонятную черноту. И как он пришел в свете прожекторов вечернего стадиона, так он и ушел — молча, поблескивая золотой фиксой и зажимая бычок папиросы в кулаке. Однажды мой друг, игравший с ним немного, пошел к нему домой по каким-то делам. Его пустили в подвал. Там сидел Смык со своим братом, играли в карты и пили стаканами водку. «Чего это вы забухали по-черному?» — спросил мой друг. Смык ответил спокойно, сдавая карты: «Да вот брательник жену зарезал, что-то не так сделала». В ужасе он не поверил, но его подняли и открыли вторую комнату. Там лежала мертвая окровавленная женщина. А они потом спокойно еще играли в карты, предупредив его, мол, если кому скажу, то достанут где угодно. Так все вроде и было, но самого Смыка через месяц зарубили топором в том же подвале свои же кореша…

Меня всегда поражало то, что человек, способный творить прекрасное, с таким же успехом может жить самыми низменными животными инстинктами. А может быть, он и в футбол хорошо играл в силу этого же животного чутья. И никакое это не мастерство — просто чутье охотника на гол, на хороший удар — какая разница, по чему хорошо бить — по мячу или по голове. Футбол распаляет такие страстные чувства в игроке, что диапазон действия его жизненных сил колеблется между депрессивным упадком и депрессивным подъемом. Заметьте — депрессивным дважды. Футболист, после того как он завязал играть, находится именно в этом состоянии всегда. Случай Сани Смыка редкий, но

именно как крайний, очень показателен. Странно, почему футбол, такая красивая и благородная игра, не воспитывает в самих исполнителях такие же чувства?

Когда я тренировался в юношеской команде, то всегда засыпал с одной мыслью, что от того, как я буду прибавлять в мастерстве, на моих ногах будут вырастать невидимые хрустальные бутсы. И чем лучше я буду обращаться с мячом, тем совершеннее будут становиться и они — плотнее садиться на ноги, шипы — острее, чтобы крепче цепляться за траву. И наоборот — если я плохо буду работать с мячом и техника моя будет становиться хуже, то хрустальные бутсы начнут терять свой блеск. Все это имело какой-то фрейдистский смысл — мяч порой снился мне в виде голой женщины, я засыпал с ним, и мне было тепло… Но когда на следующий день на тренировке я вдруг, при плохой обработке мяча, слышал за спиной от тренера — «жестко останавливаешь, следующий раз надевай валенки», то я начинал верить в эти бредни. Но приход в команду мастеров сразу поставил все на свои места — там не до хрустальных башмачков, не до мечтательных снов, там надо было играть сразу, высыпаться, много есть и бегать, бегать, бегать…

Кстати, переход из юношеской или клубной команды в команду мастеров — это действительно событие, ибо все что было до этого, — детство твое и детство футбола. Дальше начинались серьезные мужские игры, менявшие тебя в корне. В юношеском футболе не было такой ответственности, ибо там не решался вопрос денег. А поскольку он в футболе был всегда главным, то ответственность вырастала на несколько порядков. Меня и поставили, помню, в первый раз на место левого крайнего не потому, что я им был, а подальше от своих ворот, чтоб, не дай Бог, чего не испортил. Хотя играл я вообще с детства и потом уже полусредним.

Удивительное, ни с чем не сравнимое чувство, когда после окончания сборов на юге тебе говорят — «пиши заявление с такого-то числа, мы тебя зачисляем в команду». Восторг, ликование, хотя на лице растерянность — что, только меня одного? Но это заслоняется личным — тебя администратор ведет в свою каморку и выдает полный комплект игрока команды мастеров — спортивный шерстяной костюм, костюм х/б, две-три футболки, одну из них шерстяную, под холодную погоду, полукеды, гетры и т. д., наконец бутсы — «пока поиграешь в своих, но в течение двух-трех недель наш сапог сварганит тебе «копыта» по твоей ноге, пойди сейчас же, сними мерку» — ты думаешь, да за что же мне все это? То, о чем мечтал все школьные годы, ночью, днем, на тренировках и после… Потом, через

некоторое время к тебе подходит начальник команды и говорит, что на днях ты получишь зарплату. И ты в голове уже прикидываешь, сколько это может быть и как обрадуется мать, получающая пенсию в 60 рублей, когда ты сможешь ей отдать хотя бы рублей сто и она поймет, что все твои муки были не напрасны, что ты зарабатываешь, хотя и необычным способом, но честные деньги. Но в день зарплаты к тебе подходит тот же начальник и тихо шепчет: «Ты знаешь, мы тебя оформили на месяц раньше, поэтому из тех денег, что ты получишь, отдай половину на нужды команды, ну, знаешь, судьи, то се…» Первое сомнение закрадывается к тебе в душу, что здесь что-то не то и что будешь иметь дело постоянно с каким-то наебом, но ведешь друзей к первой бутылке шампанского. Сколько разочарований предстоит испытать тебе именно на этой почве, деньги и ты, деньги, ты и твоя команда, но не деньги, заработанные за слесарным верстаком или еще где… Футбольный заработок — это гораздо больше, это признание, это оценка твоего мастерства. Как? Играть с мастерами? Жить рядом с ними? Разговаривать, учиться у них, завтракать и ужинать, болтая ни о чем, да еще за это и деньги получать? Да, тут простишь любого начальника команды и забудешь о подозрениях, с кем он поделил твою первую футбольную копейку… Потом к этому привыкаешь, наглеешь, делаешь из себя крутого, начинаешь заигрывать, начинаешь диктовать, но первые — это всегда святое, это особенно честные деньги. И ты вряд ли думаешь, как отныне это будет тесно переплетено. Деньги никогда не могут быть первыми в футболе, но без них не будет футбола, по крайней мере, современного. Тот, кто начинает играть ради денег, — обрекает себя на скучную работу, но тот, кто стал футболистом и продолжает играть из-за двух привязанностей — к футболу и к деньгам, — тот прав, ибо отдавать столько здоровья, уменья, красоты и не получать за это гонорар — это преступление против самого себя, семьи, против футбола, ибо если не игроки, то кто — главные распорядители всех денег, приходящих в кассу? Я всегда на стороне играющих, на стороне игроков.

Что такое твоя первая игра первого чемпионата в команде мастеров? Полный переворот сознания, переполох среди твоих друзей, знакомых, родных… Мы приехали со сборов из Ялты, и я выскочил из автобуса, захватить что-то из дома для игры. Тренер сказал: «Не опаздывай, перед игрой надо будет еще поговорить…» Я взял какую-то мелочь, не то шнурки, не то стельки для бутс и рванул догонять команду на такси. Контролеры меня знали все, но у главного входа творилось такое, что я решил пройти на стадион через служебную маленькую дверь и бросился к ней. Там

никого не было, и я начал проскакивать, как вдруг увидел нового служаку — ни я его, ни он меня не знали. «Нэ вэлэно», — сказал он с хохлятским прононсом. «Да я, вот играть…» «Нэ вэлэно». Я психанул, наорал на него, но он еще с большим упорством произнес свое гундосое отрицание и захлопнул калитку. Я был в панике, никого из команды не было видно, все уже были в раздевалке и готовились. Вот попал. И я решил по старинке, через забор. Я побежал на дальнюю стену стадиона, залез на нее и прыгнул в черешневый сад. Теперь оставалось преодолеть метров сто стройных деревьев и перелезть второй забор, уже оказавшись на стадионе. Сад был опытного хозяйства. Там на длинных цепях бегали огромные овчарки, охраняя опытные плоды черешни. Я рванул через этот злополучный сад, страх гнал меня, в подсознании я держал, что где-то на половине пути надо перепрыгнуть через натянутую проволоку. Впереди меня бежал еще один безбилетник и он почему-то подпрыгнул, я машинально взлетел тут же, но через метров двадцать мы вместе врезались в проволоку и были отброшены к собакам. Как я очутился на стене, не помню, но овчарка оторвала у меня брючину. Спрыгнув на землю родного стадиона вместе с незнакомцем, тут же попал в руки мента, который, к счастью, меня узнал. «Да ты что, уже скоро начало игры». Я вошел в раздевалку, уже все разделись и разминались, растирали мышцы, доктор кому-то бинтовал голеностоп. Я встал в углу, тренер наш, Тоха, посмотрел на меня, как на пустое место, и так же тихо сел на скамейку перед полем. Только второй тайм спас меня, ибо у команды не пошла игра и меня подпустили. Случилось так, что помог забить спасительный гол и спас себя. Но случай с собаками и «нэ вэлэно» я долго не мог забыть — какие мелкие роковые случаи стоят иногда на пути к футболу, а упустить шанс, особенно футболисту, никак нельзя, это тоже признак класса — или ты поспеваешь повсюду, или ты… да просто не та реакция, вот и все… Вот так я прорывался к своему первому матчу сквозь собак и «нэ вэлэно». Самое главное, что это стало доминантой моей жизни, я всегда должен был через что-то прорываться, продираться, ничего не давалось просто так — от «упакованных» родителей, богатых дядюшек… Может, это и хорошо — появился характер, но может быть, плохо — был бы добрее и внешне не строил бы из себя крутого, когда на душе одни слезы и сомнения…

И вот я снова оказался в институте травматологии. После обследования Зоя Сергеевна Миронова отправила меня в Цхалтубо, чтобы закончить курс лечения. В футбол я уже не играл ровно год, боли продолжались, хотя немного утихомирились. Была надежда на радоновые ванны. Я прилетел в Кутаиси и легко

добрался до целебной воды. Поселили меня на два с половиной месяца в одноместном номере, и я начал свой курс лечения. Днем лежал в бассейне с пощипывающей, голубой водой, вечером типичная санаторская жизнь — знакомства, кино, танцы, поддача. Я тут же познакомился с очаровательной Наташей, и мы продолжили лечение вместе. Когда мы появлялись в районе лечебных кабинетов, то ко мне подходили стаи молодых грузинчиков и таинственно отзывали в сторону, нашептывая: «Дай нам ее на два часа, мы тебе заплатим пятьсот, тысячу рублей». «Не, — тянул я, — это моя жена, вы же уважаете своих, вот и я». Но они не верили. Все узнали в регистратуре и подходили снова: «Слюшай, миром просим, дай нам ее, деньги и тебе, и ей дадим, не то…» Так продолжалось недели две, я не знал, как решить эту проблему. Бедные мальчишки — местные девочки были для них запретны, а приезжие слишком взрослые — и вот эти молодые онанисты пытались хоть как-то строить свою половую жизнь. Однако моя проблема из-за их приставания к Наташке решилась сама собой. Через недели две, на теплом апрельском солнце и на радоне, я стал оживать, боли в спине исчезли и потянуло на местный районный стадион. Я сошел по ступенькам небольшой трибуны прямо на поле. Там тренировалась местная команда, которая играла на первенство Грузии. Они стояли в полкруга у ворот и били вратарю. Тот, кто сам немного играл, может понять, что такое игрок, только сошедший из высшей лиги, и что такое районная команда… Я стал бить вместе с ними. Соскучившись по мячу, по ударам, чувствуя, что боли в ногах почти нет, я делал такие трюки и бил из таких положений, что вдруг увидел — все остановились и смотрели на меня, даже начали сбегаться откуда-то мужики. Цокая языками и качая головами, они спросили — откуда я, ну я и признался им и рассказал все о себе. Затем мы сыграли на двое ворот, где я опять на свежести и легкости нанизывал местных игрочков пачками. Всё. После этого отношение ко мне и Наташе изменилось в корне. Каждый вечер ребята приходили в мой номер с су лугу ни, с молодым вином и мы кутили допоздна, потом бродили вместе повсюду. Я даже съездил с ними на несколько игр первенства Грузии и играл под чужой фамилией, кое-что забивая, но счастье длилось недолго. Я не знал, что первый муж Натальи был грузин из Тбилиси. Кто-то стукнул ему, что она приехала в Цхалтубо лечиться. Он решил навестить ее. Тем более — стучавшие сказали, что она не только лечится там, но и ведет порочную жизнь. Для грузина, вероятно, обидно, даже если и прошлая жена ему неверна. В общем, Отелло не замедлил появиться. Мы за день до этого сидели и поддавали, мне уже

поднадоело жить в Цхалтубо, и я решил устроить отвальную. Пошел в лавку и взял бутылок шесть коньяка, сказал, что две будем пить здесь, четыре другие — в дорогу. Две первые пошли хорошо, хотя грузинский коньяк жестковат всегда. Четыре других оказались обычным чаем. Я, возмущенный, прибежал в лавку, но продавец миролюбиво сказал мне: «Зачем не сказал, что все будешь пить здесь, зачем сказал, что везешь далеко, получи нормальный». И поменял мне весь коньяк. Утром, с бодуна и печали, я сложил свою сумку и рванул в Кутаиси, упросив стюардесс отвезти меня домой раньше, дня на четыре. Через день раздался звонок моего друга из Москвы, улетевшего на день позже. Он рассказал, что ее муж носился с ножом по всему санаторию и искал меня, вскрыли мою комнату, а мой и след простыл, он упал на пол и бился в истерике, хотел отомстить… «За что, ведь они давно развелись?..» «Да, верь ты им, бабам, но главное не в этом — кто-то ему сказал, что в Цхалтубо таких ударов, как у тебя, не видели никогда, а он считал себя лучшим на всей территории Западной Грузии. Ой, что было… Вовремя ты сорвался…» Я положил трубку и долго думал о причинной связи футбола, женщин и врожденной гордости горцев.

Через пару дней в городе я встретил неожиданно Валентина Бубукина. Он принял меня очень приветливо и тут же пригласил в «Таврию» — молодой еще, побегаешь, заиграешь, приходи завтра на тренировку. Я пришел и провел полную тренировку с командой мастеров. Все прошло великолепно. Все на месте. И даже дыхалка. Но домой я шел часа полтора — так все разболелось. Я пришел, лег на тахту, пролежал сутки не вставая, глядя сквозь потолок на небо, и решил больше никогда не пытаться играть в большой футбол.

Иногда играешь с привязавшейся мелодией в голове, иногда с промельками каких-то встреч, разговоров, но все схвачено игрой, подсознание выбрасывает всякие «штучки» поверх реалий даже таких, как сверхнапряжение. Никто не видит этого, но ведь играет не команда на команду, а каждый против каждого. На молекулярном уровне, если «твой» забил — горе тебе, если забил ты — ему будут врезать в перерыве и после игры. И вот, когда забьешь или что сотворишь толкового из-под опекуна, то смотришь на него с жалостью победителя, ну и он также, если интеллигентен хоть немного. Но чаще — футболисты безжалостны в психологическом смысле, ибо момент борьбы обязывает быть таким. Потом, после игры, может быть, из них кто и пожалеет своего противника, но не в смысле проигрыша или победы, ибо зачем играть вообще, а в смысле неэтичного

отношения — можно было не так грубо, можно было не так хамски… В этом плане зарубежные игроки гораздо деликатнее наших. Там и общая культура выше, да и культура футбольного мышления — тоже. Да, стихия, эмоции, страсть, техника, но есть еще и игровой интеллект, опыт, то ли генетический, то ли приобретенный. Надо многое знать, узнать. Футболист в среднем пробегает и пробегал где-то от 15 до 20 км за девяносто минут. Когда играли по системе 1-3-2-5, то низший предел достигал 15 км только для полузащитников и полусредних, потом он увеличился и для еще двух центральных нападающих, вынужденных оттягиваться для маневра назад. Но вот в тотальном футболе все почти, за исключением вратаря, пробегают до 20 и больше км за игру. Как же вынести такую нагрузку, когда каждый играет с каждым чуть ли не рука об руку и если даже подключившийся правый или левый защитник забьет гол, то вина будет на левом или на правом крайнем нападающем — не усмотрел, надо было бежать за ним в защиту, мешать ему, хватать за футболку…

У футболистов всегда есть моменты, которые они используют для того, чтобы сбросить крайнюю усталость. Ну, во-первых, когда кончается атака и мяч летит за ворота, то все возвращаются назад. Но вы посмотрите, как они возвращаются, — плечи опущены, руки болтаются как плети, все тело как бы опускается после полета энергии в атаке. Это может длиться 30-40 сек., но этого бывает достаточно, чтобы восстановиться. Или после атаки пройти назад пешком, хоть быстро, но пешком, сделать два-три глубоких вдоха и выдоха — и уже полегче. Нередко можно видеть, как игрок падает на поле и корчится от боли, но больше не от боли, а от усталости: всего десяток секунд — и организм сбрасывает усталость. Я никогда не осуждаю их за это, ибо знаю, как нужны эти мгновения, чтобы прийти в себя. Врачи вообще говорят, что физической усталости нет, есть усталость только нервная — все наши ткани пронизаны нервными нитями и они готовы двигаться сколько угодно, но вот проводящая система, сами нервы, сдают от напряжения, а не от двигательных функций. Поэтому классный игрок — это прежде всего подвижная, эластичная, регенерирующаяся нервная система. Всех лучших игроков отличало это. Дело не во флегматизме, дело во взрывчатости нервной системы, ее способности откатиться назад. Или то, что касается одного из самых важных моментов футбола — умения видеть поле. Это тоже один из главных компонентов классного игрока.

Все поражались, как это Стрельцов видел так поле, что пяткой мог вывести неожиданным пасом партнера один на один с

вратарем. Помимо природного чутья, помимо, как говорили «да у него же глаза на затылке», помимо чисто врожденного медико-биологического широкого поля зрения, где он и не поворачивая головы, мог видеть больше, чем другие, что у него творится слева или справа. Я часто наблюдал, как Эдик и некоторые другие высокие игрочилы, ходили по полю, все время немного и незаметно озираясь — что происходит за спиной? Сознание как бы фотографировало картину расположения противника сзади, и в момент получения мяча они уже знали, что делать, потому что решение принималось на секунду раньше — если слева игрок открыт, то мяч немедленно в одно касание ему, а если справа «дыра», то можно и самому попытаться уйти с мячом в нее. И делается следующее — корпус кладется влево, защитник верит и прикрывает уход. Но это блеф. Потому что мяч обрабатывается в одно касание вправо, на свободное место и затем уже вслед за ним уходит корпус игрока, то есть сам игрок выигрывает всего лишь один такт. А это так много, когда каждый играет с каждым, каждый играет по каждому. Эта пауза иногда решает все — можно пробить, можно начать комбинацию, можно играть самому. Но игроков самого высочайшего класса, гениев, отличало еще и то, что при всех видимых и невидимых очередных ходах они предпринимали такой шаг, такой ход, который никто не ожидал — ни болельщик, ни противник, порой даже и он сам, ибо, повторяю, срабатывает подсознание, где заложены не столько тренировки, сколько неожиданное художественное мышление, работающее вопреки всяческим канонам, догмам и прочим условностям, на которых держится средний, хотя и хороший, игрок. Самое удивительное, что этому нельзя научиться и этому нельзя научить.

Природа трагического и природа комического особенно близка футболистам. Они все время находятся между этими двумя материями, и если первую половину жизни они хохмят, дурачатся между играми и даже порой на тренировках, то вторая половина жизни их проходит под другим знаком. Отсюда, когда познакомишься с каким-нибудь новым футболистиком, то видишь, как блестят его глазки, как скрипят его галстучки и рубашечки, как играет его мышца под джинсами. А я замечаю и другое — мелькающую неуверенность, печальную нотку в разговоре и, Боже мой, как я его понимаю — арена жизни стала для него двойной ареной, и если другие живут, никому и ничего не доказывая, то ему, чтобы нормально существовать, нужно все время доказывать свое право на это, ему каждый раз заглядывают в зубы, под копыта и шепчут: «Ну, если ты сегодня…», «Ну, если не ты сегодня…» И хорошо, если масть пойдет, если нет… Хохмы

у игроков всегда в противовес будущим слезам, чтобы расслабиться потом, вспомнив это, поверить в возможность своей игры со стихией. Один незнаменитый, но профессиональный вратарь был мастак по этой части. Он давно уже не играет, а легенды о его проделках все еще шляются по футбольным раздевалкам и гостиницам. Говорят, что когда он приезжал в какой-нибудь новый город, где его не знали, он шел в магазин мужской одежды со своими корешами из команды и они начинали парить мозги молоденьким продавщицам, что хотят купить пиджак. Пожалуйста. Он начинает шуровать на стойке с новыми пиджаками, нашпиговывая все карманы одного из них десятками, пятерками, трешками рублей. Затем, как бы отходя, небрежно говорит: «Принесите мне для примерки вот тот». И указывает именно на тот самый… Ничего не подозревающие продавщицы приносят, и он, красуясь перед зеркалом, вдруг на глазах изумленных работников магазина из совершенно нового пиджака начинает доставать вполне серьезные купюры, сам поражаясь этому безмерно. Ошарашенные продавцы, тут же бегут к директору и, конечно же, ошарашивают его. Эдик, так звали того вратаря, уже припрятав деньги по своим карманам, говорит, что он напуган и не будет брать пиджак и вообще, они тут всей компанией собираются уходить. В это время директор вбегает в торговый зал и закрывает весь магазин на учет, отпуская с Богом и кипера с компанией. И вот здесь начинается главное. Компания выходит на улицу, смотрит внутрь магазина, как там во главе с директором все продавцы обшаривают карманы всех новых костюмов, висящих на вешалках, в надежде на партию шмоток, которые случайно залетели к ним с какой-нибудь подпольной мастерской, подвергнутой неожиданному налету ОБХСС, и потому… Смех, ржачка троих здоровенных мальчуганов останавливает суету, но уже поздно — хохма сыграна. Зачем, спрашивается? А просто забыться, поиграть, чтобы потом рассказать кому-то, да еще, может быть, из чувства превосходства, хотя не со злобы все это…

Частенько до сих пор хожу и машинально сплевываю, иногда мощно отхаркиваюсь. Стыдно, неприлично, женщины иногда стыдят, а я не могу ничего с собой поделать. Привычка — выше самого человека. Это въелось в тебя, стало твоей натурой. Ведь с детства, когда нас гоняли, и позже — уже в большом футболе, твой рот был забит слюной, от которой нужно было избавляться. Организм работает на перегреве, ему нужна водичка, а ее нет, вот отхаркиваешься сухой слюной, отхаркиваешь до самых корней легких — хочется дышать. Сухая слюна — это твой бич, это признак того, что ты не вошел в программу, — пей воду, не пей,

что-то не то… Да, это привычка, дурная футбольная привычка, но посмотрите на поле во время игры — все харкаются, отплевывая жар организма на поле. Мало кто видит это, но тот, кто видит, удивляется, но кто понимает — не удивляется — плюй, лучше плюй, чем захлебнуться в липкой мерзкой слюне до того момента, пока ты не войдешь в раздевалку и не ввинтишь прямо в клокочущее сердце пару бутылок минеральной, да и потом чаю с лимоном, чаю с коньяком, с водкой, и до сих пор — плюй, плюй, чтобы не захлебнуться в сухой слюне этого безумного мира, который делает все это сам, но тебе запрещает, ибо ты уже бывший, а плевать и отхаркиваться на все можно только сегодняшним королям. Еще и подотрут, еще и баночку поставят и будут бегать, ловя плевательницей твою звездоносную с прожилками крови слюночку…

В ташкентскую жару, на стадионе «Пахтакор», при 45 градусах в тени, через каждые десять-пятнадцать минут игры вся влага в тебе — от губ и до яиц — испаряется, и ты понимаешь, что раскаленный кол вошел в твое горло, но надо играть. Мальчишки с бутылями воды стоят через каждые двадцать метров, и ты, подойдя к бровке поля, отхлебываешь теплой воды и тушишь пожар и можешь играть еще минут десять. И так всю игру. Так что не думайте, что футбольный хлеб легок, весел и бесшабашен — за все платится сполна унижением, когда не ставят в состав, когда недоплачивают деньги, когда машут на сломанных рукой и, наконец, отчисляют из команд еще совсем молодыми — гуляй, Вася, здесь не получилось, а получится ли где еще — нам на это чихать, у нас тут вот новенький появился. За все, за все заплачено сполна. В футболе очень многое держится на самолюбии, и вот, зная это, и тренеры, и администраторы, и начальство ловко используют это не в целях команды, а лично для своего самолюбия. Барского самолюбия. Был такой прекрасный игрок в «Таврии» — Цымбалюк, ну красавец, с мячом все мог и бежал, фанаты любили его. Как-то приехал я в Крым, пошел на футбол и не увидел, к моему удивлению, моего любимого Цымбалюка в составе. Я спросил второго тренера: «А где же ваш Цымбалюк?» — «Отчислили, говорил много…» Я был потрясен: не играл плохо, а много говорил. В этом наша беда — мы нетерпимы, наше мышление репрессивно. С такими игроками надо работать, терпеть их во имя таланта. Ну, давайте соберем одиннадцать молчащих середнячков — в какой футбол они сыграют? На то он и неординарная личность, хоть и футболист, чтобы иметь свои суждения, чтобы быть заводилой. Но такие всегда мешают начальству, и от них избавляются во имя себя, своего спокойствия, а не во имя команды, футбола…

Администратор «Зенита» — Матвей Зоненштейн — был профессионалом, одним из корифеев.

Он никогда не касался ни мячей, ни спортивной потной формы, у него всегда было все в порядке - он решал крупные вопросы. Всю черновую работу за него делал Мишка Филин, смешной питерский мужичок, ростом в 155 см, с расплющенным носом на мясистом лице. От него всегда пахло водкой, кожей, нитрокраской, потными футболками. Он всегда появлялся в аэропорту в спортивном костюме, в кепке с большим козырьком, поверх он надевал буклированный пиджак с липовым свинцовым значком «Мастер спорта». В одной руке он тащил огромный чемодан с комплектами игровой формы, в другой — сетку с мячами, которую тут же отдавал молодежи. Меня он уважал за то, что я был приезжим, давал ему безоговорочно трешку на водку и иногда ключ от квартиры, где он мог обнажить свое несуразное тело в присутствии такой же стервы с Московского вокзала. Но Мотя — так звали старшего администратора — это был представитель старого питерского стиля: театр, литература. Мы и питались в Доме актера, он и Мишку Филина содержал за свой счет, антиквариат собирал, большие имел деньги. Как-то мы возвращались из длинной поездки по бывшим республикам Средней Азии. Команда в общей сложности была должна ему около пятидесяти тысяч рублей. Тогда это были сумасшедшие «бабки». Он и мог одолжить тебе сколько угодно, записывая дату отдачи в блокнотик. Если ты возвращал ему деньги с опозданием хоть на один день, то никаких протестов и процентов — больше он тебе в долг не давал никогда. Когда я уходил из «Зенита», то просил его оставить мне зенитовские бутсы, которые притерлись к моим ногам, и я играл в них, как в теплой ванне. Он тихо приоткрыл ящик своего стола и кивнул — пришли полтинник. Я с радостью отдал деньги, ибо знал, за что плачу. Хорошо лежащие на ноге бутсы — это все для футболиста. Мотя был хорош, несмотря на надменность, он входил в пятерку самых знаменитых тогда администраторов. Он практически умел все: гостиницы, билеты на самолеты, деньги, телефоны, квартиры, все это был круг его забот. Команды, которые он встречал, всегда жили в лучшей гостинице Питера. Вообще, надо сказать, что администратор команды мастеров — это одна из труднейших позиций в команде. Редко кто мог работать, не унижая своего достоинства, с футболистами, с их амбициями, зазнайством, хамством — эй, подай, поднеси. Мотя был высок: попробовал бы кто-то обратиться к нему амикошоном — всё, враг не только его, но и вскоре всей команды. Мишка Филин брал на себя все. Мотя ходил походкой высокого человека, в макинтоше и большой

грузинской кепке, хотя был настоящим уважаемым евреем, не скрывавшим, кстати, этого, и один вид его приводил в оцепенение администраторов гостиниц, стюардесс и даже министров торговли. В Баку кто-то из наших купил в универмаге отличную спортивную сумку из кожи, но последнюю. Все захотели такую, но… С Мотей проколов не бывало. Он позвонил куда надо и своим поставленным голосом сказал, что «надо». Наутро, когда мы улетали, в вестибюле стояло 27 кожаных сумок, таких, какие мы хотели. Мотя спустился вниз и сказал — сдайте мне по тридцать пять рублей и носите на здоровье. Мы знали, что она стоила чуть меньше, но ни у кого не хватило совести заикнуться об этом. И потом, мы понимали уже тогда, что живем в системе рыночных отношений. И даже не знали, устраивает это нас или нет. Мы просто знали…

«Ну что, Санек, заиграл в свою…» Обычно «заиграл» означало, что заиграл, то ли в основе, то ли вообще на своем месте показал максимум своих возможностей, реализовал себя. Добавка «в свою» означала, что «в свою игру». Но «игра» как всегда не добавлялась, и получалось образное, многозначное выражение — «заиграл в свою», т. е. в любом смысле, но в противоположном. В этом весь секрет наоборотного, ирреального, зазеркального мира футбола. В лексике, в образах, в словечках он выражался еще точнее. Допустим, ты играл все время, ну, два-три матча хорошо, и четвертый, как уже определено было раньше, «отвозил тачку». Идешь понурый с поля и слышишь от своих же друзей — «Санёк, не переживай, заиграл в свою…» Отсюда весь строй мысли от противного. Не пил, не гулял, был в порядке, играл в основе — вдруг закирял, загулял, задымился, сел на банку — вот и говорят — «заиграл в свою…» Отсюда все — шел по улице, вдруг зацепился за проволоку, упал в канаву — «заиграл в свою», поймал телку и она тебя наградила — «заиграл в свою». Откуда это? Очевидно, от мимолетности состояния игры — она промежуток меж двух темнот, всплеск. Игра, прелесть, это чужая, чужое, «заиграл в свою», заиграл в свое обычное состояние от небытия до небытия, игра — свет, жизнь, но нечто потустороннее, твое, но чужое. На поле в лучшей форме, с мышцами, рвущимися из кожи, это от Бога, а в шашлычной на «Автозаводской» с синим стаканом водки и рыгаловкой потом — «заиграл в свою»…

Когда-то, говорят, играли просто с мячом, отбирая его друг у друга, но потом подняли глаза к небу, поняли, что если жизнь ограничена, то и поле игры должно быть ограниченным.

Нарисовали прямоугольник и поставили в ворота человека, который обладает единственной привилегией — брать мяч руками, прерывать ход игры, — вратаря. Это уникальное допущение, ибо по правилам он может все то же, что и полевой игрок, если покинет ворота, плюс играть руками в штрафной. Единственный, кто внес равновесие в мир, — это Бог. Единственный, кто может вывести мир из равновесия, — это человек, совершающий поступок на уровне Бога. Так вот, кто это делает, — тот, кто забивает гол, — он взрывает пространство, он поднимает стадион на ноги, он не просто мячом пересекает линию запредельного, он прорывается в другое пространство, где ему соперник — Творец. Случай гола неслучаен: Бог захотел сравнения себя с человеком, с человекобогом. Лучшие игроки, забивалы, слишком много раз искушали Господа показать свою слабость — человека, который может соперничать с ним, и поэтому после нескольких великих попыток поселял в нем дьявола. Отсюда разрушение семей, быта, саморазрушение после завязки, мучения, болезни, метания духа. Бог гневается, а футболист не понимает, отчего его бросает, спившегося, то в петлю, то под колеса. «Санёк, не запьешь — не заиграешь», — это говорили мне тогда, когда я еще только начинал, но меня уже искушали дьяволята, готовя к большому злу, которое, как известно, человек совершает прежде всего против самого себя. Но я держался, искушение футболом было для меня самым великим прегрешением в моей жизни, ибо я пытался стать на уровень Творца. А он именно этого не прощает. И все-таки искушение велико — забить и нарушить линию разделения между высоким и низким, между бытовым и божественным, заставить людей вздрогнуть и ликовать именно из-за тебя, а не из-за НЕГО. Это и есть искушение! Вот почему многие великие игроки — великие страдальцы, их жизнь — это жертва Творцу за уровень Творца. Так погибли великие — Стрельцов в 53 года от рака, Виктор Понамарев, выбросившись в пролет между этажами, Валера Воронин, переползавший спившимся проспект имени главного гэбэшника страны, изощренного прокуратора совдепии Андропова, наконец, Анатолий Кожемякин, которого, как огромными ножницами, разрезал лифт собственного дома, когда он застрял в нем и, разбив стекло, пытался выбраться из него на крик жены… Это только великие примеры, а сколько забытых ныне погибли так? — блестящий футболист Виктор Сучков, которого забрало море и выбросило его великолепное тело на берег Коктебеля, два дня болтая его, как пробитую лодку на волнах, напоминая — не надо, не надо так хорошо, дьявол не прощает. Когда его хоронили все друзья футболисты, то в тишине

поминальной комнаты «ритуальная женщина» дважды путала его отчество, ибо для нее это был обычный покойник из десятка в день. На что, сам уже теперь покойный, Валера Захаров, тихо, но неожиданно на весь зал прошептал — «Виктор Иванович, сука…» Кто мстит, кто совращает… Больше твари земные. Никогда не забуду историю, как два великих португальца Эйсебио и Колуна, счастливые после выигранной игры, бросились в зеленый клубный бассейн после душа, да так и застыли в нем, ибо мстящие конкуренты подключили ток высокого напряжения к воде. Их тряхануло так, что после долгого лечения они так больше и не заиграли. Великие, они так и стоят перед моими глазами впаянными в огромный кусок электрической воды бассейна. За что они рассчитались, кто оплатил электроэнергию дьявола? «Акулы среди нас» (Г.Аполлинер).

Не случайно каждый хочет играть на своем месте. Однажды великому центрфорварду сборной Англии Джимми Грифсу сказали, что он будет в этом матче играть на правом краю, а не в центре. Казалось бы, все равно престижно. Но Джимми сказал: «Если в сборной Англии мне нашлось место только на правом краю, то я охотно сделаю шаг в сторону и сяду на скамейку». Он так и сделал, ибо он не хотел занимать чужого места, тем более, что оно могло принадлежать великому Стэнли Мэтьюзу или звездному Пэйну. Посягая на чужое пространство, ты рискуешь утонуть в нем, ибо оно не изведано тобой. Недаром у футбольщиков любимое выражение — «жадность фраера сгубила». Вообще язык футболиста, стилистика его речи удивительна, и логика речи продиктована внутренними соображениями компании — чтобы понимали только свои. Но поскольку все время идет диффузия игроков из команды в команду, эта речь проникает и становится универсальной для всех. Это как слэнг, как феня, которая имеет интересное происхождение. Та, что язык зэков — это уже во-вторых, а во-первых, феня — это язык офень-коробейников, которые привозили товар, и продавая его в лавках, с целью обмана покупателей выработали свой жаргонный язык, свою феню. Так вот, если два футболиста будут говорить на своей футбольной фене, то вряд ли человек со стороны поймет его. Единственное, что отличает его от блатной музыки, что он не основной, а вспомогательный, профессиональный язык. Образность существует для краткости. К примеру, если вратарь кричит после срыва атаки его команды «домой» — то это значит, что все защитники немедленно возвращаются на свои места и становятся в зонную оборону. Или, если нападающий скажет кому-то из задней линии — «**дай в недодачу**», то это значит — так, чтобы

мяч пришел к нему не в близость с опекуном, а чуть-чуть подальше от них двоих, а зная это, нападающий делает шаг или два назад, на доли секунд раньше подхватывая мяч, и моментально развернувшись, идет на защитника. Или, когда одному из защитников говорят — «сегодня у тебя роль **волнореза**», это значит, что он первый будет встречать атаки и пытаться разбивать их на подступах к штрафной площадке. Или знаменитая позиция «**чистильщик**». Это роль заднего центрального защитника, который освобожден от персональной опеки. Он находится сзади всех защитников и выправляет, чистит все ошибки и крайних, и центральных, и хавбеков. Вратарям, которые сравнительно легкий мяч берут в красивом, да и ненужном падении, тренеры и запасные всегда говорят: «**играет на кухарок**», т. е. для дам, которые будут восторгаться мнимой красотой и опасностью, визжать и аплодировать. Но какой язык, какая точность, чистота, краткость и порой язвительность! Был такой испанский защитник по фамилии **Клодуальдо**. В командах всегда были и сейчас есть, наверное, стукачи — стучат тренерам или через голову тренера начальству повыше обо всем, что происходит в команде. Обычно мы вычисляли таких, хотя уверенности не было. Но именно таких сразу же во всех командах мастеров окрестили однозначно «**Клодуальдо**». Говорили — «Он такой, сука, клодуальдо». Ни испанский защитник, ни его игра здесь были ни при чем — просто в слове клодуальдо есть буквосочетание **клод**, произносившееся как **кладу**, которое трансформировалось в сознаниях футболистов как «закладываю», т. е. продаю, стучу. «Он такой, сука, **клодуальдо**» — чистая поэзия, метафора. Не мертворожденные и придуманные, а подсказанные драматизмом футбольных отношений.

Была в свое время футбольная школа тренеров. Это для тех футболистов, кто в свое время не закончил среднюю школу, работать с командой мастеров нужно было хоть с каким-нибудь, но с дипломчиком. Там переучились все. Об этой школе ходили легенды, ибо футболисты, и безграмотные, и хохмачи, создали целую мифологию своего обучения. Как и всюду, здесь были великие перлы, посильней «Фауста» Гете. Могу назвать некоторые.

На уроке литературы: вопрос — «Ваша любимая книжка?» Ответ — «Сберегательная».

На уроке истории: вопрос — «В каком обществе живете?» Ответ — «В «Локомотиве»».

Там же на уроке литературы бывший игрок СКА Одесса Митя Подлесный писал на доске большое предложение под диктовку. Когда он дошел до края доски, то преподавательница сказала —

перенесите. Он не понял и начал думать. Когда она второй раз сказала ему — перенесите, Митя Подлесный взял и перенес всю доску. А на уроке математики, списав по шпаргалке задачу, он начал паниковать и шептать друзьям, что они дали ему не ту бумажку, потому что он помнит — в задачнике был ответ 10 км, а у них 10 километров… И так далее. Нет, я не хочу сказать, что большинство футболистов — тупицы, как раз наоборот — почти у всех богатый природный ум, смекалка, находчивость, но вот учиться времени не было ни у кого. К футбольному фольклору можно отнести и такие рифмованные поделки, которыми мы развлекали друг друга на тренировках, в поездах — ну что, возьмем **пивка для рывка, водочки для обвод очки, кваса для паса, сухого для подачи углового**. Вообще, надо сказать, что чувство и сильной, и точной, и звонкой рифмы привил мне не Пушкин и Маяковский, а Саня Кудряшов — полузащитник «Таврии». Шли мы с ним как-то по Копенгагену, мне 19 лет, весь свечусь от счастья, что по Копенгагену, а не по Симферополю, город весь в огнях рекламы, а он меня спрашивает: «Санек, ну-ка прочитай слово на верху здания». Я читаю: «Омега», — а он мне в ответ — «Поцелуй п…..с разбега».

Жестко, но поучительно — не разевай хлебальник. Недостаток своей образованщины футболист всегда восполнит таким пассажем, что люди столбенели от смущения, неожиданности и восторга. Если, к примеру, тебя знакомят с иностранцем, а ты не фурычешь по ихнему, то выдаешь ему абракадабру типа

«УМБЕРТОПЕРКАСОЛОБРУНОБАМБАЧИДИРУБА — ЧИАПАШРЕТОРНЕЮЙПЕРНОАТОНИЛАУТОНИРИНУПРЕСС».

Все, больше к тебе вопросов не было.

«**Буду играть, пока колени не сотрутся**» — это выражение было выстраданным, как протест против того, что из большого футбола списывали рановато — 27 лет, уже ветеран. Смешно, самый сок, опыт, а тебе предлагают уйти, да и сам ты уже, чувствуя некий рубеж, начинаешь сдавать. Чувство скорого конца игры давит игрока, и он сам сдает, сдают нервы. Но ведь есть примеры долголетия. Есть, но единичные. Западный футбол имеет массовый мужской, не по половому признаку, взрослый менталитет. Наш же игрок поедет играть еще в десятки команд, потому что нигде он больше не заработает, чем на футбольном поле.

Самое главное — не подпирает, как говорят, молодежь и только потому, что играет молодой, его ставят — все так же кто-то сверху или снизу давит — надо бы омолодить состав. И покатил наш ветеран за тридевять земель, хотя мог бы еще играть

и играть… Инерция, вернее, сила ее еще движет и движет футболом.

«Ладно, пошли по домам, — говорили мы после неудачной игры, — **разборник во вторник**». Почему именно во вторник? Дело в том, что когда команд мастеров высшей лиги было не так много, то обычно был недельный цикл тренировок, заканчивавшийся игрой в субботу или в воскресенье. Понедельник обычно был выходным, банным днем, во вторник было уже первое собрание команды, где старший тренер подробно разбирал игру команды и каждого в отдельности. Отсюда и **разборник во вторник**, которое перешло уже и на другие сферы, ну допустим, повздорили и вдруг кто-то бросает: «Кончай базар, разборник во вторник, разбежались»… И действительно разбегались, магия что ли заговора действовала, повторяемость. После установки обычно расходились и шутливо бросали: «Ну вот, теперь ясно **куда бежать, кого держать**», — хотя в игре все было не так просто…

Время от времени в любой команде наступал период, когда нервишки не выдерживали у всей команды, начинались ссоры, оговоры друг друга, катили бочку на тренера, особенно когда пару игр или три заваливали. Тогда умный тренер шел на запрещенный, но верный шаг. Он говорил авторитетам в команде (особенно это практиковалась на выезде): «В ресторан сходили бы всей командой, поддали бы, поговорили…» И вот после игры почти все шли в кабак, поддавали как следует и начиналось — выяснения отношений, излияния, прощения, ссоры, заканчивающиеся примирением, это могло длиться допоздна. Но расходились все в обнимку, напихавши друг другу полную пазуху, но простившие все всем. Наутро хорошая зарядка, днем тренировка и через два-три дня команда на подъеме выигрывает игру на выезде. А если так получалось, то даже если узнавали о коллективной попойке в родном обкоме, то относились с пониманием и помалкивали. Правда, если сезон вообще не удавался, то тогда уж вспоминали всё. И это тоже.

Но чаще разборники устраивались самими игроками. Знаю, как однажды в конце сезона, в одной из армейских команд, человек шесть запили одновременно. Все они служили срочную службу, и чтобы не быть заметными, начали потихоньку заводиться и ходить от бадеги к бадеге прямо в спортивных костюмах и кедах. Пропили все, что можно было, тогда один из них начал водить всех через сберкассу, где у него лежало немного денег Запой настолько вымотал главное действующее лицо, что он не мог и расписаться в карточке на получение денег. Они садились в кружок, кто-то, кто еще был ничего, заполнял красную

карточку, а вот роспись… Они окружали его и умоляли: «Ну, милый, соберись», — водили его ручкой с пером, но кассирша, сравнивая пьяную подпись с оригиналом, выбрасывала назад сберкнижку без денег — «Распишитесь, как здесь» и тыкала пальцем куда-то. И начиналось все сначала — «Ну соберись, милый, ты же знаешь, как нам нужно…» Закончилось все комендатурой и ссылкой главного заводилы в молдавское село дослуживать последний месяц. Вот здесь впервые за два года он понял, что такое хоть месяц пробыть рядовым, тем более известным футболистом. Зная, что он уже почти на дембеле, старшины издевались над ним — «А, игруля? Пойдешь сегодня чистить коровник, завтра…» И так далее. Успеха не прощает никто. И когда ты падаешь, тебе припоминают всё.

Я сидел неподалеку от Казанского собора. Напротив, сидя на таких же скамейках, разные люди занимались разным. Стоял не по-питерски жаркий день.

Моя команда улетела на игры в жаркие страны, как мы называли Среднюю Азию и Кавказ, и я был оставлен в нудном для меня городе «на ремонт». Вообще же, оценивая свое положение в команде, я все больше и больше приходил в отчаяние. Мне начинало казаться, что травма, мешавшая мне играть без срывов, неизлечима. Врачи темнили, намекали на «фактор времени», но я не верил им, лишь время от времени, когда боль скрывалась под нагрузкой, забывал о безнадежности своей футбольной карьеры.

Скоро, однако, все возвращалось, «наваливалось»: мне начинало казаться, что ребята и тренер косятся на меня, когда я, даже на тренировках, проигрывал беспроигрышный «стык» или не дотягивался до мяча, точно адресованного мне…

Вот и улетели без меня. Вернее, без уговоров подлечиться в поездке, чтобы на всякий случай быть готовым играть. Значит, что-то назревает против меня нехорошее, причем не по чьей-то злой воле, а по необходимости самой, что ли, жизни. Взяли и так легко оставили одного: хочешь — тренируйся, хочешь — лечись, хочешь — вообще что хочешь, то и делай. Правда, тренер говорил на прощание что-то невразумительное о легких играх, якобы ждущих команду в турне. Но разговор происходил наедине, так сказать по секрету, и мы оба знали цену словам…

Итак, оставалось томиться и ждать. А там, после поездки, вызовут и скажут: «Ну что, годок покатаешь за «Динамо»? Подремонтируешься — и назад». А это означало конец. Потому что назад — никогда. И практически это не что иное, как тактичное предложение уйти.

Но не такая уж я сволочь и к тому же кое-что сделал для команды, чтобы обойтись со мной так…

И растравленное воображение начинало рисовать картину ошеломляющего взлета.

…Завтра получаю телеграмму: «Срочно вылетай зпт сломался Васильев зпт заболел Наумов зпт пей меньше жидкости зпт Мотя встретит аэропорту». Или что-то в этом роде… Прилетаю часа за два до матча, доктор делает обезболивающий укол, и я выхожу на игру. При счете «ноль-один» в конце игры кладу два победных голешника. И тогда мое существование оправдано, а моя травма — предмет заботы и даже уважения тренера: надо же, несмотря на боль, был на поле лучшим. Да еще и забил пару победных. Вот это морально-волевые… Надо будет доложить самому…

Телеграммы, естественно, назавтра не было, а из газет я знал, что команда играла не так чтобы плохо, но и не так чтобы хорошо, — очка три привезут с выезда, а дома доберут свое.

Вот так, то мучаясь своим неопределенным будущим, то радуясь иллюзорным телеграммам и голам, я приходил почти каждый день на скамейки у Казанского собора и бездушно наблюдал за протекающей жизнью.

Как-то в один из дней напротив села девушка и, не обращая на меня внимания, стала лист за листом поглощать какую-то книгу. Поначалу я лишь бегло оглядел ее. Лицо мне показалось простоватым — крупное, с полноватыми губами. Зато ноги… Длинные, с аккуратной щиколоткой и кожей, излучавшей тонкий телесный свет. Высокий каблук подчеркивал их стройность и молодую упругую силу. Ноги балерины или гимнастки… Я рассматривал их, любуясь, с тихой профессиональной завистью.

Кажется, девушка заметила, что я изучаю ее. Коротко взглянув на меня и, возможно, оценив для себя что-то, она поднялась, и я с неприятным для себя удивлением обнаружил, что она высока. Высока по-хорошему, ибо ей это шло. Голову она несла, чуть склонив, будто стесняясь своего роста, и волосы, спадавшие прямо и вольно, закрывали ее лицо.

Я всегда боялся красивых женщин, большого роста, потому что они мне нравились. А боялся потому, что в любой момент при столкновении с ними я мог бы оказаться уязвленным — мой средний рост в те годы казался мне едва ли не самым ужасным в моей судьбе…

Девушка уходила, а я думал о том , что будь она пониже, я пошел бы за нею, мы познакомились бы и тогда… Впрочем, дальше мысль не шла. Дальше был тупик, упиравшийся в неопределенность моего положения.

Назавтра я опять был на том же месте. Но теперь я уже не столько фантазировал на футбольные темы, сколько ждал.

И дождался. Она пришла в то же время, что и вчера. И читала, кажется, ту же самую книгу. Мне показалось, даже, что страницы были те самые, вчерашние… Мои наблюдения за девушкой длились дня три и, наконец, ко мне пришло убеждение: она знает, что я наблюдаю за нею. И не уходит демонстративно, чтобы никогда больше не прийти. Более того — приходит на то же место и в то же время, как будто мы уславливались о том.

В конце недели мне стало казаться, будто в чем-то она уже играет на меня — то неожиданно посмотрит в упор сквозь нескончаемое мельтешение прохожих, то отложит книгу в сторону и, словно демонстрируя профиль, подолгу смотрит туда, где золотым огнем исходил купол Спаса-на-Крови.

Подойти к ней, когда она вставала и уходила, я не решался. Вдруг она тайными нитями связана не со мной, а с кем-то другим, далеким, и я не более чем уличный эпизод в ее жизни.

Трудно сказать, сколько продолжались бы мои тайные терзания, если бы… Впрочем, все по порядку.

Как-то я пришел раньше обычного, место возле меня на скамейке оставалось свободным, и я, полуразвалившись, лениво размышлял о том, как вернется команда, как усталые ребята, измотанные дорогой, будут с трудом ломать себя, и тогда я, отдохнувший, полный нерастраченных сил…

— Не занято?

Я вздрогнул, словно меня пронзило током: передо мной стояла Она.

— Пожалуйста, — почти испуганно ответил я.

Она села и сразу же, словно вопрос был заготовлен давно, спросила:

— Вы фарцовщик?

— Почему вы так решили? — не столько грубо, сколько удивленно ответил я вопросом на вопрос.

— Одеты во все фирменное и ничего не делаете целыми днями…

— Да, но вы…

— Я на сессии и, как говорится, грызу…

— А где вы учитесь? — смелея спросил я.

— В политехническом.

— Значит, не ошибся, решив, что вы студентка, — соврал я.

— Да, именно.

Легкость, с которой завязывался разговор, ошеломила меня. В голове уже бродили идеи свободного молодого мужчины, у которого водились деньги, — такси, ресторан и т.д. «Ах, как примитивно!» — скажет она, и все разлетится в пух и прах…

— Так вы не ответили на мой вопрос, — она смотрела прямо и остро.

— Если вы с целью что-то перекупить у меня, то вы ошиблись. Я не фарцовщик. Я просто люблю красиво одеваться.

— Извините.

Она покраснела и, встав, быстро пошла в сторону Александровского сада. И тут я понял, что обидел ее. Я забыл об обиде, которую только что причинила мне она, и бросился за нею. Я догнал ее почти у самых ворот сада. Словно почувствовав мое приближение, она резко обернулась, и мы оказались лицом к лицу. «Не такие уж они и высокие, эти длинные», — со злой иронией подумал я, хотя, выражаясь спортивным языком, полголовы я ей проигрывал явно.

— Так кто кого обидел? — Первой спросила она.

— Я, — поспешно ответил я.

— Уважаю мужчин, которые берут на себя вину, — она смотрела без тени улыбки, — но обидела все-таки я.

— Бросьте, ерунда. Я действительно похож на фарцовщика, да еще на бича, и вообще, черт знает на кого, потому что человек, лишенный своего главного занятия, может быть похожим на кого угодно.

Выпалив на одном дыхании эту тираду, я понял, что сказал слишком много, и огорченно умолк.

— Неужели все так серьезно?

Мы стояли у клумбы, и я подсознательно забирался на бордюр.

— Ну, как посмотреть…

— Так чего же вас лишили и за что обрекли на такие муки?

У нее были питерские глаза — синие, с сероватым оттенком. И в них стоял неподдельный интерес. Интерес ко мне.

— Мне стыдно признаться, но я остался без команды… Дело в том, что команда улетела без меня. Игры легкие, но… — И тут меня прорвало, я заговорил искренне, заводясь от слова к слову: — Видно, стал не нужен. Так всегда: пока играешь — ты король,

чуть сломался — все забывают…

— Так вы игрок?

— Игрок — слишком высоко. Обыкновенный футболист.

— И за кого же играете?

Я назвал команду.

— Ого, не такой уж и обыкновенный.

— Нет, обыкновенный, самый обыкновенный, — горячась, заспорил я. — Стоит чуть подломаться, и уже без тебя могут лететь хоть на край света, а вместо тебя ставить кого угодно. Эти легкие игры… К черту! Надоело!

Кажется, я выплеснул все, что так долго, все эти дни вынужденного одиночества, копилось во мне.

— О, вы самолюбивы! — Она смотрела удивленно. — Это у вас чисто футбольное?

— Не знаю, — я постепенно приходил в себя, — я не самолюбив.

— Тогда — честолюбивы.

— Когда остаешься не у дела…

— …Тогда начинаешь разглядывать девушек, сидящих напротив, — она улыбнулась. — Так? Она повернулась, стала уходить…

Я смотрел ей вслед и думал о том, что у нее была фигура манекенщицы, но не профессиональной, вылощенной, выхолощенной, выстуженной, выученной ходить, сидеть, — это была порода, которой, наверное, все шло… Я догнал ее, спросил, конечно же, по-идиотски:

— Вы что — манекенщица?

— Нет… Вернее, была когда-то… — она растерялась, но тут же справилась с собой. — А вы, кроме всего прочего, физиономист?

— Извините, но ваша фигура, движения…

— Вы — фигурист? — она уже откровенно издевалась надо мной. — Не провожайте меня. Дальше я пойду одна.

Сказала и пошла, оставив меня в недоумении.

Конечно, я поступил глупо, спросив ее о профессии. У меня было несколько знакомых девушек в Москве, связанных с миром Дома моделей. У меня сложилось впечатление, что это легкие в общении люди, у которых всегда все на поверхности. К нам, «футбольщикам», они относились как к равным, и когда мы частенько встречались в гостинице другого города, где мы играли, а они гастролировали, то по вечерам быстро находили общий язык и тайком от тренеров устраивали тихие ужины с сидением допоздна. И кто и с кем уходил потом, не интересовало никого. Наутро же, когда мы шли командой на зарядку, весь Дом

моделей во главе со своими капитанами стоял уже чистый, выглаженный, навьюченный коробками с платьями и шляпами и ждал автобуса в аэропорт.

…Уже давно наступило время наших случайных встреч, а она все не появлялась. И я тщетно вглядывался и вглядывался в толпу, проплывавшую невдалеке по Невскому, думая о своем: «Собственно, что произошло? Улетела команда, без меня. Но ведь есть же оправдание: не тратить на больного деньги, которые, как известно, любят счет. К тому же игры предстоят легкие». Все было разумно, логично. В голову, однако, разрушая логику, лезло, что двух ребят, оказавшихся в таком же положении, взяли, а мне быстренько — «разрешили» остаться…

Я вздрогнул, обернулся. Она стояла позади скамьи.

— Черт, вы меня вывели из панического размышления.

— О чем же? О судьбах мира?

— Как сказать… Сейчас меня интересует мой собственный мир. Или точнее — судьба… Видите ли, у мира нас много, а у меня и мир один, и судьба одна.

— О, вы еще и философ!

Она была раскованна, светилась радостью. Я не сдержался, сказал первое, что пришло в голову:

— Такая женщина, и не моя…

Она рассмеялась:

— Ну, началось. А я-то думала, что обойдется без пошлостей.

— Но это так.

— Вы не находите, что говорить такое мне — пошлость?

Ее глаза, смеясь, смотрели с вызывающей прямотой.

— Простите мне это как футболисту.

— Прощаю как бывшая манекенщица. Вы питерский?

— Отчасти. У меня здесь комната.

— Только не приглашайте меня к себе домой, ладно?

— Хорошо, это я могу обещать.

Меня смутила ее прямота. Я спросил:

— А почему вы ушли из манекенщиц? Поездки по стране, смена впечатлений…

— …И нахальные рожи в зале, и вечно спешащие, требующие одного и того же директора программ. Да и сами девчонки…

Как это было знакомо и Похоже на то, что подсознательно, не анализируя, испытывал я в своей футбольной жизни!

— Вы мучаетесь?

— Да. Хотя многие из наших вполне к этому привыкли.

— А что же вы?

— Да просто надоело принадлежать всем. Захотелось себе одной и еще — одному.

— Но у вас и данные…

— Никогда не приглашайте меня к себе домой.

— Да я и не собираюсь. Но почему?

— У меня страшное желание раздеться перед кем-то.

Она смотрела без улыбки, и у меня не возникло желания поддержать шутку.

— Давайте съездим в Приморский парк, — сказал я, чтобы скрыть смущение. — Там есть одно кафе…

— Давайте, — легко согласилась она.

Мы взяли такси и поехали в парк.

В зеленом ресторанчике я заказал бутылку сухого вина и какую-то еду. Мы сидели на веранде друг против друга, совсем близко и почти одни, и я думал о том, что ни за что не пригласил бы ее в свою холостяцкую комнату.

«Почему именно политехнический?» — «Да захотелось крепкой специальности, да к тому же папа инженер»; — «А как родители отнеслись к манекенству?» — «Отрицательно». — «А к институту?» — «Положительно».

«Почему не учитесь вы?» — «Если футбол мешает учебе, бросайте учебу». — «Я не люблю футбол». — «А я Дом моделей».

Мы говорили так или примерно так, и я все думал, что не решусь пригласить к себе.

Незаметно подкралась белая ночь, а мы продолжали сидеть. Уже с нашего стола исчезли фужеры, и официант красноречиво поглядывал на нас… Она сидела напряженно, будто ждала чего-то.

— Я отвезу тебя домой, твои, наверное, уже волнуются.

Я впервые сказал ей «ты» и удивился, что до сих пор не спросил ее имени. И тут же подумал » что-то неуловимое мешает мне сделать это.

— Да, спасибо…

У Казанского собора она тронула за плечо водителя:

— Остановите.

Мы вышли из машины.

— Так ты здесь живешь? — удивился я.

— Да. В этих подвалах, где хранятся орудия инквизиторов, — она говорила без тени улыбки.

— Но тогда…

— Не бойся, я не стану тебя пытать. Просто мне захотелось пройтись.

Мы шли в сторону Александровского сада…

— Как твои дела?

Странно, но она тоже не спрашивала моего имени.

— На днях улетаю.

— Надолго?

— Скорее всего, навсегда.

— Как?! А твоя команда?

Мне показалось, что она испугалась.

— Меня отчислят.

— За что?

— Видишь ли, футболу нужны здоровые люди, без комплексов.

— У тебя комплексы?

— Нет, но когда ждешь боли…

— Что же ты будешь делать?

— Не знаю. Я думал, что буду заниматься этим всю жизнь.

— Чем?

— Игрой. Это нелепо, но это так. Только игра имеет для меня смысл. Моя жизнь — в моем смысле, а мой смысл — это играть, — не очень понятно скаламбурил я. — Это как способ существования. И ничего мне за это не надо. Я просто люблю запах стриженого поля, крашеных мячей, люблю свои ноги, обтянутые гетрами, бутсы, плотно и легко сидящие на них… Понимаешь? Игра это праздник. Когда ее нет — будни. Ты хочешь, чтобы у меня была другая философия? Но я вырос на этом.

— Вот поэтому я убежала из манекенов, — задумчиво сказала она. — Я не хотела… я боялась проиграть. Проиграть всю жизнь. А ты не боишься. Я даже не знаю, что это — смелость или беспечность?

— Безвыходность. Я должен делать то, что умею делать хорошо, но мне это уже нельзя. То, что дороже всего на свете, так и остается дорогим, по уже не и связи со мной. Теперь же, — продолжал я, — скажи на милость, кому нужен неудачливый футболист?

Она как-то странно посмотрела на меня:

— Ну, например, мне…

— Тебе? Извини, но все это декорации. На самом деле ты, как и все девушки, втайне мечтаешь о прочном мужике со всеми вытекающими последствиями.

— Ты не такой?

— Я бывший.

— У тебя еще все впереди.

— Ну вот, ты уже успокаиваешь меня.

— Мы… оба бывшие. И я умоляю… поедем к тебе.

— Ко мне? — я не мог скрыть удивления. Но…

— Без «но», прошу тебя.

Когда мы вошли в мою комнату, она каким-то невесомым

жестом смахнула пыль с моего стола, бросила футболки и гетры в таз с водой. Когда мы разделись и встали лицом к лицу, то я увидел, что мы были с ней одного роста.

В сумасшедшую зиму города Владимира, выбравшись из Москвы через промежуточную станцию Петушки, где правил свои портвейновые пиры великий Веничка Ерофеев, и добравшись до общаги, я спал под тремя одеялами. Сквозь сон я услышал какое-то глухое биение в дверь. Я встал и открыл дверь. Передо мной стоял высокий человек в потертой нерповой шапке-ушанке и синем ратиновом пальто — шике и престиже конца пятидесятых годов, и не вязал лыка. Он был «на бровях», «в жопу», «в дугу», ну как еще можно? Но под мохеровым шарфом сверкала белая рубашка и завязанный со знанием дела высокого класса галстук. Он поднял свое действительно красивое мужское лицо, и я узнал его — это был Геша, ГЕШКА, ГЕНРИХ, Генрих Александрович Федосов, воистину легендарный футболист и, конечно же, человек. Он круто вошел в мою судьбу в хорошем смысле, я полюбил его уже тогда, когда многие относились к нему с пренебрежением, очевидно, не понимая масштаба личности. «Старик, — сказал он почти бессвязно, — я видел солнце». И прокачался в комнату. Он сел посередине и, разбудив нашего центрального защитника, непомерно длинного парня и поэтому слегка медлительного и небыстрого, начал разбор игры. «Ну что, Егорушка, бежишь слабо, тебе не спать, а рывки за троллейбусом надо делать», — сказал Федос (как его только не называли, и все шло ему, когда это делали с любовью). «Ничего, зато пробить могу», — ответил обиженный Егор. «Пробить, пробить, — растянул Геша, — так что ж тебя теперь на поле на тачке вывозить?» «Ничего, Ляксаныч, еще побегу, какие мои годы», — еще больше обидевшись, ответил защитничек. «Ну да, в магазин за бутылкой», — усмехнулся Федос. «Какая в три ночи бутылка, Ляксаныч», — как-то запанибрата отвечал Егорий. Федос хитро посмотрел на меня и изрек еще одну свою коронную фразу: «Ха, во же техничка», — и ловким движением руки достал из рати нового пальто бутылку красного. Во Владимире тогда все пили очень просто: красное это было все вино — и белое и красное; белое — это вся водка. «Ну что, — говорили, — ударим по красненькому», — это по всему вину, «ударим по беленькому», — это по всей водке. Геша, если выпивал, то любил красненькое. И, как настоящий эстет, хорошее шампанское. Умница и интеллигент от природы, он был стеснительный, ругавшийся матом в редких случаях, обожающий музыку человек. И еще —

красивое. Красивую игру, красивых женщин. Как и они, впрочем, его. Геша, красавец… Он сам называл всех красавцами или красавчиками, когда искренне восхищался то ли игрой, то ли чем-либо вообще. Так вот, Геша-красавчик был в середине пятидесятых до начала шестидесятых знаменитой десяткой московского «Динамо». Левым инсайдом, техничным, выносливым игроком со своей коронкой — игра головой. Это он воистину мог раньше всех на секунду выпрыгнуть на мяч и, зависнув в воздухе, глядя прямо на мяч, и, отведя корпус и сидящую небольшую на нем головку, как молоточком, вогнать мяч целенаправленно туда, куда надо — мимо вратаря, в ворота. Это был настоящий английский стиль игры головой. Говорят, что Федосов был единственным в то время игроком, кто так умело играл головой. Но не только за это любил его тренер Михаил Якушин. Не за это любили его коллеги — он был настоящим игроком, игрочилой, он играл судьбой, всей жизнью, Бог отвалил ему таланта так много, что он мог бы быть и стать кем угодно. Но он выбрал то, что выбрало его, — футбол. Он отдался этой стихии, как отдаются волне моря или океана — безотчетно, порой безалаберно и поэтому небезобидно для самого себя — кое-что начинало со временем и с возрастом играть против него. В сущности, по большому счету он был случайным человеком среди футболистов, ибо все, что было дорого ему, было чуждо футболерам. «И вот приезжаем мы в Англию и все сразу куда? По магазинам, а Геша-красавчик на концерт Надкингкола, негра с масляными глазами. Они все беленькую с собой, а я, вот же техничка, виски со льдом и галстук другу на оставшиеся… Старик, потому что Геша Федосов видел солнце, — рассказывал он своему тогдашнему другу и фанату футбола Аркадию Арканову, — и если мы вот сейчас с тобой, Аркаша, стоим в подъезде на разных ступеньках, а я, ха, во же техничка, встану на две выше, разве я стану от этого больше, старикан?…»

Его футбольная судьба была типичной для великих футболистов того времени и в то же время совсем непохожей ни на одну другую. Все, кто отыграл на таком уровне, как Федос, получили от общества и от страны сполна. Он же — ничего. Ни машины, ни квартиры, ни положения. У него не было потребительского отношения к игре. Он жил с ней, как с любимой женщиной, зная, что в любой момент она может бросить его и уйти к другому. И он был согласен на это. Он брал только то, что ему давали, а поскольку он ничего не требовал ни от руководства, ни от тренера, то давали по минимуму. Долгое время он жил в гостинице при стадионе «Динамо» и вел, естественно, холостяцкую жизнь знаменитого футболиста, которого обожали

все. Но и он, открытый, душевный и любвеобильный, обожал всех. Его сердце никогда не знало зла, это был один из последних романтиков футбола того времени — они футбол любили больше того, что могли от него получить, не обращая внимания чуть ли не на то, что рядом шло мародерство на почве забитых голов, удачно сыгранных матчей, переходов из команды в команду. Геша… Однажды на сборах в Ялте мы с ним крепко зацепились с самого утра. Это был редкий выходной день на подготовительном сборе в марте. У меня всегда в номере водилось немного красного вина — мои друзья приносили мне редкие красные вина типа «Бастардо», на которые был хороший вкус у Генриха. Утром, перед зарядкой, он постучал в мой номер, мы по-тихому раздавили бутылку ублюдочного вина («бастард» по-французски — ублюдок, внебрачный сын), завелись и пошли на набережную. Там, стоя на берегу моря, он поведал мне главную историю своей жизни, в которой отразился и весь наш футбол.

Начиналась история с того, что в составе сборной страны он летит на товарищеские игры в Бразилию в декабре такого-то года, и, играя, производит отличное впечатление на прессу, и в считанные дни становится знаменитым и там. «Старик, я видел солнце, — толковал мне Геша под пульс прибоя, — мы жили в Рио, на первом этаже отеля был японский фарфоровый магазинчик, который держали русские выходцы из страны тысячи островов. Дочь их, лет двадцати от роду, тянулась к русскому всему и однажды пришла на игру сборной. Итак, мы познакомились. Два юных существа, хотя я был уже мужчиной в ее глазах — играл за сборную страны, куда она мечтала попасть. И начался роман. Геша (это он о себе) — красавчик в расписной рубахе и белых брюках, она… она прекрасна. И зная, что у меня было мало денег, водила меня по всем злачным местам, открывая мне дивный незнакомый мир, летала вслед за нашей сборной в другие города, где мы, тайно от команды, конечно, встречались. Она влюбилась, а Геша… Я тоже, но я смотрел вперед, в страну, где я значил все сейчас и ничего потом. И было страшно грустно. И как-то мы пошли на океанский пляж купаться и не заметили флажка отлива. И начала она тонуть. Волна отлива потянула как насосом вглубь. А что же Геша? Конечно, Геша вслед за ней, я же красавчик, как женщину могу оставить в такой беде, и не оттого, что нас так воспитала партия и комсомол, а потому что… Да я не знаю, почему, но я поплыл за ней. И вот мы тонем вместе, она от страха меня схватила судорогой, я понял, все, кранты, (а мысли в голове — я, Геша, красавчик, в легком жанре, тону где-то в Бразилии, и солнце, которое я видел, становится все меньше и меньше, да на хуй мне все это надо), но выбеганные легкие и ноги

футболиста оказались сильнее моих презренных мыслей. Не знаю как, но я ее вытащил. Собрались люди, суетились, пытались нам помочь…

Отлеживались мы с ней долго. Потом исчезли незаметно, потрясенные близостью смерти. Но в местные газеты просочились все же слухи о том, что русский футболист спас дочь владельца магазина небогатого. Узнала мать, после игры последней пришла в раздевалку и разрыдалась… Я стеснялся. Узнав случайно, что у меня был назавтра день рождения, она устроила банкет в мою честь и пригласила всю команду. Все, кроме старшего тренера, пили минеральную воду, мне же во исключение подали водку в такой же бутылке. И все. Утром мы улетали в Союз. Она нас провожала». «А дальше, что же дальше?» — я спросил. «А дальше были письма, письма, но я не отвечал на них. Зачем? Что мог ей дать? Игра моя пошла на убыль, я жил тогда на Маяковке в одиннадцатиметровой комнатухе, и никто не собирался расширять на что-то большее. Она все письма мне писала и писала, я так же ей не отвечал. И вот однажды я услышал голос ее за моей дверью. Она объяснялась на плохом русском с моей соседкой. Я понял, что приехала она учиться в университет Лумумбы и ищет меня всюду… «Стучите, там он, там, с преститутками закрылся…» И я услышал стук, но еще больше сжался и ушел в себя. Что дам я ей, игрок уже не сборной и даже не «Динамо», доигрывающий где-то в Подмосковье, она-то думала, что я, красавец, Генрих, Федосов Геша, в порядке полном, ну а я? Ну что ей дам? Орган пустых бутылок под кроватью? Нет. Ей я не открыл, она ушла и как-то приходила еще несколько раз, но я действительно где-то пропадал. Так мы расстались, растворились… И если там на берегу в Бразилии я выиграл битву со стихией океана, то со стихией жизни…»

Геннадий, Генрих, мой герой… Генрих закончил играть в ярославском «Шиннике», в команде, в которой доигрывали многие высококлассные игроки из Москвы. Это позволило местной молодежи, обстучавшись с ними и отсосав мастерства и опыта, стать вскоре одной из сильнейших команд страны. Федосов, отыграв там года два, начал свою тренерскую карьеру, однако из этого ничего хорошего не получилось. Поработав в вологодском «Динамо» старшим тренером, вторым во Владимире и еще где-то, он ушел из футбола вообще. В чем тут дело? Я помню, на тренировках он так много мог рассказать, показать, но что самое главное, перед ним было приятно играть — тебе мог дать оценку не безвестный выскочка, а сам Генрих Федосов. Это придавало того самого куража, без которого нет хорошей игры. И он давал безошибочные оценки, рассказывал всякие истории. В

общем, его даже безмолвное присутствие придавало вес команде. Еще бы! Его знали в лицо все — от милиционеров до знаменитых футбольных судей, которые побаивались его мнения. Хотя совершенно напрасно. Он не смог стать железным Феликсом тренерства, его мягкость, беззащитность делала его безоружным перед футбольными хамами. Он смог бы работать только в команде, где все играли бы из уважения и любви к нему. Но это утопия. Отсюда его неагрессивная брезгливость к середнячкам-тренерам, которые пыжились, тужились при нем и ничего не могли сделать с командой, начинали ненавидеть его молчаливый укор и братство с теми игроками, кого он уважал. Генрих, Геша, Федос… Все имена шли ему — ничто не обижало его, он быстро сходился с людьми, его речь изобиловала массой цитат из классики, он насвистывал самые модные шлягеры, обожал настоящий джаз, классное кино. Наконец, он женился на женщине, которая любила его таким, какой он был, и не требовала от него большего. Насколько я знаю, долгое время он работал простым грузчиком в магазине «Свет» на «Электрозаводской». Но ничто не могло унизить его, оскорбить, никакая работа — он всегда был и оставался Ге-шей, Генрихом Федосовым, великим футболистом, человеком, который действительно «видел солнце», мужчиной, от которого всегда пахло модными духами, а высокую шею подпирал безукоризненный по вкусу галстук.

Родина футбола — Англия приняла чемпионат Европы-96, несмотря на свои прежние возражения по поводу проведения европейского кубка. Вероятно, сегодня уже точно можно говорить о существовании мировых футбольных прайдов — южноамериканский и европейский (почти на одном уровне) и африканский и азиатский на уровне действительно развивающихся стран, к которым подключаются и Юнайтед Стейтс, переживая детство соккера. Во всяком случае, англичане, сыграв достаточно традиционную ничью со швейцарцами, доказали появившееся равенство европейских сборных, несмотря на возраст, звание, темперамент, происхождение. Сейчас, как показывает время, и для России настал момент, когда отечественный футбол может быть очень среднего уровня, а национальная сборная — первоклассной. Дело в том, что наши блуждающие по всем командам Европы форварды, вратари, защитники — это уже не просто спартаковцы, цээсковцы или там камышинцы. Это уже игроки, обогащенные ураном футбола Италии, Испании, Франции, Англии, Германии. Все зависит

теперь от того, как эти господа, снимающие фраки Европейского Союза, надевая бутцышки «Адидас» или «Рибок», сольются в экстазе единой команды.

После первых двух дней чемпионата Европы стало очевидно, что сборной России будет действительно трудно выбраться из так называемой «зоны смерти», ибо давно я не видел такого сильного немецкого футбола в матче с прототипом русского футбола — чехами. Дело в том, что к обычной своей организованности, продуманности, прагматичности немцы вдруг продемонстрировали вроде бы не присущую им безоглядность, страсть и чуть не итальянский темперамент, особенно, когда они атаковали. Мяч у них не ходил поперек поля в ожидании открывшихся дыр в обороне. Оседланный нападающим или полузащитником, он двигался, говоря языком англичан, «стрейт» — напрямую, сквозь, через, и пробивал оборону. Чего стоит прелесть гола, забитого Циге, когда он буквально «пропер» с мячом сквозь нескольких человек и ударил в ближний угол. Когда-то говаривали: так играл в хоккей Бобров, бросая шайбу под ноги и прыгая через клюшки. Наши защитники не привыкли к такой игре, они позиционники. Как, впрочем, и немцы. Но, повторяю, по этой игре я понял, что немецкая сборная уже не та. Она нашла качественно новое, связанное не с формой, а с внутренним наполнением игры. Конечно же, испанцы, на мой взгляд, выглядели лучше болгар, и все из-за того же, что играли против болгар, которые представляют, если так можно выразиться, славянский футбол, где, как всегда, превалирует атлетизм, командность и жесткость. Испанцы же показали, что могут играть на такой скорости, когда техника их не исчезает, а приспосабливается к их мышлению. И поэтому порой зримое позиционное преимущество болгар разрушалось планами ярких контратак испанцев. Гол, забитый Альфонсо, яркий тому пример. Кстати, пенальти, назначенный в ворота испанцев, очень спорен, ибо в повторах было видно, как защитник совершенно не касался Костадинова, и тот, по-моему, упал больше от страха быть задетым, чем от удара по ногам. Но Стоичков — выдающийся исполнитель стандартных положений, у него даже и удар в штангу — это гол. Но меня больше всего поразила игра, я не говорю сейчас о результате, португальцев против датчан. Дохнуло той командой, в которой играли Эйсебио, Колуна, Торрес… Игрой, проходящей сквозь оборонительные решетки датчан, игрой, когда мяч держится в ногах, как на резиновой подтяжке, игрой, поразившей своей легкостью и необычайной смелостью. В мастерстве португальца Жоао Пинту и немца Циге сошлись вершины двух романтических футбольных школ: одной — законной южноевропейской и другой — незаконнорожденной — немецкой. Во всяком случае, за два дня чемпионата четко определились лидеры, как команды, так и отдельные

нападающие. Англичане — потому что хозяева, немцы — потому что заиграли в футбол выше прошлого собственного, и португальцы, потому что вспомнили о своей сути. Я говорю о нападающих, о Циге, Бобиче, а также Пинту, потому что больше всего таких нападающих, увы, пропускают наши защитники. Хочется сказать еще и о том, что чемпионаты подобного уровня всегда приносили какие-то открытия в области системы игры, и, как следствие, в измененном качестве. Пока, к сожалению, я могу констатировать, что футбол конца XX столетия продолжается. Он еще не дышит будущим, потому что все новшества — в системе игры образца 25-летней давности — в тотальном футболе, в универсализации. Скоро и вратари у нас будут «разводить мосты» не хуже центральных полузащитников. Единственные случаи с единственными ярким нападающими, о которых я говорил выше, плюс датчане — братья Лаудрупы — это действительно случаи.

Итак, может быть, я слишком всерьез отношусь к национальному в национальных сборных? Но так пока оно и выходит. Я сожалею, что российская сборная не украшена каким-нибудь игроком из «Динамо» (Тбилиси) или киевского «Динамо», потому что это были бы краски темперамента, может быть, чрезмерной страсти, украинской обходительности с мячом. И все это, полагаю, совсем бы не помешало ментальной российской сборной. И в этом смысле я предвкушаю игру итальянской команды, которой всегда симпатизировал. Я пишу все это — за пару дней до матча Италия — Россия и за неделю — до встречи россиян с немцами. Я думаю, что нашей сборной будет особенно тяжело между двух жерновов различного футбола — германского и итальянского, которые в верхней точке уже сходятся, как я уже говорил, в романтизме, а в нижнем пределе особенно сильны в прагматизме.

Третьим испытанием для нашей сборной будут чехи, которые играют практически в наш футбол, и поэтому перетягивание каната здесь может просто отобрать лишние силы (были бы они только нужны!) Именно памятуя обо всем этом, я особенно хотел, чтобы сборная России справилась прежде всего сама с собой — забыла бы, что она представляет великую страну, что за ее спиной стоит великая Родина, и не помнила бы всех политических и идеологических установок, а при этом полностью расковалась бы, сняла бы с себя щитки и латы защитников славы отечества, а играла бы в футбол, чистый, яркий, безотносительный, в такой футбол, в какой играют дети, без забот на лицах, без страха за проигрыш в глазах. И именно поэтому обыгрывая всех. И тогда все придет само собой, как говорят, трансцендентально — и жизнь, и слава, и любовь…

Увы, в который раз мы проиграли… Но почему?! Вырывается обидный крик души, почему опять так скоро, так уверенно, будто каждый раз и выиграть могли… И все же каждый раз проигрывали. Да что же, мы и не футбольная держава вовсе?! Да что же, действительно, комментаторы надсадно хвалят, хвалят, а потом говорят — не повезло чуть-чуть… В этом-то и дело: в этом — «чуть-чуть». Я не хочу никого ругать, поскольку, если сборная Германии сильнее нашей сборной, так значит сильнее — и все тут. И никакими доводами о том, что если бы мяч от штанги отскочил бы в ворота, то мы бы победили. Есть класс игрока и команды на уровне сборных, которых отличает вот это самое — «чуть-чуть». Мы как-то забываем, что класс — это не только умение бить, обводить, останавливать мяч. Мы забываем, что класс — это и тип нервной системы, умение подойти к игре вовремя, способность не ошибиться в нужный момент, на чемпионате Европы. Ну что, если бы Черчесов не ввел бы мяч в игру так нелепо, то мы обыграли бы итальянцев? Нет. Просто сценарий победы Италии в этом случае был бы немного другим. Если бы сейчас привезти любого игрока и поставить его в состав и договориться с противником, чтобы ему не мешали играть, то он был бы артистом, самым знаменитым игроком, зримо, самым полезным… Но в том-то все и дело, что класс игрока — это если он умеет все делать, когда ему не то что мешают играть, ему не дают возможности ни получить мяч, ни обработать, ни отдать. Над ухом все время твой противник — он вставляет, врезает, толкается. И именно в этих условиях ты должен делать все, что так восхищает болельщика. Каждый заметный шаг на поле — это поступок. Формула примерно такая: игрок минус игрок, плюс поступок.

Наша сборная (российская) не была еще командой поступков, то есть такой, чтобы в ней кто-либо стал абсолютно признаваем всеми. Как-то Олег Саленко забил шесть голов, стал лучшим бомбардиром чемпионата мира, но не будем забывать, кому он забил эти мячи… Вот так и сейчас: то вратарь чуть-чуть не дотянулся, то защитник чуть-чуть не успел, то нападающий после блестящего прохода чуть-чуть не попал… И вроде все есть, и в то же время — нет ничего. Два гола, забитые итальянцами в наши ворота, — это чуть-чуть, но только с другим знаком, с плюсом. Особенно второй, когда Казираги пробил с ближней ноги сходу, а защитник и вратарь ожидали, что это произойдет после лишнего касания. А защитник потом говорит: «Чуть-чуть не успел». А Казираги чуть-чуть успел. Конечно, глупость несусветная сборной Италии резко менять состав после победы. Это совсем не по-футбольному. Я знаю, что если даже победа бывает достаточно

случайной, то тренеры никогда не меняют состав, хотя бы из-за одного фактора — суеверия.

Итальянцы наказали сами себя в матче с чехами, явно недооценив их, и весь спрос только с тренера, хотя сборная Чехии показала блестящий футбол. Но я оговорюсь, если бы итальянцы были бы в начальном составе, то неизвестно, сумели бы они показать такую игру. Нашей сборной не хватило в этих двух трагичных матчах того, чем славилась всегда бывшая школа, — бойцовских качеств. То ли берегут себя профессионалы для локальных игр, то ли слишком надеются на мастерство, которого все-таки пока недостаточно. Нашей сборной забили в двух играх пять мячей и все — по центру ворот. Это говорит о проблемах центральных полузащитников, о полном проигрыше центра поля. Вообще-то странно, ведь уж кому-кому, а Романцеву, который в «Спартаке» и сборной очень грамотно организовывал стратегию разрушения атак на подступах к воротам через центр, нужно было позаботиться об этом. Правда, немецкая команда с появлением в нападении Клинсманна стала вообще, на мой взгляд, явным фаворитом чемпионата Европы. Да и итальянцев я не сбрасываю со счетов. Поэтому нашей сборной действительно попали в соперники команды, которые, вероятно, будут играть в финале (пишу это еще до окончания групповых турниров).

Не хочется, скажу откровенно, чтобы кого-то наказывали. После чемпионата снятие Романцева и назначение другого ни к чему не приведут. По-другому мы просто не сумеем сыграть и, думаю, еще долгое время. А поэтому дело, по большому счету, не в тренере, тем более, что и выбор невелик. Вот, полагаю, что Лобановский был ближе к истине, когда вез на чемпионаты сыгранную киевскую команду с небольшими добавлениями. Романцев же получил лучших игроков, но они не успели притереться друг к другу. А класс их еще не тот, когда один другого понимают с полузамаха, с кивка головой.

Конечно, в теории каждый силен, но вот как на практике создать жизнестойкую команду? Мне кажется, что нужно сначала привести в порядок то, что так влияет на команду — общая обстановка вокруг нее, в самой стране. Нервозность и скованность нынче были заметны практически, как и в советские времена. Будто генетический страх, поселившись в футболистах сборной России, говорит нам, что играла команда еще не свободной России, а только с элементами ее. Это нечто подобное тому, как говорили о нашем человеке, которого всегда узнаешь на улице западного города: озабоченность, ссутуленность, суета и беготня по магазинам. Вот так и игра нашей сборной: это — «беготня по магазинам», а не игра, хотя, естественно, никто из

игроков не в чем не нуждается.

Вообще нам теперь, как членам Европейского Союза, надо присматриваться к другим любимцам — итальянцам, немцам, португальцам… Может быть, они в большей мере смогут выразить наш футбольный комплекс? А что? А какая разница? Красота ведь вне границ. Тем более, что футболисты, как игроки сборной, так и вообще команд мастеров, отдалились от людей, закрылись на своих дачах, их можно видеть только на экранах телевизора. Они живут жизнью космонавтов и далеки от жизни людей — потеряна связь болеющих и играющих, а это ох как мало! К сожалению, команду не объединяет ничто. Раньше это был советизм в полном смысле слова — от коллективной игры до коллективной ответственности. Сейчас, когда внешне все это исчезло, на смену не пришло ничего такого, что могло бы как реактивной тягой потянуть команду вверх. И пусть даже это будет чисто эстетская идея типа — сыграть красиво, пусть это будет великая футбольная идея — сыграть так, как никто до этого не играл, но главное, чтобы эта идея смогла действительно создать команду, а не «одиннадцать футбольных надежд».

Определившись с четверкой, европейский чемпионат определился и с тенденцией развития футбола на континенте, как мне кажется, на ближайшие годы. То, что в финальную группу попали Англия, Германия, Чехия и Франция, говорит о полной победе прагматического футбола над романтическим. Хотя, конечно же, отдельные игры французов, немцев и особенно англичан были и с другой философией. К примеру, англичане, игравшие, как всегда, в традиционный футбол с серией точных передач в центре, а затем с высокодалеким прострелом от края к воротам, в надежде на игру головой, вдруг начинали играть в несвойственный им безоглядный футбол. Но это можно отнести на счет великолепного игрока Пола Гаскойна, «Газзы», как его по-свойски называют британцы.

В матче за выход в полуфинал небезынтересно будет понять, почему германцы победили хорватов со счетом 2:1, на мой взгляд, в конкретно данной игре хорваты были безусловно сильнее немцев, и только «своеобразная трактовка футбольных правил» шведским арбитром в пользу сборной Германии не позволила хорватам продвинуться дальше. И действительно, пенальти был назначен за случайное попадание мяча в руку, а не за умышленную игру рукой. И в то же время, когда защитник немцев грубо поставил блок, да еще с толчком руками в грудь нападающего, а ситуация была стопроцентно голевой, не последовало не только верного пенальти, но даже свободного удара. И таких моментов было масса. Можно понять, почему

сборная Хорватии ожесточилась до того, что ее игрока удаляют с поля за грубость. Хотя, конечно, если говорить биологическим языком, в фенотипе (в происхождении) германская сборная и классом сильнее, и авторитетом, но в генотипе, то есть в данной игре, хорваты должны были победить. Ведь игра в футбол тем и привлекательна, что в ней не всегда побеждает тот, кто заслуживает, а тот, кто, может быть, счастливее, удачливее. В этом-то и драматизм, это именно то, из-за чего люди ходят на футбол. Иначе, если бы заранее было известно, что победит сильнейший, зачем идти на стадион, да еще и переживать. Даже французы, которые обыграли голландцев, обыграли их не потому, что их что-то отличало в игре, а потому, что так легла фишка. А пенальти — это ведь чистая фишка, ибо по всем медико-биологическим данным ни один вратарь не может взять мяч, пробитый всего лишь с одиннадцати метров точно в угол, ибо нет еще такой реакции, да, вероятно, и не было, когда он смог бы взять мяч. Значит дело в том, разгадает вратарь или не разгадает, в какую сторону полетит мяч, и заранее, не нарушая, естественно, правил, бросится в его сторону. Если, конечно, это не заведомо киксующий, слабый удар бьющего пенальти.

Сейчас уже можно определить, помимо четверки лучших, и команды, которые заняли места во второй половине рейтинга, исходя из их групповых достижений. Итак, девятое место — Дания, десятое — Италия, одиннадцатое — Болгария, двенадцатое — Шотландия, тринадцатое — Швейцария, четырнадцатое — Россия, пятнадцатое — Румыния, шестнадцатое — Турция. Команды, которые расположились между пятым и девятым местами, а это — Италия, Голландия, Португалия и Испания, с таким же успехом могли бы быть в первой четверке. Но… при всей красочности и зрелищности, допустим, испанцев, португальцев и итальянцев, что-то все же помешало им.

Думается, а это особенно касается португальцев и испанцев, их техника владения мячом и техника разрешения ситуационных проблем была не на достаточной скорости и с недостаточно жестким напором в сторону нападения для того, чтобы забивать, и поэтому-то и победил, и побеждает, в общем-то, футбол разрушительный, а не созидательный. Хотя, конечно же, современный футбол требует как бы двуязычия в игре: с одной стороны, умения разрушать атаки, с другой стороны, строить их. Но что получалось на самом деле? Голландцы, португальцы и испанцы были очень хороши для болельщиков, а остальные победители — для результатов. Командный футбол идет уверенно вперед, лишь изредка давая нам удовольствие наблюдать за великолепием личности — Клинсманна, Ширера,

Альфонсо…

Теперь немного об открытии чемпионата — чехах. Оказывается, не нужно иметь великую державу величиной с 1/6 часть света для того, чтобы по-настоящему играть в футбол и — самое главное — добиваться результатов. Пора успокоиться и не вздыхать и не охать: ну как же так, 150 миллионов, и не можем найти одиннадцать классных игроков? А дело, оказывается, не в массовости. Мы до сих пор еще в плену физкультурных представлений перед уровнем мирового футбола, где одиннадцать игроков, лучших в мире, могут быть и в стране с населением в 11 мужчин. Все дело в том, что мы до сих пор размазываем огромную массу денег по огромной тарелке, а надо бы эту массу вложить в такое количество, которое смогло бы выделить именно этих одиннадцать. Если сравнить, сколько вкладывают профессиональные западные клубы в игроков, начиная с их малолетнего возраста до выпуска в высший свет, то мы окажемся на одном из последних мест в мире. И все наши неуспехи растут именно отсюда. Мне кажется, что нужно иметь несколько по-настоящему профессиональных клубов, но от самого начала до конца, а не перетягивать за средние деньги средних футболистов из команды в команду.

Чешская сборная действительно показала совершенно необычный футбол. И все, вероятно, потому, что перестала ориентироваться на восточный футбол, предпочтя ему западный. Сюда входит и то, что многие игроки чешской сборной, играя в зарубежных клубах, сумели найти ту самую идею, которая сплотила их для столь внушительных побед. А это действительно великая идея, когда ты чувствуешь себя игроком сборной совсем невеликой страны, невеликой, конечно же, в ироническом смысле, и в то же время есть возможность «вставлять» таким грандам, как Италия, Германия, Португалия, ну и, конечно же, Россия. Несмотря на представительность четверки, которая даст нам чемпиона Европы, мне все-таки жаль, что в ней нет сборной Италии. Во всяком случае, я не хочу обижать сборные Франции или Германии, но с участием итальянцев, которые только благодаря глупости Арриго Сакки не прошли дальше, игра полуфиналов и возможно даже финала была бы с большим оттенком южной пластики, южного темперамента, азарта, того, без чего футбол все-таки являет не слаженную машинерию, а именно, великое **искусство**.

Плакали чехи, плакали германцы, плакали болельщики — кто от досады, кто от радости, но все участники этой эпохальной драматической игры, по-моему, были глубоко счастливы, ибо они вершили историю, скрутили еще один венок на голову

победителю — его величеству Футболу. Да что говорить, финал удался. В нем было все — интригующее начало, затем выравнивающее продолжение и, наконец, — герой, который может появиться только в таком матче — финальном, на «Уэмбли» — Бирхофф, забивший сначала один — ничейный гол, затем золотой… Хотя первый тайм не предвещал такого второго. И надо сказать, что чехи двигались быстрее, немцы выглядели уставшими… Лучшими на поле были вратари — Кепке и Коуба. Действительно же играть через три дня на четвертый в таком неимоверном напряжении немыслимо. Да еще и побеждать. Вот тебе и морально-волевые качества, которыми всегда кичились советские и пытаются русские футболисты. А чехи и немцы? У них это называется по-другому — профессионализм. Если ты не будешь таким, значит, не профессионал. И все тут. Немецкая команда еще раз показала себя как команда, которая, начиная как бы неважно, прибавляла от матча к матчу, самонастроилась, регенерировала, несмотря на жалобы Берти Фогтса о госпитале в его команде. Это удивительное качество, которым, по-моему, в современном футболе обладает только сборная Германии. Одни клетки погибают, другие берут на себя их функции. Не смог в полной мере проявить себя Клинсманн, тут же появился футболист, вытянувший команду в чемпионы и самого себя в герои и звезды, — Бирхофф. Чехам, вероятно, легче досталась победа над французами, они в первом тайме были свежее и все время терзали немцев, бросая вперед Поборского, пенальти за которого был все-таки сомнительным. Может быть, если бы его не было, сборная Германии так и не расшевелилась бы, но это еще раз говорит о ее внутренних резервах. После тяжелейшей игры со сборной Англии, в которой, на мой взгляд, англичане были сильнее, и только невезение в моментах, когда должны были забивать Гаскойн и Ширер, да и в серии пенальти, привели немцев к победе. Хотя, по правде говоря, Англия и Германия могли сыграть этот матч и в финале, если бы не появились дерзкие чехи и не стали по праву финалистами. Обе команды показали современнейший футбол — скоростной, техничный, командный и в то же время индивидуальный. Четко построенная оборона и одновременно быстрый переход к острой, голевой атаке. Мы чаще восхищаемся игрой нападающих — она на виду, она на «пере у творца», а вот защитников не видно, они медленно, как бурлаки, тянут свою лямку, подчищая, подстраховывая, начиная точными пасами из глубины все новые и новые волны атак. Обе команды сразу же так вошли друг в друга, что поначалу, казалось, они так и будут грызться — в клинче. Персоналка мучила каждого, и только чех Поборски время от времени

отрывался от опекуна. Гол все сломал и заставил немцев забыть о жестокой опеке и броситься забивать, что они и сделали. Командная игра их состоялась опять, ибо каждый сам по себе бился за каждый квадратный сантиметр, и Бирхофф, только что забивший гол, уже на линии своих ворот работает как защитник, в подкате выбивая мяч у нападающего на угловой. Принцип мушкетеров — один за всех и все за одного — у них доведен до корректного совершенства. Всем было видно, что Клинсманн был не совсем готов и кое-где, как говорят футбольщики, убирал ножку. Но никто не посмел упрекнуть его, что другие ставили свои ноги там, где должна была быть нога сотоварища. А его игра и на таком уровне, само его присутствие на поле вселяло дух полноценности. Это то, чего нашей сборной недоставало всегда, хотя по идеологии это качество присваивалось им, как чисто нашенское изобретение — взаимовыручка, старание, жертвенность. Мы просто забыли, что эти качества вечно фигурировали в табелях о рангах нормальных цивилизованных отношений. А наш паровоз, верней, велосипед, все еще скрипит об уникальности российского пути. Да полноте, господа, успокойтесь, учитесь у мира, пока не поздно, и не слушайте наших заливистых комментаторов, которым бы самим поучиться культуре ведения репортажей, а не нести всякую чушь, которая только и попадается под язык, и все — ох да ах, и чего было бы, если… И ведь странно, многие из них когда-то и сами играли в футбол, и откуда такое непонимание, чего нужно фанату у телевизора, — спокойно и шумно, но говорить, от кого мяч ушел и к кому мяч пришел, да и номера называть с фамилиями. Так нет же, все гордятся какими-то ударами наших, чуть не попавшими в угол, и, что уж совсем постыдно, в самые драматические моменты воистину большого футбола десять раз напоминать о том, что скоро начнется чемпионат России, скоро, как только вот это безобразие кончится…

А сыграли все прекрасно — и английская королева, и Коль, и Гавел, и Мейджор. Чемпионат Европы-96, по-моему, стал заметным явлением международного футбола, особенно по сравнению с чемпионатом мира в Америке двухлетней давности. Он дал больше ярких, незабываемых игр, игроков, хотя и не сталкивались футболы совершенно разных школ — бразильский, к примеру, и голландский, не закручивались в узел позвоночники защитников от финтастых аргентинцев. В целом осталось впечатление от чего-то живого, мощного, страстного и драматического, подчеркиваю — драматического, ибо в футболе не может быть трагического — это все-таки игра, которая стоит мессы, но в ней не надо гибнуть за металл. И хоть мы и называем

футболистов современными гладиаторами, это далеко не так — здесь, к счастью, дерутся, как в мальчишестве, до первой крови. Нововведение — играть в случае ничьей до «золотого» гола — мне понравилось. Но философами футбольной игры, по-моему, пока еще не найдено достойного решения проблемы окончания матча в случае ничьей. Об этом надо думать. Это очень серьезный стресс, слом, если хотите, когда вся игра зависит от умения не одиннадцати игроков, а вратаря и бьющего пенальти. А то, что я, как многие сейчас, бросаю камешки в сторону нашего футбола, так это от обиды, что на финальном празднике «Европа-96» нас не было. И самое главное — дело не в критицизме, не в ненависти к родному, когда, как говорят, и лежачего не бьют. Дело в том, что я на всю жизнь запомнил фразу Белинского: «Тот, кто любит свою Родину, должен особенно ненавидеть ее недостатки».

Наташка пила по-черному уже третий день, до этого она металась на своем красном жигуленке по городу от знакомых к знакомым и всюду искала Адамчика. Он пропал, вероятно, запив где-то. Она не могла без него и знала все его норы, где он мог прятаться от света и пить между играми. Он был старшим тренером команды второй лиги, и довольно успешным. Но привычка… Когда они поженились, то он был уже известным футболистом, но зажигал крепко. Наташка жалела его, видела, как он опускается на глазах. В компаниях она выпивала частенько вместо него, чтобы уменьшить удар, причитающийся ему. Вот так оно и вышло, что он стал со временем контролировать себя, а она стала срываться и срываться. Росла дочь, и все это было на ее глазах. Адамчик переживал, но сделать с Наташкой уже ничего не мог. Она срывалась покруче любого мужика, и в ход шло все — рестораны, гости, загулы с другими мужиками. Адамчик тренировал команду недалеко от Минска, в Гомеле. Временами она все-таки останавливалась, приводила себя в порядок и все еще сверкала красотой породистой блондинки с длинными колотухами на всегда модных корочках. Дочка росла под стать ей, любила компании с долгими посиделками. Дамой Наташка была авторитетной для небольшого города. По специальности инженер, она имела хорошее место в лучшем КБ, куда Адамчик устроил ее еще в пору своей футбольной играющей славы. Но время, распад друзей, исчезновение покровителей сделали свое дело — после одного из запоев она вылетела с этой работы и не устроилась уже никуда, живя на то, что приносил футбольный муж. Никто не мог остановить ее. Она в нормальном состоянии говорила, что это ерунда и что может бросить в любой момент и что тоска по мужу,

который все время где-то зарабатывает деньги, толкает ее к стакану. Адамчик понимал, что с ней уже не справиться, и больше всего боялся за дочь. Каждый раз, когда он возвращался домой, он осторожно открывал дверь своим ключом и видел с ужасом то компанию жены в диком подпитии, то компанию дочки — покуривающих, надменных юношей, не обращающих на него внимания. Адамчик разгонял всех, ставил на рога дом, отвязывался на дочку, на жену, укладывал их спать кое-как, сам на кухне в тоске раздавливал пузырек на ночь и засыпал на кухонном диванчике. Утром он пытался собрать всю семью и вместе провести целый день. Но у всех были уже свои интересы. Он видел, что все уходит из его рук; чем лучше сыграла его команда, тем хуже становились дела семейные. Это было выше его сил, и он срывался сам. Благо его любили в команде и начальство многое ему прощало, когда к тому же еще и команда была на выходе в первую лигу. Он опять и опять уезжал в Гомель, а слухи доносили все больше и больше о выступлениях его жены. Стали поговаривать о его восемнадцатилетней дочке. «Ну, блядь, приеду домой, такое устрою, старую — в дурку, пусть лечится, а молодую заберу с собой, пусть живет со мной под присмотром отца». Так тянулось почти всю осень, команда заняла первое место и вышла в первую лигу. Адамчик был счастлив. Его невысокий рост, знаменитость в прошлом и успех в настоящем делали его каким-то беззащитным победителем; его все любили, двери перед ним открывались повсюду. Но черная мысль глубоко засела в его существе — Наташа и дочь. Что делать с ними? Там все катилось под откос и он, победивший на всех футбольных полях, перехитривший всех судей и заработавший хорошие бабки, не знал, кому это все принести, чтобы порадоваться. Дочку это не интересовало совсем, жену уже не интересовало, и он все больше и больше понимал, что несмотря на все победы, главное он проиграл и проигрывает — дорогих ему по большому счету людей — дочку, которую он любил безумно, несмотря на ее презрение к нему, ну и, конечно, Наташку, с которой он так много протопал и которая его все-таки вытащила. После последней игры чемпионата Адамчик затарился подарками и стал подгребать на своей «шестерке» к Минску. Осень стояла сухая, чистая, дорога была почему-то пустой. Он быстро добрался к подъезду своего дома. Поднял голову на освещенный вовсю девятый этаж с его квартирой, и что-то нехорошее прошлось по всему телу. Поднявшись на лифте и повернув ключ в двери, он вошел к себе домой. На столе был бардак из полупустых бутылок и каких-то закусок. Он распахнул дверь в комнату жены. В дупел и ну пьяные два голых человека мужского и женского пола, одним из которых

была Наташа, пытались трахаться, но ничего у них не получалось и они страшно матерились из-за этого. Адамчик рванулся в комнату дочери. Она сидела голая сверху невидимого мужика. Из-под нее торчали только его несуразные ноги. И у нее-то получалось все. Она повернула навстречу вошедшему свое юное размытое лицо, и оно лишь слегка изменилось. Адамчик вышел в большую комнату, быстро слил из двух бутылок стакан водки, мгновенно вогнал его в гортань и подошел к окну. Ударом ноги он распахнул его. Затем отошел в глубь комнаты и с разбега вылетел с девятого этажа, увидев на долю секунды испуганное лицо дочери и низкие крупные звезды на черном небе.

«Удар неправильный, а гол правильный». Была такая поговорка между нами — не знаю, существует ли она сейчас, но суть выражает точно, хотя кто из нас живет по сути? Почти все против нее. Так и бедный Адамчик, взлетевший над миром подобно шагаловским героям в белорусское небо, разгребая звезды руками, пробивается к сути с другой стороны, ибо правильный гол или голы привели его к неправильному пути — он пройдет это, возвращаясь, и вернется туда, где его будут ждать жена и дочь и прислушиваться к щелчкам поворота ключа в двери родного человека.

Летом шестьдесят пятого года в Москву прилетела сборная Бразилии. После чемпионата мира в Швеции команда бразильцев стала легендарной и не столько из-за того, что она стала чемпионом мира, а столько из-за того, что играли там совершенные гении футбола, такие как Пеле, Гарринча, Сантос. Приезд в Москву на одну товарищескую игру для фанатов и для футболистов стал знаменательным явлением. Более того, все футбольные команды мастеров класса «А» вне зависимости от того, где они находились в поездках по чемпионату, должны были вернуться в Москву и полными составами наблюдать игру бразильцев с трибун с целью изучения. На этот счет даже постановление Федерации было, ибо помню, что я в составе московского «Локомотива» прилетел всего на один день из Баку, где мы готовились к очередной игре с «Нефтчи».

Билетов на игру, конечно же, не было, но у футболистов были свои способы проникновения на стадионы. Так что я спокойно, взяв с собой любимую, двинулся в Лужники. День был облачным, и в руках возлюбленной был зонтик, в моей руке — книга, знаменитая в то время «Брат мой — враг мой». Народу навалило видимо-невидимо, в проходах началась давка. Я понял, что на свои места не сесть, и начал устраиваться, где попало, и в этот

момент с верхних ступеней на нас навалилась толпа, нас смело и понесло на других. Помню, что кое-как мы вырулили, но из рук, как потопом, унесло все — зонтик, книгу, газеты… Стадион в Лужниках был переполнен тысяч на двадцать — болельщики сидели на головах друг друга в прямом смысле.

Собственно, почему я вспомнил эту игру. Нет, не потому, что я был восхищен игрой бразильцев, а потому, что для меня в этом матче играли два человека, два выдающихся футболиста — Пеле и Валерий Воронин, судьбы которых очень показательны: как смог справиться со своим талантом один и как не сумел другой… Хотя в футболе Воронин сделал, пожалуй, все, предназначенное ему Богом, а в жизни… Но сначала немного о матче.

Я бы не сказал, что увидел лучшую игру двух команд, одна из которых была чемпионом мира. Просто обстановка была приподнятая, особенная. Эйфория сделала удивительную аберрацию — казалось, что все, даже наши, играли лучше чем всегда. Но именно с той поры вошла в футбольный народ знаменитая поговорка, сказанная якобы бразильцами перед игрой: «Мы забьем столько голов, сколько захотим, а русские — сколько смогут».

Меня лично интересовала дуэль Пеле — Воронин, поскольку Воронина специально выделили в персональные опекуны для короля футбола. И у Воронина были все данные для этого — он, как известно, играл умело как в атаке, так и в защите. Да и по статусу не так уж плох — неоднократный игрок символической сборной мира на месте полузащитника. Но дуэли не получилось, потому что и Пеле, и Воронин сыграли прекрасно и хорошо, несмотря на то, что Арантес Ду Насименто забил два гола. Дело в том, что Пеле, как и подобает гению, делал все немного раньше — раньше успевал к мячу, раньше пробивал, раньше отдавал, раньше стартовал… Воронин пластался, часто блокировал Пеле, но все же в нужный момент, в момент равновесия, когда и великолепный Воронин был уже на последних, Пеле вдруг прибавлял и выигрывал ситуационный момент. В этом была вся загадка гения Пеле — он принимал уровень каждого игрока, кто играл против него, но в момент уравнивания он прибавлял всего на доли скорости, мастерства и если нужно было еще сверх того, прибавлял еще — у него не было верхнего предела прибавления. Это до сих пор остается для меня его загадкой, за счет чего, — иногда это казалось за счет физической одаренности, иногда за счет приобретенной на пляжах Копакабана техники, иногда за счет невероятного какого-то стимулятора, хотя это, конечно, бред, Воронин, если и проиграл ему, то только за счет корректности, уважения к Гению футбола: он ни разу не повалил

его, ни разу не зацепил его, только мило извинялся и отряхивался сам, отряхивая Пеле. Это было очень показательным для Воронина. Он был, пожалуй, самым элегантным игроком нашего футбола, начиная от того, каким он появлялся ухоженным на поле и каким я его видел приезжающего в Центральные бани после игры на следующий день. Черная сверкающая «Волга», черный переливающийся костюм с белой нейлоновой модной тогда сорочкой и галстуком в жилу всему, да еще со слегка набриолиненным пробором ярко-черных волос посередине — он был красавчиком, он был любимцем. И по делу. Таких было мало. Практически не было. Он был идеалом. Были игроки, игрочилы с пороками, с червоточинами то в поведении, в жизни, то в игре, но их тоже любили, подражали, косолапящей походке Юры Севидова, сибаритской внешней развязности Гусарова и Понедельника и даже приносящей плоды корявости Вшивцева и Бурлачкина… Но Валерий Воронин был идеалом. Кстати, он умел красиво проигрывать, я это понял, когда защитники западных команд, в частности ФРГ, преодолев барьер обожания Пеле, начали просто убивать его на поле, после чего он и покинул большой футбол. И вот здесь я оценил еще одну черту великого Воронина — жертвенность: он не хотел строить свою игру и карьеру на унижении великой красоты и таланта. Пожалуй, эта черта и сыграла роковую роль в его дальнейшей судьбе, ибо Пеле, уйдя из футбола, двинул линию своей жизни все вперед и вперед, то играя за американский клуб «Космос», то снимаясь в кино, то тренируя средние клубы, то подвизаясь на поприще министра спорта и популяризатора кофе имени себя, а Валерий Воронин принял жизнь как данность, как жизнь совка, обрушившегося на него всей своей чудовищной силой, где не было ни космоса, ни министерства, ни кофе «Ворон…» Была только шашлычная на Автозаводской, собутыльники, любовь, сострадание и разбор, разбор игры вечный о том, что можно было все переиграть. Заставить себя быть равным с теми, кого он, в сущности, презирал: работники Федерации, хреновые тренеры, игроки хреновеньких денежных команд, — он не мог — прекрасная белая кость, белое офицерство среди красной швали футбола не позволили ему опуститься до плебейского футбола. И в то же время он позволил жизни опустить себя до плебейства очередей за зарплатой на автозаводе, возле которых он молча стоял, глядя под ноги, и получая подачки от работяг.

«Слышь, да это же Ворона, ты что забыл, блядина, брось червонец, Паскуале, ну сломался человек, тебя завтра тоже отоварят по балде, так надо же входить в ситуацию, стебанок…» Так образно говорили рабочие автозавода, собирая деньги для

Воронина, которые он туг же спускал с любым подошедшим к нему… Что же случилось, почему другие, не все, но смогли устоять? Уникальный случай и в то же время обычный, ибо даже если судьбу Валерия Воронина проморгали, то что уж говорить о десятках футболистов рангом меньше, кстати, у тех хоть была степень собственной самозащиты, самопостроения, здесь же полная открытость, недоумение, удивление собой и миром в себе — жизнь так нужна какому-то шурупу для какой-то гайки и поэтому они нужны жизни. А я, который обладаю невиданным умением и нужен сотням тысяч, теперь уже не нужен никому. Не знаю. Наверное, врут, кто говорит, что он сломался психологически после аварии. Невероятно, он был слишком сильным человеком. Очень, вероятно, виноваты мы все, все его окружение, вся порочная система футбола, если такие ребята, как Воронин, уходят из жизни в то время, как его годки, чуть, может быть, талантливее, рекламируют растворимый кофе из Бразилии…

А что, собственно, случилось? Всего лишь в двадцать восемь лет он ехал по Рязанскому шоссе от матери в Москву на собственной «Волге». Задремав под утро за рулем, он врезается в блуждающий МАЗ, и в Склифосовском его собирают по частям, спасая жизнь. Лицо настолько изуродовано, что применяется пластика. Он спасен, он реконструирован врачами, но лицо его слегка неузнаваемо. Через полгода, в 29 лет, новый Воронин выходит на поле и играет за «Торпедо» еще полгода довольно успешно, но… Вот это наше отношение, всюду в мире оно работает на твое восстановление, ибо Запад знает, что такое пасть и восстать вновь. Совки этого не знают и не признают — либо ты с нами живешь, либо ты с нами умираешь, третьего не дано. Свист, плевки, косые взгляды. И он уходит. И все вокруг с этим соглашаются! Соглашаются — вот что ужасно и вот что преступление! Нет, ни в коем случае не отпустим! И создаются условия, климат вхождения в новую жизнь через команду, а не через пьянь и шашлычную. И может быть, потом отпускается на волю человек, который олицетворял собой «Торпедо» и советский футбол.

Но разве этим титулованным засранцам до судьбы единого человека, даже если он — Валерий Воронин. Да плевать, у нас таких… Да вот нет у вас таких как Ворона, как Стрелец, как Число, как Гусар, как Козел, как Анюта, как Метр, как Блоха, как Муня, как Масло, как Красный, как Быша, как Слесарь, как Фанера, даже как Вшивый, как Реко, как Гиля… Нет. И не будет. Будут другие, но таких как эти — никогда. Единственные и неповторимые. Плевать, неповторимых нет, если неповторима

система, то других не может быть — она воспроизводит себе подобных, и поэтому мы будем жить вечно. Но жизнь многообразна, и она отрицает тоталитаризм в природе. Поэтому другие играют в другой футбол, но я не уверен, что в лучший. Потому что, когда я смотрю на футбольную игру, я вижу высокого полузащитника с пробором посередине красивой головы, мне видится лицо Валерия Воронина — красивое, правильное, молодое и в то же время искаженное пластикой хирурга, пластикой боли. И еще — чашечку кофе «Пеле» с дымящейся струйкой, колеблющейся над черным кружком сладкой горечи.

После той знаменитой игры в Лужниках мы долго топтались у метро «Спортивная». Вдруг у одного солдатика я увидел в руках мою книгу «Брат мой — враг мой» и воскликнул: «Так это же моя, я потерял в толпе!» «Возьмите, — сказал он и протянул мне, — я нашел». «Слушай, а зонтика ты не находил, парень?» «Не-е-е», — протянул он, и мы расстались.

Итак что-то мы потеряли и нашли, что-то потеряли и не нашли. И все — из разряда великого. Я смеялся, любимая всплакнула. Хотя все могло быть наоборот.

Футбольные пиры закатываются спонтанно, вспыхивая по золотым стаканам шампанского с коньяком и перерастая в пожары поездок по домам, ресторанам, в приливы любви, откровений и заканчиваясь наутро тяжелым блевонтином, головной болью, раскаиванием и относительным временным затишьем в спорах с алкогольным бесом. Игра молодого и здорового организма и игра винно-водочных изделий, где мы всегда проигрывали, но сам процесс восхитителен — ведь это не просто пьянки — это всегда новые люди, женщины, знакомства, не всегда драмы, зачастую приятное общение с людьми, которые тебя знают и, как ты думаешь, уважают. Но назавтра, если ты будешь возить тачку на поле, они же припомнят тебе все. Единственно, кто был с нами всегда, это те, кто были сами примерно такими же для коммунистов — из развлекательной сферы, вся, как они резко выражались, эта шелупень, необходимая для отвлечения народа от политики. В эту «шелупень» попадали иногда и такие люди, мизинца которых они сами не стоили. Однажды мы загусарили питерской зимой. Нас было, по-моему, человек пять или шесть футболистов «Зенита», и двинулись мы, уже хорошо датые, в питерский ЦДРИ. Там встретили Кирилла Лаврова, истинного почитателя зенитчиков. Он сказал: «Сейчас, ребята, поедем… я тут кое-что закончу», — и потащил нас в зал, где проходил юбилей Юрия Толубеева и все

актеры его чествовали. Кирилла Лаврова не было видно, но, когда дело дошло до подарков, то прозвучал сильный хлопок и голос Лаврова из-за кулис произнес: «Вот с этим подарком, уважаемый Юрий… вы точно проживете до ста лет». На сцену вынесли мешок с чем-то живым внутри. Толу беев сам развязал его, и оттуда вышла совершенно обнаженная девица. Мы были в восторге от такой смелости и, не успев посмеяться со всеми, были захвачены Кириллом, который по-детски вопил: «Ну все, я свое сделал, поехали, хотя мне еще дадут за это…» На двух такси мы пробирались по лабиринтам Питера, наконец вышли у старинного отёчного дома, и Лавров потянул нас на второй высокий этаж, там он выстроил нас почти в линеечку и показал на губы, мол, — т-с-с — и нажал на кнопку. Дверь приоткрылась и радостный женский голос спросил: «Это ты, Кирюша?» — «Да, да, я». Дверь отворилась, и перед нами предстала высокая женщина, которая, видимо, долго ждала его, в глубине квартиры виднелся накрытый стол со свечами. Кирилл Лавров показал на нас, шатавшихся, и сказал: «Это я и весь мой «Зенит», прости». Мы кутили до утра.

Есть команды и были, в которых, несмотря на жесткие игры на поле, в жизни дружили почти все между собой. Такое было в конце шестидесятых между харьковским «Металлистом» и «Таврией». Виктор Аристов, Андрей Паскотин, Геннадий Орлов были нашими друзьями. И вот я решил после одной из игр принять их у себя дома. Стадион в Симферополе был совсем рядом с моим домом. Харьков тогда сгорел нам 1:2. И вот, несмотря на проигрыш, в моем доме собралось человек двадцать из обеих команд, мать моя готовила крымские блюда гениально — чебуреки, баклажаны, коньяк и водка — все пошло в ход. Музыка гремела на всю улицу, у окон останавливались люди и заглядывали внутрь — было интересно, как гуляют футболисты. Вскоре появился карлик, друг нашей команды, аккордеонист, и его друг, ресторанный сакс. Это было чудо. Такого отрыва я больше не помню. Все были на подъеме. Юра Зубков то и дело поднимался на стол и оттуда исполнял со слезой в голосе и в глазу «Пару гнедых», разводя при этом театрально руками. Это было братство футбольных людей, понимающих друг друга, знающих другу цену и знающих кратковременность этой радости. Отсюда — всё на такой остроте, на такой нервной ноте. Геша Орлов, тогдашний силовой и техничный форвард «Металлиста», почему-то всплакивал. В общем, шла разрядка. Наконец, все вспомнили, что пора ехать в аэропорт. Друзьям пора было улетать домой, а нам через день на выезд в Саратов. Добравшись до самолета, мы узнали, что рейсы откладываются до утра, и продолжали до утра, и никакая милиция, никакая дружина нас не

трогала. Правда, все время кто-то куда-то пропадал и мы искали его все вместе, находя, конечно же, рядом, в лавровых кустах. Наконец, самолет улетел, и мы поехали отсыпаться. Наутро мы собрались в гостинице, чтобы оттуда уезжать в аэропорт. Я сразу заметил, что нет Валеры Захарова. Бросив сумку Юре Зубкову, я помчал на такси, предупредив, чтобы за нами заехали. На подъезде к дому я увидел открытое окно Валеры и все понял. Я не отпускал звонок минут десять. Наконец дверь открылась. В ней стоял совершенно голый лучший полузащитник «Таврии». — «Все, я никуда не поеду, хватит, наигрался, Санек. Скажи всем, что я завязываю, что заболел, птичья болезнь — перепел». «Да, мы решили завязать с футболом», — из-за его спины раздался пьяный женский голос. Я вошел в комнату и бросил голую телку на кровать, дал ей выпить стакан водки, затем посмотрел на улицу — там, постояв еще минуту, качнувшись, «Икарус» пошел мягко на аэродром. Я схватил в охапку Валерку, как я его называл в такие моменты — тряпичного, и, втолкнув под холодный душ, начал собирать сумку — бутсы, костюм, носки, гетры… Смотрю, эта тварь голая опять возникает со стаканом и лезет в душевую. Я ору и одеваю мокрого Валерку, даю немного водки, надеваю черные очки на его синее лицо, захлопываю дверь, и вот мы уже катим в аэропорт. Валера кое-как отходит, но еще совсем плох. Правда, молчит. Я вижу, что самолет уже заканчивает рулежку перед взлетом. Я бегу к диспетчеру и объясняю ситуацию. Самолет приостанавливают, дают нам машину, подвозят к люку и на руках втягивают в чрево самолета. Все смотрят на нас, мы молчим. Тренер Володя Юлыгин все понимает, но смотрит в иллюминатор и вдруг спрашивает спасительное: «Что, опять забыли время отлета? Еще поговорим». Валерка почему-то лепит горбыля: «Да нет, Михалыч, телеграмму отбивали в Саратов, чтобы два очка встречали», — и плюхается в кресло. И вырубается. И спит все четыре часа полета до Саратова. Через три дня игра. Валера на поле лучший. Вырываем очко на выезде. Конечно, все прощается. Ах, Валера, Валерчик, как тебя не хватает сейчас. Ты всегда был доказательством того, что все это было с нами и было всерьез. А сейчас я становлюсь все больше и больше человеком без своей истории. И что это за история такая и чем здесь можно похвастаться, могут спросить?

Что ж, какая есть, зато честная, страстная. История моих бедствий.

Сколько раз меня выручал футбол, не сама игра, а то, что я был футболистом. Как-то я сидел на футбольном матче «Таврии»,

не помню с кем. Ко мне подсела знакомая, работавшая тогда в обкоме машинисткой, и срывающимся шепотом поведала, что утром на планерке выступал с политинформацией подполковник КГБ. Он рассказал, что в Ялте была изъята у иностранца на таможне винтовка с оптическим прицелом, в нейтральных водах был выловлен шпион на надувном матрасе и, наконец, она совсем тихо заговорила, в областном центре действует поэт, тесно связанный с московскими дантистами. Да, да, дантистами, так абсолютно точно сказала она и смылась под шорох семечек. «Опять, — подумал я… — Ну что им от меня нужно? С какими дантистами?» По звучанию это слово напоминало и «диссидентов» и «авангардистов». А я действительно был близок с московской писательской элитой и не скрывал этого. Встречался с ними и в Москве, и в Крыму. Это были и есть Василий Аксёнов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Аркадий Арканов. В те годы, по возможности, при их визитах в Крым мы выступали вместе, и это было лестно, что они принимали меня. Но кое-кого это и раздражало. Ведь в те годы у каждого из них была своя позиция и они одновременно как крупные художники были и авангардистами, и диссидентами — так их воспринимала правящая верхушка, и при всем желании им вредить было трудно, а вот «братьям меньшим» нервишки можно было и попортить.

Конфликт Аксёнова с властями привел к тому, что он уехал в Америку читать лекции и получил удар в спину — его лишили гражданства. Как раз лето перед его поездкой мы провели в Коктебеле в очень близком общении. Он писал тогда «Остров Крым», в минуты отдыха мы бродили вместе по горам, купались, и мне смешно было смотреть, как Вас. Палыч лежал на пляже с боковыми штатными наблюдателями, под перекрестным огнем их взглядов. Я их знал визуально по Крыму с детства. Два майора тогдашнего ГБ загорали на работе и следили за всеми нашими шагами. Господи, да что могли мы сделать и чем же они занимались, если при резком броске в жаркое море Аксёнова они вскакивали так, как будто он в броске уже достигал Турции. Кстати, прошлым летом я опять отдыхал в Коктебеле, впервые после 79 года, и встретил Жору Мельника, моего дружка детства, в дальнейшем игрока «Таврии», теперь художника, замечательного парня, который в то лето тоже тусовался с нами, поскольку приехал навсегда в края Волошина и стал сразу частью богемы. Так вот, раньше он не имел возможности мне это рассказать, но то, что он поведал, потрясло меня — оказывается, в лето-79, когда мы пьянствовали сухое вино на пляжах лазурной колыбели во главе с Аксеновым и болтали о чем угодно, но

только не о паскудной советской власти и вонючей политике КПСС, бедного Жору Мельника каждый вечер гэбэшники увозили на уазике далеко в горы и, направляя свет прямо в лицо, допрашивали часами — о чем они говорили, какие имена называли, к чему готовятся, заставляли его дать подписку о неразглашении… Боже, боже, какой бред, у них действительно не было больших врагов, чем литераторы? Жора до сих пор не может понять, за что его пытали тогда, да и вряд ли это можно понять здравому уму. «Знаешь, — сказал я, — буду поить тебя неделю за то, что ты пострадал из-за дружбы»… Но Жора не так прост. «Нет, это я тебя буду поить, и, может быть, по пьянке ты расколешься, из-за чего тебя и твоих дружков так выслеживали». Увы, ни по пьяни, ни по трезвянке в этом не разобраться. Но вернусь к тому, что меня причислили к «дантистам». Так я понял, что это будет новый виток доставания меня, а делать это они умели иезуистически точно, доводя обстановку вокруг тебя до того, что, если вызывали в ЖЭК, то ты думал, что это вызывают в «контору». Или, встретив на стадионе, где я поигрывал за ветеранов, они могли тихонько шепнуть: «Ну что, сердчишко пошаливает, скоро добавим» …Или вдруг в местной прессе появлялась статейка о том, что не туда ведет «Подземный мост» (так назывался сборник моих стихов), или, в конце концов, в ОБХСС заводилось дело из-за того, что ты якобы, работая тренером заводской футбольной команды, продал все трусы, мячи и футболки с целью обогащения, и надо было всерьез доказывать свою невиновность. И когда миллионы сантинервов тратились на доказательство, и когда я уворачивался и от этой чуши, то кроме мата на их рожи я уже ничего не мог облокотить. Тебя же успокаивали, боясь шума, и просили признаться хотя бы по минимуму, что ты — мещанин… «Да, да, я мещанин, — срывался я, — но идите вы все на х…» «Футболистом был, человеком был, а сейчас…» — махали ручонками они и на время оставляли меня. Как раз тогда я поехал на съезд писателей в Киев, где после торжественных заседаний был большой поэтический вечер украинской поэзии. Я не знал, что читать. Решил все-таки прочитать какую-то лирику. Однако, когда я услышал, как украинские поэты своими виршами про хатынки и чумацкий шлях замучили огромный битком набитый Октябрьский зал (сейчас, наверное, имени С.Бендеры), я мгновенно решил прочитать, уже идя к микрофону, стихотворение «Памяти футболистов киевского «Динамо»», посвященное знаменитому матчу во время войны. Я прочитал его, и к удивлению оно прошло здорово. Зал долго аплодировал, но самое главное — вдруг включили свет, это значит, снимало телевидение, и я увидел лицо Щербицкого, сидевшего прямо

напротив меня в затемненном зале, он аплодировал тоже. Известно, что Щербицкий был в те годы тайным покровителем киевского «Динамо». Всё, после этого вечером я уехал домой, в Крым, и выключился на пару дней, даже не смотрел телевизор. И вдруг встретив через несколько дней в центре города кого-то из начальства, по инерции сворачивая в сторону, чтобы избежать неприятных разговоров, я вдруг увидел, что начальник-то упорно идет на меня. Чеканным партийным голосом он сказал, пожимая мне руку: «Поздравляю, ваше творчество получило высокую оценку Первого секретаря ЦК Украины Щербицкого, поздравляю еще раз, — таинственно и почти секретно шепнув на прощание, — вам станет полегче, знаю, что наш первый выходил на госбезопасность, был серьезный разговор…» О чем они там говорили, не знаю, но я заметил, что примерно на год меня оставили в покое до очередной кампании по проработке инакомыслящих — так они называли людей, которые просто пытались думать… И каждый раз приходилось чем-то прикрываться — то рецензией на книгу в Москве, то публикацией там же, но чувствовалось, что давили, однако не додавливали — рука как бы слабела. Хотя, скорее всего, ты им и нужен был на своем уровне для военно-патриотической игры, после которой они ставили галочки где надо и, возможно, получали повышение по службе. А Щербицкого я все-таки увидел еще раз в своей жизни крупно после той передачи по телевидению. Однажды под вечер в темнеющих каштановых аллеях я спешил на стадион для своего обычного кросса. Рядом со стадионом была спецдача, где принимали самых высокопоставленных гостей. Я сделал уже шаг на асфальт улицы, как вдруг прямо передо мной выросло в толстом пуленепробиваемом стекле лицо Щербицкого. Оно неслось на меня в тяжелом с просвинцованным передком ЗИЛе и улыбалось, конечно же, не мне. Только футбольная реакция позволила мне шагнуть назад, отскочить. Кортеж лоснящихся черных машин мягко прошептал мимо меня. Но я понял, что был за секунду от гибели — сделай я еще один шаг вперед, никто бы не остановился и даже не заметил бы дорожного происшествия на улице между стадионом «Авангард» и госдачей номер один…

Нет, ныне футбольщики пьют не так, и слава Богу. Теперь уже появляется не столько высший смысл в философском плане, а чисто прагматический — многое можно потерять, если карьера будет сорвана из-за поддачи. Раньше — что? Не здесь, так там, а выгонят вообще из футбола, ну так немногое потеряю — кое-что уже набомбил, квартирку там, десяток тысчонок на сберкнижке,

ну плюс минус еще… А дальше что? Все тот же родной завод, молоток да зубило, или юношей гонять на заброшенных футбольных полях, со списанными, потертыми мячами после команды мастеров? А сейчас мир открылся — можно здесь, можно за границей играть, тренировать… И что, из-за этой поганой водяры терять все это? Нет, уж лучше я ужмусь, буду режимить, так, шампусика немного между играми…

Пропал романтический герой, футболист-выпивоха с ударом с обеих ног и с глоткой, куда стакан входит один к одному, и в игре потеющий, лучший, и за столом разольет так, что все скажут — опыт, мастерство не пропивается, глаз-алмаз — и такие разговоры за столом разведет, и что любить его будут и говорить — игрочила, и выпьет, и закусит, и забьет, если надо. Оттого и играет, что расслабиться может — так что смотри, салага, учись — я бутылку водки приму, буханкой хлеба и полкило сала закушу и ни в одном глазу, просплюсь, попарюсь, а выйду на поле — попробуй удержать — убегу, хоть зубами держи. Нет, нынче не так еще и потому, что нагрузки не те — при тех прошлых дозах и современном тотальном футболе ни один организм не выдержит. Когда-то правому или левому крайнему ставили пятерку за игру за пять проходов по краю и пять прострелов вдоль ворот. Сейчас скажите это кому — засмеют; конечно, за полтора часа пять рывков с разминкой по шестьдесят метров, да при таком питании — это сущий пустячок. Попробуй сейчас, поблуждав на рывках по всему полю, совершить эти проходы? Я видел тренировки Лобановского. Два часа без остановки игра в квадрате на полполя в одно касание, при которой только движение помогало быть с мячом, а, значит, в поле зрения. После такой тренировки не попьешь стаканами. Бывало, что тренеры сами следили за тем, чтобы их любимцы не теряли формы ради команды, ради результатов. Был в «Днепре» такой игрочок Василий Лябик, так Лобановский запретил выдавать ему зарплату и доплату, выплачивая только суточные на питание и на семечки, которые тот обожал. И Лябик играл, и был лучшим, а в конце сезона он все получал сполна, уезжал в свою деревню и там за месяц все спускал и приезжал на первые тренировки сезона мертвым. Но Лобан поднимал с каждого квадратного сантиметра его трезвости максимум игрового урожая, а потом безжалостно расставался с таким игроком, потому что он уже не был нужен ему. Жестко? Да. А что делать? У каждого своя роль.

В недавнем скандале с отстранением от команды «Зенит» Павла Садырина есть одна закавыка. Садырина я знаю давно, еще по шестидесятым годам, и очень высокого мнения о его моральных качествах: он честен, трудолюбив, отзывчив,

профессионал высокого класса, но с одним дефектом — он не стал жестким, жестоким, ну, сволочью, точнее говоря, которого бы боялись, а не уважали. В нашей репрессивной, нетерпимой ментальности, только обладая такими качествами, можно встать во главе сборной страны, которая, может быть, добьется успеха. Надо признаться, что не лучшим образом повели себя те, кто, обладая теперь верховенством не партбилета, а денег, столкнули лбами двух прекрасных тренеров и людей — Садырина и Бышовца, но думаю, что к Садырину еще вернутся, слишком много он сделал для «Зенита», хотя жестоки не только тренеры, жестоки и игроки. Монстры вырастают из монстров. На каждом уровне свои проблемы, и их решают методами, которые уже говорят о том — смотрите, кто к нам идет. Я сам не смог преодолеть барьера между действием жесткости и жестокости ни в жизни, ни в игре, когда тренеры орали мне на поле с лавочки: «Пожестче, Санек, пожестче…» Не вышло. Не могу сказать человеку «нет», буду тянуть, чтобы поняли сами, что «нет», не терплю насилия. Только любовь, сверхчувство человека могло меня подвигнуть на некоторые не свойственные мне поступки, я становился преступником в любви, в морали, но это касалось только сферы чувств и страсти, и ничто бы не подвигло меня на крайние физические действия. Учат тебя твои же друзья своими поступками, ужасаясь которым, ты понимаешь, что так поступать нельзя. Я был очень дружен с отличным игроком «Таврии», а прежде ярославского «Шинника», Володей Юлыгиным, я очень любил его, тянулся к нему, да и он считал меня хорошим футболистом. Я старался соответствовать ему и никогда не эксплуатировать дружеские отношения применительно к футболу, особенно когда он стал тренером и довольно хорошим. И поехал за ним сначала в Тернополь, потом во Владимир, ибо считал, что у него есть чему поучиться, несмотря на его молодость: ему было едва за тридцать тогда. Однако что разорвало мои отношения с ним? Дело в том, что отпахав за «Трактор» без замены полный сезон и довольно успешно, я получил от руководства города, естественно, через начальство команды, квартиру. Для этого мне надо было поехать в родной город, выписаться и получить ордер во владимирском горисполкоме. Когда я вернулся, то у меня уже начала болеть спина, что и привело к тому, что я ушел так рано из футбола. Пока никто не знал об этом, но квартиру я заработал честно и не терял надежды, что вылечусь. Узнав о моем нездоровье, мой дружбан, мой тренер начал плести такую туфту на полном серьезе: «Слушай, тут я беру вратаря из Навои, сам понимаешь, что без вратаря никуда, а он требует квартиру, сейчас, сразу, так

мы ему твою отдадим, а ты получишь потом…» «Володя, — честно сказал я ему, — у меня предчувствие, что это моя последняя возможность получить квартиру в жизни, врачи говорят, что дела неважны. Для вратаря всегда найдут, тем более, что он нужен, а вот для меня потом — это значит никогда…» Что тут понес мой тренер-друг, чуть ли не «да ты же советский человек», ты же порядочный парень и понимаешь, что вратарю сейчас важнее, так нужно команде, а ты о себе только… В общем, задавил меня, и я сдался. Квартиру получил вратарь, которого отчислили через два месяца за то, что пропускал и между рук, и между ног, в общем, фуфло был вратарь. Естественно, что потом, через год, уже никто и не думал давать мне квартиру, и я уехал домой и долго еще жил в доме у матери… Юлыгин даже и не понял того, что совершил в отношении меня подлянку и, встречая, улыбался: «Ты чего это, Санек, зазнался, не здороваешься, не звонишь», — а у меня с души воротит, как увижу его, как вспомню высокие слова, от которых тошнит, твою мать… И если бы я не знал всех футбольных передряг, то можно было бы вешать мне лапшу на уши… Но вот свистел Юла классно, насвистывал Баха, Шуберта, любую джазуху, талант у него был свистеть… Не насвистывать, а свистеть. Да простит он меня за давностью лет, все уже простилось в душе моей и позабылось, да и он вряд ли помнит эпизод этот — и наполеончики не замечают солдатиков.

Иногда футболистов воровали, как лошадей из стойла. Приезжали невидимые селекционеры и тайно сидели на трибунах, отсматривали хорошего, норовистого скакуна, затем подлавливали его либо у дома, либо в центре города и обещали золотые горы и славу. Если это была команда лиги повыше, делалось это всегда тайно, дабы не начали работать контрагенты из его же, футболиста, команды. Принцип такой — увезти, а потом всеми правдами-неправдами через федерацию, через взятки заявить его, несмотря на немедленно наступающую дисквалификацию. Лучше это получалось в межсезонье, в Юрьев день, когда практически ты мог перейти из команды в команду, но были и экстренные нужды, хотя из низшей в высшую забирали без труда. Было даже положение такое, но часто забирали «игравшего» в составе игрока, а он там наверху ломался, не заигрывал. Самые звонкие грабежи, такие, как воровство полузащитника Колотова из Казани в Киев, были всегда успешны здесь не должно быть осечки, слишком были большие ставки. Да и субъект подбирался уж очень стоящий. По-всякому было и на разных уровнях. Помнится, прослышали в «Таврии», что-де в

Коктебеле играет сильный полузащитник Володя Стахеев, якобы пришедший туда из одной из украинских команд мастеров. Словом, когда мы поехали играть халтуру в Краснодар, нам было просто приказано заехать за ним на автобусе, забрать в Краснодар, там проверить в игре и, если подойдет, везти прямо в Симферополь. Мы приехали на стадион, где жила команда Героя

Советского Союза, директора совхоза Македонского, зашли в общежитие, где жил предполагаемый стригунок и увидели — за столом сидел восточного типа парень, широкий не только в плечах, но и в тазу, и ел яичницу примерно из 60 яиц с салом и запивал все это мускатом. Боже, подумали, какой ему футбол? Но Мустафа, так потом мы его именовали по-дружески, поехал с нами, показался в игре и хорошо поиграл за «Таврию» несколько лет. Как-то, когда мы давно уже не виделись, а он что-то слышал о моих литературных делах, вдруг столкнулись нос к носу на вокзале. В глазах интерес и желание показать осведомленность в литературе. «Ну что… Ну как… — начал расспрашивать меня, — рукописи… не возвращаются…» «Нет, Володя, возвращаются, и еще — горят». «Ух ты, а я-то думал, мальчик (он так называет меня до сих пор), что у вас все проще, чем в футболе, оказывается, вся та же конкуренция?» «Да нет, — сказал я, — хуже — маразм». «Ух ты, да ты шо, но деньги-то капают?» «Капает, Вовик, только с конца, сам знаешь…» И мы разбежались надолго.

В обыденной жизни футбольной команды происходит много всяких случаев, не связанных с самой сутью команды, футбола. Вечно какие-то мужички со стороны подходили иногда на тренировках и заговорщически начинали проситься в команду играть — да я играл за… Но по походке, по одежде видно, что нигде никогда не играл, но в силу тупости думает, что играть в футбол просто и просто зарабатывать деньги. Тренеры поступали с такими жестоко, да и некоторые модные и пижонистые игроки: «Ладно, мужик, — говорили они, — вот пробежишь пятнадцать кругов по стадиону, а потом посмотрим, что ты умеешь делать с мячом». Бедный, он обрадованно скидывал с себя брюки, обнаруживая под одеждой черные или синие домашние трусы и салатную майку-безрукавку, и в ботинках начинал бегать по кругу, сдыхая, конечно же, на третьем или пятом круге. Затем тихо, ни слова не говоря и не поворачиваясь в нашу сторону, уходил со стадиона, на ходу натягивая на себя одежды. Жалко его и стыдно за себя. Сейчас. Тогда — нет, все считали себя кастой и могли поиздеваться над кем угодно.

Я встретил Николаича в ту пору, когда он сидел в центре города на корточках и читал газету. Мимо шли горожане,

двигались троллейбусы, а он сидел напротив центрального телеграфа и читал «Советский спорт», покуривая папироску. По национальности он был айсор, что, возможно, по происхождению из древних ассирийцев. Может быть, у них так принято, думал я, с удивлением обходя тогда молодого павиана. Он руководил духовым оркестром на мясокомбинате и тренировал их же команду. И была у него мечта — стать администратором «Таврии». Он охмурил пару авторитетных игрочков команды мастеров «Таврии», и они уговорили Сочнева взять его в команду. При первом же случае он убирает Сочнева и через два тренера сам становится начальником команды. Для меня это был пример удивительного вероломства во имя футбола, ибо то, что он сделал для «Таврии», несмотря на все обиды на него со стороны многих, в принципе, феноменально. Начну с того, что, как бы там ни было, а впервые и в последний раз областная команда вышла в высшую лигу, и если бы не глупость руководства, могла бы там удержаться. Но Николаич был для начальства всегда палочкой-выручалочкой — когда все плохо настолько, что должны слететь они, то убирали его и сваливали на него все, а когда все было хорошо, то при помощи него делали все для себя и немного для команды, когда же с командой никто ничего не мог сделать, а Николаич сидел в жопе, так они вытаскивали его оттуда, приумывали и он опять делал им команду. При всех наших сложных с ним отношениях я не могу не испытывать к нему уважения. Он был бит столько раз и столько раз поднимался, что я поверил в его происхождение от великой ассирийской армады. Николаич делал все — доставал деньги, привозил игроков, встречал и провожал судей, подыскивал тренеров, пробивал квартиры. Особенно удачным был год 1979, когда «Таврия» вышла в высшую лигу, в маленьком Симферополе запахло настоящим большим футболом, и фанаты с духовыми оркестрами ходили всю ночь по городу целой колонной и пели славу их любимой команде. «Да, он шулер», — кричали одни. «Да, он гений», — кричали другие, — но факт оставался фактом, команда при нем всегда расцветала, знаю, что многие игроки, даже очень талантливые, не любили его — он поступал с ними жестко, порой не по-человечески, особенно, когда они сдавали в игре, но он был в футболе как крупный государственный политик, во имя команды рубил голову любому. Вот любят же Сталина одни и ненавидят другие, но факт остается фактом — и футбольный народец любит сильную руку. Но она у него скорее была не сильная, а коварная, хитрая, но приносящая плоды, которые были так сладки полному стадиону и обкому партии. Хотя и его они чурались, на людях не афишируя своих отношений. Один из его

уходов был таким, что, действительно, не позавидуешь. «Таврия» после этого быстро вылетела из высшей лиги — после одной из игр четверо игроков основного состава мчали в Севастополь на новенькой «шестерке» и врезались в опору троллейбусной линии. Удар был такой силы, что железобетонная опора была перебита пополам. Два защитника основного состава Сережа Туник и Сергей Королев скончались через некоторое время, двое других сидевших в машине были потрясены и ушли из команды. Конечно, трагический случай, но ему предшествовало то, что начальство начало раздавать машины игрокам. Крайним был, как всегда, Николаич, он вскоре уехал в Севастополь, произнеся свое таинственное заклинание «Урупешти-Урупа», и команда «Атлантика» начала мелькать среди фаворитов. Через некоторое время он опять был поставлен на место до самых перестроечных и рыночных лет, уже вырос его сын малышок Сашка в красавца и стал начальником команды «Таврия».

Но с Николаичем так просто ничего не бывает. Сын исчез непонятно отчего с крупной суммой денег в баксах. Слухи говорят, что его достанут. Жалко. Маленький такой был, ползал, глазки черненькие блестели. Айсорчик. Ассириец. А Николаич, хоть и ходил всегда с пачкой газет, политикой никогда не интересовался. Он был помешан на футболе и хороших футболистах, как на скаковых лошадях. И еще, думаю, что сына Сашку отмажет, может, уже отмазал.

Как-то ребята попросили меня захватить магнитофон на дачу. Два дня Витек Шалычев просидел над крышкой магнитофона и все подпевал «ша-ла-ла-ла». Заглянул к нам в комнату бывший тогда тренером Евгений Шпинев из «Шахтера»: «Ну шо, Шурык, обезьян слушаете, ну-ну…» На следующий день сгорели «Соколу» из Саратова. После игры в раздевалке Дед посмотрел на меня умоляюще-уничтожающими глазками: «Ну шо, Шурык, видишь, до чего твои обезьяны довели, не привози больше на дачу обезьян, Шурык…» В итоге он меня так невзлюбил за это, что если бы его самого не ушли в конце сезона из команды, то он бы меня ушел точно. О, сколько заготовлено у начальства репрессий на игроков, особенно молодых. В Дании мы ехали на автобусе в другой город на игру. Наш автобус все время обгоняли, затем отставая, три девицы на открытом «Порше» — юбочки у всех выше колен до белых трусиков, естественно, вся наша команда начала им помахивать ручонками. И вот все остановились на переправе. Девчонки пригласили меня щелкнуться на капоте как для рекламного ролика, ну я, конечно, и сфотографировался. Когда автобус двинулся дальше, между всеми повисла тишина, ждали реакции руководителя из конторы глубокого бурения. И он

незамедлительно проревел в микрофон: «Саша Ткаченко, еще одно такое выступление, и ты первым же самолетом будешь отправлен в Советский Союз». Боже, каким пугалом был для нас тогда СССР, нам угрожали родным домом — отправить домой, оказывается, было наказанием. А я мечтал уехать домой, в Москву, ибо тогда меня там ждала моя первая любовь, и я так скучал, отоварился подарками — модным тогда плащом-болонья и платьем джерси специально для нее. А вообще, это так великолепно — быть успешным футболистом и любить и чтобы тебя любили, тогда все главпочты всех городов становились твоими пристанищами. В Ташкенте ты получал письмо от нее и тут же отвечал, и пока добирался до Баку, там уже лежало еще два или три, прилетал в Ростов, а почтовая девушка выдавала тебе телеграмму, поздравлявшую тебя с забитым голом, — папа выписывал «Советский спорт»… Так однажды я прилетел в тогдашний Ленинград и на главпочте ничего не получил от нее. И через неделю, и через две… Звонил, и мне отвечали, что скоро напишут, но не писали… Так я понял, что она уходила к другому, как и мой футбольный успех начал перемещаться к кому-то более достойному… «Обезьяны, Шурык, во всем виноваты обезьяны».

Футбольная игра — это своеобразный побег от действительности в художественную реальность. Сейчас я воспринимаю всё, что происходило со мной и моими соратниками, как мифологию, написанную ногами. Игры нет и всё же она есть, подтверждением тому служит моё возвращение на круги своя к бывшим стадионам, районам, друзьям и возлюбленным. Оказывается, всё это существует навсегда, и круг замыкается навечно. В мой первый переезд в Москву в команду «Локомотив» я поселился на Преображенке, а мой первый роман проистек в районе «Автозаводской». И вот, когда я снова вернулся уже окончательно в Москву, то совершенно случайно поменялся опять на район Преображении, а затем при очередном обмене внутри столицы, совершенно случайно оказался опять на «Автозаводской» — кручусь возле тех же двух мною любимых стадионов и команд — «Торпедо» и «Локомотив».

Когда я играл за «Таврию», то частенько на вокзале меня встречал из поездок дядя Федя, старый футбольный болельщик, который очень любил меня, работал носильщиком и всегда предлагал поднести тяжелую спортивную сумку. Но я всегда отказывался, и мы шли с ним по перрону, а он расспрашивал меня, как мы играли на выезде, я всё рассказывал ему и затем он говорил мне очень искренне: «Пойдем ко мне домой, у меня сад,

познакомлю с внучкой, тем более, что дом наш стоит рядом со стадионом». Но я все отказывался и отказывался. Но дядя Федя никогда не обижался, понимая, что у меня совсем другая жизнь и другие интересы. Но предлагал каждый раз, и каждый раз я отказывался. Знал ли я тогда, что попаду в его дом совершенно случайно, когда его уже не будет в живых и его прекрасная внучка станет надолго моей любимой женой? А случилось это в один из загулов, и с какой-то компанией я завалился в гости, где на стене вдруг увидел фотографию дяди Феди. Так мы начали дружить. Футбол и здесь вел подсознательную работу — если бы мы не разговорились о её дедушке и я не сказал бы, что мы были знакомы и что он раньше меня приглашал сюда, то, вероятно, я бы во второй раз не пришел в гости. Но задержался я там надолго, и пережил именно в этом доме свои самые счастливые и самые драматические дни в жизни именно с тем человеком, которого предлагал мне дядя Федя еще когда-то. И кто знает, если бы я тогда пришел, а не позже, то все ограничилось бы только счастливой частью. Конечно же, меня приняли в штыки, несмотря на то, что узнали о моей дружбе с дедом. Бабушка говорила своей любимой внучке: «Да гони ты его, этого палестинца (она почему-то меня так называла), я помню, как он еще до войны играл за флотскую команду в Севастополе и что они там вытворяли…» Хотя человек она была славный и просто понимала, что бывший футболист ничего хорошего не принесет ее внучке. И она оказалась права, хотя мы долго не верили в это вдвоем и боролись за свое счастье с ее мамой, сестрой, мужем, моим бывшим замечательным другом и с самими собой. Бабушка была колоритной украинкой со своим неожиданным чувством юмора, и когда видела наши муки и страдания, то осуждающе говорила одну фразу, ставшую для нас всех афористической: «Да не любовь это, а разгул секса. Я вон с Федей поцеловалась в первый раз, когда у нас уже Шурочка была» (это она о своей дочке). Боже, вот куда я не смогу уже вернуться — в те жаркие августовские чаепития во дворе, в дикую тайну первой настоящей любви, так щедро и по-глупому растраченной. И это тоже футбол, его походная жизнь, философия одномоментности бытия и забота только о сегодняшнем дне, ибо только футбол, игра, художественная реальность давала иллюзию, что завтра можно переиграть и победить. Но в действительности, в жесткой реальности все было по-иному. Из-за этого многие ломались, не выдерживая столновения с повседневностью, не всегда выигрышной.

Мой отец сам никогда не играл в футбол, по крайней мере не говорил мне об этом никогда. В войну он партизанил в крымских

лесах, был командиром отряда, потом работал секретарем райкома, частенько запивая, из-за чего и сломался так рано — в 53 года, но ему было от чего так переживать — он понимал трагичность своего времени и ничего не мог сделать. В последние годы он работал директором областного книготорга и налаживал сеть книжных магазинов по всему Крыму. Часто брал меня с собой в поездки, а тогда до Ялты машина шла шесть часов, и мы уезжали надолго. Мать переживала. Моя же память выхватывает такие детали интимной жизни отца, о которых я никогда не смел заговорить с матерью. Во всяком случае, чем это было, я осознавал уже взрослым, и понимал, что несмотря ни на что, отец держал семью крепкую — трое детей и беспрекословная жена. Она говорила, что никогда бы не посмела и заикнуться о его какой-то потусторонней жизни из-за гордости, не то, что нынешние жены — выговаривала она мне, намекая на мою личную ситуацию. Но память не держит дурного ни на кого. И отца я люблю безотносительно его отношений с мамой. Она умерла в 72 года неожиданно на улице от сердечного приступа. Моя любовь к ней была не показной, но материнский комплекс она удовлетворила во мне сполна — во мне многое от нее. Отцовский же комплекс, из-за его ранней смерти, не был во мне удовлетворен, и я, как ни странно, с годами тоскую больше по отцу, чем по матери, хотя и то и другое несравнимо. Но я говорю правду, и Бог да мать меня простят. Но сам я себя не прощу никогда за то, что когда отец уже болел и сидел на стадионе в казенной пижаме, а я, уже тогда пижонистый футболистик, проходил мимо компании болезненных мужчин, стеснялся подойти к нему. Да простит меня отец за это, если он только слышит. Как я мучался этим, став взрослее, как я мучаюсь этим сейчас! А я слышал, как ему говорили: «Петр, так это твой сын так всех здесь раскручивает в юношах?» Отец кивал головой и затягивался сигаретой через цветной наборный мундштук и звал меня, а я кричал, что опаздываю на тренировку, и ускользал. Отчасти потому, что мне было больно на него смотреть. Но как стыдно сейчас, Господи…

Помню, как однажды он взял меня с собой в Ялту. Сделав какие-то дела и отпустив своего шофера ночевать в гостиницу, он сказал мне: «Ну а мы пойдем ночевать в горы». Что я тогда понимал? И зная, что со мною отец, ничего не боялся. И мы буквально пошли в горы, как помнится, в сторону подножья горы Ай-Петри. Мы долго поднимались по длинной тропинке, в конце которой стоял у самого подножия поношенный дом, светившийся одним окном. Отец в тяжелом кожаном пальто, в галстуке и со свертком в руке медленно шел в гору, другой рукой подтягивая

меня за собой. Наконец, мы пришли и остановились у двери. Отец постучал как-то странно, как будто подал знак. Дверь немедленно отворилась, и изнутри ему на шею бросилась женщина: «Петя…» Помню, что меня накормили и быстро уложили спать. О, эти родительские тайны! Наутро, крутясь с отцом по его работе, я забыл об этом, да и что я понимал? Лишь со временем всплывающая картина трактовалась совсем по-другому, и я понимал еще и то, что он, провоевавший почти всю войну в партизанах, вероятно, имел не только один этот дом, где ему разводили навстречу руки. Кстати, отец был очень смелым человеком, отстаивая свои убеждения. Уже когда мне было лет тридцать пять, я был приглашен к одному из его бывших друзей по партизанскому движению, совсем недавно ушедшему из жизни Северскому Георгию (все помнят картину «Адъютант его превосходительства», так вот, это его сценарий), и он сказал мне: «Я хочу показать тебе одну книгу, чтобы ты знал правду о твоем отце, это книга приказов и распоряжений по Крымскому партизанскому соединению», — он раскрыл на второй или третьей странице — там было напечатано на машинке следующее в форме приказа: «Расстрелять Ткаченко Петра Матвеевича за то, что он, выйдя к Севастопольскому железнодорожному полотну для разведки, возглавляя группу в шесть человек и встретив по пути немецкий отряд в количестве до 100, не вступил с ними в бой, а отступил в лес». Дальше шел приказ об отмене этого приказа. «Это и ежу понятно, что отец был прав, ведь смысл Партизанск…» — начал говорить я, но Северский отрубил: «Сначала нужно было это доказать. И он доказал». «Как?» — спросил я. — «Это было его первое ранение и орден «Красной звезды»?, — сухо ответил Северский. — «Что же вы раньше мне этого не показывали?» — «Боялся, что ты неправильно поймешь». Нет, я всё правильно понял… И ещё. Я навсегда запомнил фразу, которую отец сказал мне незадолго до смерти: «Запомни, сын, самые страшные люди — это люди из КГБ, они будут пить, гулять, дружить с тобой, но потом во имя якобы государственных интересов предадут тебя».

Боже, боже, вот тебе и футболь — сын футболиста будет футболистом, сын партизана будет партизаном. Всё верно. Вся моя литературная и общественная деятельность — это какая-то партизанщина, подпольщина. Видно, дело не только в генетике, дело скорее в стране, в которой ты появился на свет и вынужден жить, всё время доказывая свою правоту и отсутствие вины, которую тебе повесили от рождения, чтобы держать в узде.

Большой футбол начинается и заканчивается дворовым футболом. Именно отсюда армии футболистов под взгляды «козлятников» уходили на побоища зеленых полей под свисты и аплодисменты трибун. Сюда же возвращаются, но не все — новые заработанные квартиры выплевывают их на хоккейные клетки на уже никому не нужные гладиаторские бои для здоровья толстых неклюжиков — и бывших профи и жалких любителей, все они теперь играют в одну игру, забирая мастерство друг у друга, врезаясь по инерции в борты и дико матерясь.

Когда мы пацанами начинали играть, то главным для нас было достать мяч. Боже, как мы лелеяли его, латали, шнуровали, смазывали рыбьим жиром и обувным кремом. Ниппельный мяч — это была привилегия мастеров. Во дворе же, в конце пятидесятых — начале шестидесятых, уже не играли романтическими банками, связками чулок, зашитыми в какую-нибудь оболочку, тогда на смену шнуровочным мячам пришел знаменитый пластмассовый в пупырышках мяч. Он был круглый, довольно упругий и напоминал настоящий, во всяком случае, это было подобие настоящего мяча с ниппелем, и мы протирали его до полной лысости, затем покупая новый. Стоил он недорого, и, скинувшись по рублику, мы имели новый мяч. Если же к нам попадал настоящий ниппельный кожаный мяч, то мы его берегли для официальных игр, красили нитрокраской и, когда он вдруг прокалывался, то, вырезая кружок с ниппелем, вытаскивали оттуда камеру, запускали новую, но уже с надувной «пипкой». Он, конечно, немного выпирал заправленной в маленькое отверстие камерой, но был все равно хорош. А вообще мяч для футболиста значит очень многое — особенно правильность его формы. Иногда не отцентрированный в производстве мяч летал над полем и катался по нему, как пуля «дум-дум», портя настроение игрокам. У него то отскок не тот, то не приложишься к нему как следует, то не обработаешь. Если попадался такой экземпляр, то мы упрашивали судью поменять мяч, и он соглашался. Но сейчас, по-моему, правила строги: нужно играть тем мячом, который был взвешен и отобран судьей перед матчем, и ничто не заставит его заменить мяч во время игры, разве только что если он вдруг взорвется. Сначала на наши футбольные поля пришли знаменитые венгерские мячи «Артеке». Это были классные мячи, особенно покрашенные белой тонкой нитрокраской для эластичности или потом уже для долговечности. Затем мячи черно-белые «Адидас» и, наконец, испанские мячи «Танго». Сейчас мяч купить не составляет особенного труда, опять скинувшись, нужно пойти только в магазин и выбрать любого красавца. А тогда… Их не было в магазинах, были только советские со

шнуровкой. Но время от времени у нас во дворе появлялся первоклассный мяч, и мы не задумываясь начинали резаться им. Так однажды в разгар игры вошел милиционер и забрал мяч, уведя и самого яростного нашего игрока по кличке Кован — он был самым отличным вором футбольных мячей. Он как цыган уводил из стойла приезжих команд мастеров таких красавцев, что мы диву давались, уходя далеко за город, на зеленые поляны, чтобы не стирать мяч и еще чтобы никто не видел, чем мы играем. Кован действовал профессионально, зная час тренировки приезжей команды, он залегал в соседнем со стадионом саду с черешнями и собаками на проволоках и замирал там на всю тренировку. Часто он возвращался ни с чем, но иногда удача подваливала к нему. Если кто-то из игроков пробивал слишком сильно и слишком мимо, то мяч долетал до этого сада. Кован не спешил, он дожидался, когда на стене вырастал кто-то из футболистов, виновников длинного удара, и, увидя скопище собак, спрыгивал назад, объявляя всей команде и особенно администратору, что нет, не нашел, либо шел к сторожу сада договариваться. Вот здесь наступал час Кована — он бросал собакам отвлекающий кусок колбасы, выхватывал мяч из глубокой травы и утекал через только ему ведомые щели и ступени стены, разделяющей сад, стадион и город. Команда уезжала, и, конечно же, мяч списывался. Но однажды он украл мяч у родной команды мастеров, таким образом, и мы, не думая ни о чем, играли им во дворе, но кто-то заложил нас — играют профессиональным мячом, вот и пришел мусор и увел нашего бедного Кована. Конечно же, большой беды не было, мы пошли все в милицию, мяч, конечно, нам не вернули, Кована наказали тем, что сообщили в школу и вызвали родителей. Но кончилось все классически — однажды мы проходили мимо стадиона «Динамо», где занимались физподготовкой хилые милиционеры. Они играли в футбол, но играли мячом, отобранным у нас. Кован заверещал, побился головой об асфальт, заплакал, затаился, продолжая таскать мячи только у приезжих…

Взрослые мужики, выходящие из подъездов от своих анабиозных жен в странном шмотье под лучами утреннего солнца и щелк таких же птиц — те же самые дети, только сорок-тридцать лет назад. Суть дворового футбола не изменилась, только телеса не те, а так азарт, смелость, бесшабашка, крики и оскорбления, однако, во имя ничего — ни у кого нет футбольного будущего. И еще — в детском дворовом футболе есть восхищение тем, кто играет лучше, а сейчас — ненависть… Естественно радиация цинизма жизни не прошла мимо, так и лучат ветеранчики хамством, ебом, хитростью. Конечно, это не касается настоящих

футбольных ветеранов, бывших профессионалов, здесь все уважительно и пристойно. Но дворовый футбол есть дворовый, только из него дорога в никуда. Теперь уже и весь пыл смешон, ведь ты знаешь, чего они все стоили бы на большом футбольном поле, в большой схватке нервов, мышц и страстей. За несколько лет игры в хоккейной коробке несколько сломанных ног, ребер и куча испорченного настроения, хотя, не скрою, и годы полноценного самочувствия. Только теперь понимаешь, что для любой духовной работы нужна и физическая сила, приходишь после бегов и садишься за стол, думая, вот напишешь что-то, но ни фига — клонит в сон, мысль ускользает… Плоть дожидается восстановления, чтобы на его поле взошли цветы свежих эмоций, свежих устремлений.

Почти в каждом городе на городском стадионе играют в клетках бывшие ветераны местной команды мастеров. Это элита. Играть с ними могут только бывшие игроки команды мастеров всех поколений. Здесь царят внешнее уважение и обхождение, хотя бьются тоже, как и прежде, с азартом и в кость, ног не жалеют, садят мячом с любого расстояния по маленьким воротикам, где стоят игроки, и попадают им по лицу, задницам и животам. «Ничего, — кричат футболеры, — массажик полезен»… Здесь и эстетически приятней — формочка, техничка, мячишко, сауна после зарубы и разговоры о том, как сыграют сегодня их последыши из нынешнего состава. Да, еще дела, помощь друг другу — то машину починить, то устроить еще что-то…

Но коробка, где собираются двадцать два неизвестных, — это иное дело. Со временем одеваться стали лучше, а то выходили во всем садово-огородном и резались навылет со спорами, со штрафными, имея своих авторитетов, но не по игре, конечно. Кстати, есть коробки, где режутся для здоровья и бандиты, и крутые, приезжая на тяжелых джипах и фордах. Но суть одна — футбол может всех сдружить или поссорить и, что самое главное, никто ничем никого не удивляет — все уже нахватались от жизни всего, наелись, никто ни перед кем не останавливается. Тебе шестьдесят? Вышел на площадку — бейся, будешь стоять, задыхаясь от рывка, напихают полную пазуху, мол, иди домой, дедуля, спать, а здесь не стой, не объедем. Жестокость неимоверная, пожалуй пожестче, чем у настоящих, и, скорее всего, от неумения, а точнее, от злости неумения… Есть, конечно, индивиды, но они тонут в обществе футбольных выскочек на старости лет — хоть сейчас побоговать над прошлыми игрочками, да пусть хоть и калек травмированных или безруких, но не пропустить, а главное уязвить словом так, чтобы не думал, ты, мол, такой хороший был или есть. Получи за всю растрату.

С нами долгое время в коробке играл мужик, который неизвестно как потерял руку, ну, в общем, однорукий мужик, играющий неважно в футбол. Ну и дай ему Бог для здоровья — как может, и то хорошо, лучше, чем с другой, оставшейся целой, водку пить. Так однажды заспорили, когда мяч попал ему не то в плечо, не то в грудь: «Рука была», — кричит один, другой орет: «Да не было у него руки»… Пенальти били, а руки не было, она была, но Боже, какой стыд, не видят человека, а он стоит и переживает, знает, что нет руки, хотя была когда-то…

Вот так и у нас всех была игра когда-то…

«Никакого мастерства, одна совесть». — Это можно было сказать о человеке в черном, перебегающем с одной стороны поля на другую и время от времени жестами или свистком останавливающем игру. Однако, не всегда так можно сказать — «одна совесть». Слишком большое искушение стоять внутри всех футбольных тайн во время игры и не повлиять на ход истории полутора часов матча. Есть два типа судей: тот, кто как бы сторонний наблюдатель и вмешивается в крайнем случае, когда нарушаются правила игры, и тот, кто активно вмешивается в процесс игры, ломает сначала одной команде, потом, потакая стадиону и предполагаемому отстранению от судейства, ломает и другую… Про таких судей говорят: «Не дал играть, засвистел всю игру». Вообще рефери на поле хозяин, и от его характера и желаний зависит исход матча, особенно в случае почти равных соперников. Вот тут-то и начинаются соблазны, о которых так много слышат и игроки, и болельщики. И это почти всегда видно, особенно тем, кто хоть немного знаком с практикой. Вообще, как говорят, сплавить игру нетрудно: раз свистнул не там, где надо, другой раз как бы ошибся: «Ой, извините», — смотришь, штрафной назначил недалеко от ворот не по делу, пробили его и — гол! Командочка уже и занервничала, тренер в перерыве рвется в раздевалку, грозится, а что сделаешь — второй тайм кое-как дотянул, глядишь, и два очка у хозяев поля, а за благодарностью не постоят. Как? Механизмы никогда не разгадаешь, но ломаются судьи, не все, конечно, ломаются судьбы команд. Так что тренеры зачастую молят Бога о том судье, который бы не помогал, хотя бы не мешал играть. Как говорят, упаси меня, Господи, от друзей, а с врагами я и сам справлюсь. Судья по футболу — это такое же призвание, как и футболист. Зачем он нужен на поле? Чтобы наблюдать за состоянием сторон и делать выводы, исходя из закона. Как в суде, только настоящем, а не подвластном звонкам и взяткам.

Раньше судья матча бегал вдоль поля первый тайм от защиты к нападению, а второй тайм — вдоль поля от нападения к защите, боковые же судьи менялись и стороною газона, и также половинами его, как бы все это уравновешивало возможности следить за нарушениями в полном объеме. Но вот уже лет двадцать пять как главный судья на поле перемещается по диагонали, а боковые помогают ему по тайму, перемещаясь все так же по линии защитников, тоже по диагонали, но с разных сторон. Это, казалось бы, должно обеспечить полный объем правового пространства на поле, но отчего так много споров, скандалов, подозрений, дисквалификаций, решений о запрещении судить пожизненно? Потому что на самом деле идут две игры — на поле и в жизни, игры команд друг против друга и игры судей.

Судьи и коллегии судей должны иметь свою независимую лигу с хорошими гонорарами, исключающими подкуп, но пока деньги поступают все из одной и той же кормушки, это невозможно. Остается уповать только на последнюю инстанцию — на совесть, хотя справиться со стихией игры, особенно ключевых матчей, при стечении большого количества народа очень трудно. Признаюсь, я отдавал предпочтение судье и был готов простить ему ошибки, если побеждала команда, за которую я играл или потом уже болел. Футбол поднимает в человеке такие глубины неведомого, и я могу только предполагать, что я бы повел себя так, как думает сейчас трезвый мозг, но когда ты в опьянении игрой, на вздроке фанатизма толпы, то неизвестно, как поведешь себя. Почти все осудили Марадону за гол, забитый рукой, и сказавшего, что это была рука Бога. Но если свисток судьи промолчал, то я не уверен, как каждый из его критиков повел бы себя в такой момент. Слишком велик соблазн, да и ты не один — за тобой твоя команда и целая камарилья работающих на футбол и живущих за счет его. Думаете, они простили бы Марадону и вас, грешного, если бы вы, остывая на миг, отходя от наркотика атаки и азарта или не выходя из этого состояния, остановились бы и сказали: «Я был не прав»?

Судьи при советской власти были развращены самим принципом построения чемпионов — принимающая команда принимала и судей. Гонорар был смехотворен — пятьдесят или сто рублей. Естественно, небольшая дотация местных бонз, и все — прощай, независимость. Конечно, не все, но практически все, чем угодно, но брали. Могут обижаться на меня, но сама система была такова, и человек практически не был виноват. А что, если ты войдешь в номер и откроешь холодильник, а там стоит все, что нужно для хорошего ужина, да еще как бы случайно заглянет

красотка? Ты что, откажешься? И когда будешь рассчитываться за номер, а тебе вежливо говорят, что за все уже заплачено, а ты станешь возмущаться, да? А этого уже тогда хватало, чтобы как минимум сохранить суточные и проездные. Мелочь… Да вся жизнь тогда была дешевая, и покупали и продавались за несравнимые по нынешним меркам бабки. Нет, были приличные люди но им было трудно выжить в этой схеме - либо, они сдавались, либо их сплавляли.

Раньше футбольные судьи мало двигались по полю. Теперь надо обладать хорошей физической формой, чтобы поспевать за игровыми моментами вовремя, уметь изогнуться, чтобы узреть невидимую игру рукой или очередную незаметную подлость одного игрока против другого. Так что судьи, так же как и футболисты, проводят свои сборы, бегают, играют в футбол, семинарствуют, большинство из них в прошлом сами хорошие или классные игроки, знающие все подлости этой великой игры. Футболистам стало труднее демагогировать с судьями — они знают, что судья сам играл и знает игру не хуже него. Поэтому подчиняется. Но судья не только блюститель порядка, он — активный участник игры, к нему апеллируют игроки, он разводит разборки, он — мировой судья. Горе, если он начнет карать и только. Вся игра сломлена. Выгонит игрока, и вроде оправдание есть, а совесть мучает: момент-то спорный был, и, хуже того, мучаясь, начинает подсознательно помогать обиженным. Цена двух очков или очка так высока, что ответственность прямо-таки страшна. Скольким судьям угрожали, скольких избивали — еще больших предавали анафеме прямо на поле, неимоверно освистывая, скандируя «на мыло». Сейчас существуют видеозаписи, после которых можно установить истину: был снос в штрафной или нет. Но даже если была ошибка судьи, матч не переигрывается, как и судьба — ошибаться могут все. Неслучайно и протест подается только на недоигранное или переигранное время — ведь именно за эти считанные секунды и можно было все изменить, а момент не переиграешь. Другое дело — лишают квалификации за преступные ошибки или вообще могут изгнать. Вот поэтому и необходимо разделение футбольных и судейских властей. Судейская коллегия — это независимая каста неподкупных профессионалов, которых должен судить свой высший суд, а не горячие головы тренеров, игроков, меценатов. Во всей трагикомедии со сдачей игр за деньги у судей было и есть собственное место, и смешно было бы думать, чтобы они упускали свое. И здесь опять встает вопрос об обмане тех, кто свято верит в действо, вернее, в справедливость творимого на его глазах, в его переживаниях, а потом вдруг понимающего, что его

попросту надули, не знавшего, что если судья, назначив штрафной удар прямо перед воротами, отодвинет точно на девять метров стенку, так это почти гол, но может и не отодвинуть, и не настоять… Никогда не забуду игру против дубля киевского «Динамо». Играли почему-то в Люблино при полном стадионе. Круликовский замучил меня своими подкатами, но я все же несколько раз проскочил мимо его ног-секаторов. С отбитыми лодыжками и ахиллами я уходил с поля в толпе после игры. Судья почему-то подошел ко мне и сказал: «Ну что, пощипал тебя Сережа?» «Судить надо», — ответил я. «Скоро так будут играть все защитники», — буркнул пророчески он.

А в это время ко мне подошел в толпе вывалившихся на поле болельщиков смешной поддатый мужичок в матроске и с большим биноклем. Он рассматривал меня крупно в увеличительные стекла, затем переворачивал бинокль, и я становился маленьким и удаляющимся в его зрении и памяти навсегда. Как, впрочем, и он для меня. А между нами шагал человек в черном — судья, арбитр моих чувств и телодвижений, неотступный, карающий то справедливо, а то совсем не по делу…

Чувство мяча, чувство поляны, чувство команды, чувство удара и, наконец, чувство гола… Заметили, как много в футболе уделяется чувству, казалось бы, в этой грубой, жестокой порой игре и так много связанного с настроением, с малейшими подвижками в характере. Такой-то, говорят, забил решающий гол и «похоронил» команду. Или не забил и «простил» вратаря. Голеадоры забивают не голы, а «шпалы», «нлуки», «кладут красавцев», не работают с мячом, а «держат его». Дело не в сленге, дело в сенсорике, в повышенной чувственности игроков. Мяч исполняет в футболе чуть ли не женскую роль — чувствуешь его, любишь — в ответ получаешь то же самое. Это дается нелегко, с детства, чуть ли не спать нужно с мячом. К сожалению, тренировки мальчишек сейчас проходят совсем не так, как раньше, может, методики изменились, но все меньше и меньше технарей, таких как Сергей Сальников, Михаил Гершкович, Володя Мунтян. Только мальчик получит на тренировке мяч в ноги и хочет что-то сделать с ним, а ему уже кричит наставник: «Отдай мяч, не держи его!» И он отдает, нужно ли, не нужно, но отдает, хотя ранний коллективизм вреден. И самое неверное, на мой взгляд, в тренировках технике учат в целом, технику не разделяют на элементы и не дают по стадиям, чтобы потом собрать воедино. Подход к мячу — великое дело, но это нужно растолковать, ибо без понимания того, что как подойдешь к мячу,

так и пробьешь, так и остановишь, — ничего не получится. Никто не объясняет, что ноги, вернее движение их, переступание с одной на другую, дабы мяч не застал тебя врасплох, — это главное. По себе помню, что если выходишь на поле и ноги у тебя легкие, подвижные, и твой мозг не должен принуждать к тем или иным движениям, и ты как бы забываешь о плоти, а она все делает на подсознании, на том динамическом стереотипе, о котором так долго говорили нам тренеры, сами не разбираясь в этой афористике. И вот игра пошла, и ты сыграешь обязательно хорошо, но если голове нужно давать команды, какой финт делать или как бить — щечкой, а не внешней стороной стопы, то все, лучше садись на банку и суши сухари — дело швах… «Что ты возишь мяч?» — часто раздавалось со стороны скамейки. «Не вожу, а держу, пока кто-то не откроется, стоят же все». — «Ну возьми его в руки и держи», — орали в ответ. Кстати, мяч должен все время ходить от игрока к игроку, даже и без явного продвижения вперед. Дело в том, что под хождение мяча двигаются и все игроки. И в какой-то момент может открыться брешь, куда можно воткнуть мяч для продвижения атаки — на свободное место, на выход, за спину защитнику. Отсюда и складывается великая геометрия игры, если это настоящий коллективный футбол.

Мальчишки, выросшие под окрик «отдай мяч», подходя к штрафной, не знают, что делать с ним, и конечно же, теряют его. Нужны как минимум десяток пластических движений, пляска над мячом и имитации ударов или отдачи, дабы к тебе побоялись подойти, ибо, если броситься на все это, то и появятся пресловутые щели в обороне. Однако обычно игрок, принимая мяч, застывает на месте, хотя перед тем как получить его, он должен сделать несколько отвлекающих жестов, чтобы сбить с толку противника.

Вспоминаю, как играл киевлянин Андрей Биба. Он получал мяч и пробивался с ним к бровке, и бровка служила ему своеобразным партнером. Никто не мог просечь, что из-за бровки Бибу никто не атаковал, а он страховался этим и, видя перед собой всю картину игры, мог распорядиться как угодно мячом, держа его на замахах и ложных передачах. Затем, дождавшись, когда на него оттянется примерно половина играющих, длинным пасом переводил мяч в другую половину поля, где уже действовали защитники и полузащитники из его команды.

Что и говорить, футбол — великое искусство, и как жаль, что в среднем игрок вытягивает десяток лет — как он мог бы усовершенствоваться, но… Когда я стал уже гораздо старше после всех моих неудач с травмами, я начал играть просто так, для себя

за какую-нибудь командочку и понял, что, приобретя жизненный опыт, стал играть лучше в смысле понимания игры, мудрости, не было молодецкой суеты, и сложные задачки теперь решались проще.

Футбол, как ни странно, в отличие от многих моих друзей, дал мне какую-то жизненную уверенность, и когда я сразу после команды мастеров пришел работать на телевидение в качестве ассистента кинорежиссера, то мне не составило большого труда через полгода почти самому снять документальный фильм, который потом показывали по ЦТ. Мой первый режиссер был самоуверен и нагл, но не ему же меня, футболиста, учить этому. И когда мы на вертолете прилетели к памятнику на Сиваше, и его надо было снять крупняком, то мешал географический знак, и мой режиссер небрежно бросал мне: «Так, знак закопать!» Я исчезал на несколько часов и, появившись в гостинице, на вялый и недоверчивый вопрос: «Ну и что, закопал?» — я так же нагло и уверенно отвечал: «Да, закопал и знак, и памятник». Режиссер только ахал: «Во дает, футбол ер». «Но сегодня вечером надо снять пару девочек», — продолжал мой провинциальный Феллини, — «но чтобы там без разговоров, да — да, нет — нет». Он корчил из себя торопливого гения, и когда я привел в номер двух девиц, то после поддачи и нормального разговора моя легко раскололась, а его так разозлилась, что ушла домой, ибо мой Феллини долго пропихивал ей что-то о контрапункте в киноискусстве. А потом самоуверенно предложил ей дать ему, намекая на свою образованность и интеллект. (И это в черноморском районе, где ни о Феллини и даже ни о Бондарчуке не слыхивали). И помню, как он, кирной, орал ей вослед: «Как жрать, пить — да, а как утешить бедного интеллигента, так у меня сегодня краски, краски»… Ну как можно с таким? Плюнул я на него и бросил его великое искусство после его «хорошего отношения к лошадям». Да и не «краски» были у его девицы, а просто он был обыкновенным мудаком. Потом я узнал, что после показа по ЦТ все документальные фильмы попросту сжигаются, чтобы не захламлять кинофабрику, и я бросил это глупое занятие. В душе, как тогда казалось, ютилась «нетленна», и начал я заниматься этим проклятым делом — складывать слова в строки.

И когда я в первый раз как поэт полетел в Америку на международную писательскую программу, то совершенно спокойно один добрался до маленького университетского городка Айова-Сити (студентов 27 тысяч) и поселился в гостинице и был счастлив: «Во как принимают! Все живут в общежитии, хотя и в одноместных номерах, а я, видно, большой перец, коль в Америке в классной гостинице живу один, хотя и плачу недорого, со

студенческой скидкой». Но все оказалось не так просто. Мы подружились с замечательным парнем — эмигрантом из Москвы Игорем Савельевым, и он на второй неделе вдруг честно говорит мне: «Вот ты думаешь, что ты такой крутой, мол, из СССР поэт, бляха-муха, живешь в отеле один… А ты знаешь, что живешь здесь только потому, что все остальные писатели из тридцати стран отказались жить с тобой вместе, узнав, что ты из Советского Союза?» Меня это немного задело: ведь я-то есть я, причем здесь весь совок… Опять спасло чувство хорошего финта, вернее, врожденная или воспитанная футболом естественность. Я надел спортивный костюм, кроссовки и пошел играть со студентами в соккер. Неуклюжие американцы, плохо играющие в европейский футбол, были немного поражены, что визитер-профессор из страны советов, приняв мяч на грудь, нанизывая пачками студентов-футболистов, начал забивать гол за голом. И для многих писателей, не принявших меня в свою семью как совка, тоже было неожиданностью: после лекций они останавливались у футбольного поля, видели, как я, не обращая на них никакого внимания, делал знакомое мне дело, затем перевели кое-что из стихов, увидели, что это поэзия, но все-таки не спешили раскрывать объятия… Наконец, наступил кризис. Прибегает как-то вечером Игорек Савельев и говорит, что венгерского писателя за то, что он, поддавший, оскорбил аргентинскую писательницу, высылают из Америки, изгоняя с программы. Она написала письмо и требует этого от руководства программы. «Ждут твоего мнения, ибо решили опросить каждого», — сказал Игорек, и мы прыгнули в его двадцатилетний «Форд». Собрание было в разгаре. «Господи, — подумал я, — тот же совок», — и сказал примерно следующее, что высылка из Америки венгерского писателя в пока еще коммунистическую страну сломает его жизнь навсегда (это был 1988 год) и что эти методы доносов писателей на писателей мы прошли, и я поражен, что западные интеллектуалы ничем не отличаются от восточных и, что самое главное, если Ферри будет выслан из Америки, то я в знак протеста покину программу вместе с ним. Это было рискованное заявление для меня, бывшего в Штатах впервые, но я был искренне зол, и азарт взыграл во мне. Шеф программы Фред Вудард побежал звонить в Вашингтон. Он сказал, вероятно, что я был против высылки венгра, и откуда-то с американского верха, а тогда только началась политика сближения, ответили, что пусть все остается на своих местах, только примирите и успокойте аргентинку. Так оно и было. Я уехал с Игорьком в отель, и мы ночью напились с ним и бедным венгром в ночном баре. Спасенный все время ставил.

Наутро за мной приехал огромный джип, и меня попросили

переехать в общую семью писательского народа, где я и прожил около четырех месяцев. Правда, венгра перевели на мое место в отель, но он был не в обиде — все равно все уже были вместе. Так я вошел в цивилизацию через поступок, через все то же «нэ вэлэно». Кто знает, если бы я не играл в футбол со студентами после лекций и на меня не посмотрели бы собратья по международному перу обычным взглядом, а не взглядом немного удивленным и, возможно, где-то в глубине души с детства любящим футбол, я бы так и жил один в номере, подозреваемый во всех смертных грехах гомосоветикуса…

Кто как, а я считаю, что коллективизм в футболе вовсе не делает его интересным. Приятно, конечно, видеть четкую, дисциплинированную командную игру. Понаблюдав, однако, за ней минут двадцать, я начинаю скучать и переключаю внимание на соседей-болельщиков. Кто-то из них оглядывается по сторонам, кто-то сосет мороженое, и только ветераны-профессионалы между собой о чем-то умно рассуждают. И пока какой-то игрок не встрепенется на поле, не отчебучит нечто эдакое, забыв о жесткой командной дисциплине, никто из болельщиков и головы не поднимет! Бывают игроки — рабочие лошадки, на них все движение в команде держится. Но есть и такие, которые вроде бы и бегают мало, но каждый их порыв, каждый жест на виду.

В искусстве бытует такое понятие: элемент остаточной памяти. Произведение считается по-настоящему стоящим, если этот самый элемент в нем присутствует. Речь идет о том, что забыться может почти всё, но какой-то образ или поворот ваша память непременно зацепит надолго… Так и в футболе. За рамками мысленного кадра остаются общий план игры, набеганный километраж, а несколько виртуозных финтов, неожиданных комбинаций, дерзких бросков вратарей и красавцев голов фиксируется, словно на видеоклипе. Букет подобных моментов и делает игру игрой; именно этим, по-моему, притягателен и велик футбол.

«Работай, Санек, работай, — говорили мне в давнюю пору моих увлечений тренировочными нагрузками, — лошадь тоже работает». И был в том подзуживании определенный толк. В том смысле, что игра — это отнюдь не работа. Вообще, думаю, не бывает игроков без игроцкой натуры. Вероятно, это и особенный тип человека такого, ну и воспитание. Присмотритесь к любому незаурядному футболисту и обязательно обнаружите, что он в любой игре может играть хуже или лучше, но никогда не

бездарно. Потому что сама система подготовки, жизнь в постоянных тренировках и матчах развивают в нем азарт, смекалку и хитрость, смелость и волю.

Помню, как в пятом классе в детской спортивной школе у нас появился кумир — Толик Пахом. У пацанов вызывали трепет и тихий страх его «взрослые» наколки: на левой ступне Пахома было выколото «они», на правой — «устали». Толик курил папироски и обыгрывал всех запросто. Но не за счет какой-то выдающейся техники, а брал всегда жесткостью и хитростью. Мог, например, обвести защитника, испугав его или… пообещав конфету после тренировки. Когда она заканчивалась, Пахом, уже без тренера, обычно собирал нас на пустыре за стадионом и выдавал: «Если кто даст рубль на пирожки и минералку, то я вам такую чуму покажу!» Нам, конечно, этот его «коронный финт» был знаком, но всякий раз мы с изумлением покупались. Кто-то из мальчишек бросал перед Толиком отцовский рубль, а тот извлекал откуда-то настоящий кирпич. Недолго колдовал над ним, потом заносил над своей головой и резко его «брал на череп». Кирпич разламывался пополам, Пахом смеялся. Мы считали, что он маракует, обманывает нас, заранее надламывая кирпич. Пахом подрос и заиграл. Только в другие игры. Лет через пятнадцать я встретил его случайно — он только что вернулся с зоны, освободился, значит. Наколок, уже более серьезных, было море, но ко мне он бросился как к родному: «На зоне все читал про тебя, пошли…» Мы распили бутылку водчонки, и я спросил его о кирпиче. Он даже обиделся: «Как это — надломленный, Санечка! Я же после каждого такого финта уходил от вас с рублем и плакал по дороге домой от боли. Мне просто надо было обыграть вас, да и есть очень хотелось…»

Футболисты играют в карты, в бильярд, в настольный теннис, на бегах, в домино. В основном, чтобы скоротать время между играми и тренировками. На базах футбольных команд все условия для этого есть. Ничего не запрещается, кроме игры в карты на деньги. Хотя играли и, думаю, играют. Раньше — в «секу», в «трыньку». Поставил каждый пятачок, раздали карту, и тянешь, у кого больше. Так собирается свара. Азарт усиливался, заигрывались до полуночи, несмотря на то, что завтра игра. Тренеры вынюхивали, где собираются картежники, ловили, штрафовали, но все бесполезно: собирались конспиративно, меняя номера. Только авторитетные игроки могли сами сказать, что, мол, хватит, а то завтра спать будем на поле… и все расходились.

Замечено, что если у игрока поставлен хорошо удар, то это передается во все игры. Валентин Бубукин, к примеру,

обладавший классически поставленным ударом с обеих ног, и на бильярде был лучшим «ударником» — вколачивал такие шары намертво от двух бортов в угол, что и профессионал позавидовал бы. На сборах мы так увлекались игрой на бильярде, что к концу весны каждый входил в приличную бильярдную форму. Играли друг с другом всерьез, на деньги, правда, на небольшие.

Были и смешные случаи. Я почему-то постоянно обыгрывал явно лучше меня игравшего на бильярде центрального нападающего «Зенита» Вальку Гусева. Он злился, метался, всех укладывал, но на мне неизменно спотыкался. Я имел от него маленький, но постоянный доходец. Он ловил меня до обеда, после обеда, до тренировки или после игры, но у меня с ним шла кладка и все тут… Наконец, надо было уезжать, сборы закончились, вечером я опять дерганул его в пирамиду и выиграл свой четвертак. А под утро услышал стук в дверь своего номера, было часов шесть, я открыл, передо мной стоял Валя Гусев в спортивном костюме и с кием: «Шурка, пошли, ну не могу я!..» Я ссылался на усталость, говорил, что еще сплю… В общем, он обыграл меня сонного, назначив крутую ставку. В самолете его глаза сверкали. «Да дело не в деньгах, — сказал он мне. — Успокойся…» Хотя вопрос этот спорный, и вот почему.

Совсем недавно, на юге, вместе с Андреем Битовым, его женой Наташей и моей Татьяной мы коротали время за картами. Играли в покер. Вместо денег ставили на кон гальку с коктебельского пляжа. Играли мы лихо, при каждой сдаче на руках появлялись такие комбинации, какие и не снились и профессионалам-«игровым»: через раз «фул хэнд», «стрит»… Мы позвали настоящего картежника, и он подумал, что мы дурим его, что мы играли всю жизнь, хотя мы только что научились. Он сказал, что все это невероятно и что мы блефуем. Когда он ушел, мы вообще-то поняли — феномен в том, что мы играли не на деньги, а на камешки. Между игрой и деньгами мистическая связь: как только они включаются, все становится на свои места…

Но футболисты играют во все игры не только потому, что коротают время, а потому, что натура такая — игроки ведь! Игроки на поле, игроки в жизни. Само по себе футбольное поле и формирует игрока, и оно притягательно для натур играющих. Преферанс был когда-то модной интеллектуальной игрой. Играли в него и футболисты — в поездках на задних сиденьях автобусов. Но еще более увлекательным оказывался сам преферанс жизни. Сыграешь лучше всех — не сыграешь? Выбьешь квартиру — не выбьешь? Доплату, телефон… Все входило в систему игры. Сама жизнь игрока, пока он играл, строилась по принципам игры. Вот когда он заканчивал карьеру — это уже другое, другие игры: поле

суживалось, но желание и готовность играть во все и во вся не проходило. Трудно объяснить состояние куража, но без него нет ни одного приличного игрока. Кураж — это когда ты чуть-чуть на отлете, момент самой игры тебя опьяняет, все становится по фигу, даже сама игра, ты уже как бы над ней, и поэтому у тебя все получается как бы и без твоего участия. Кураж может быть вызван чем угодно, я склонен связывать его с подсознанием. Замечали вы когда-нибудь: приходишь, скажем, в компанию и скучаешь. Вдруг появляется женщина, которая всех, тебя в том числе, приводит в состояние повышенной говорливости, появляется желание «выступать», тянет на подвиги… Вот это и есть состояние куража. У футболиста кураж может быть вызван многими факторами: хорошим полем, новой футбольной амуницией, даже неожиданно игровым мячом, который особенно как-то выглядит и ложится к ноге. Ну и, конечно, присутствие на трибуне прекрасных дам.

Еще более сложное чувство — внутренний кураж: отчего он приходит, ты и сам не знаешь. Но вдруг начинаешь гарцевать и выдавать лучшую игру на задрипанном стадиончике при пустых трибунах… «Каталы», «игровые», которые работают в поездах, на курортах, ничего общего с настоящими игроками не имеют. У этих трезвый расчет и жульничество. Все построено на том, чтобы обмануть партнера — крапить карты, иметь систему оповещения, ну и так далее. Я же говорю об игроке в духе Достоевского.

Риск футболиста очень высок. Он постоянно находится в зоне опасности — удается ли игра, удается ли сезон, удастся ли жизнь. Собственно, все потом у него строится по этому же принципу. И многие трагические уходы с пьянством и подзаборным концом — это все из серии игр, из серии куража, но уже со знаком минус. «Да, все они живут, а я вот буду спиваться, и пусть они меня жалеют, помня, как я играл. Попью у них на глазах, пусть видят, как я переживаю, как опускаюсь.— с этого начинается момент рисовки спивающегося футболиста, но потом, когда он видит, что никому это не нужно, он еще больше вживается в это состояние. А далее уже ни ему до внешней среды, ни внешней среде до него нет дела. И все. Только сильные люди могут в конце концов выйти из этого штопора.

Однако, у многих футболистов характер, воспитанный на поле, в постоянной драчке, возне, с необходимостью мгновенно разрешить ситуацию, принимать решения, остается уже на всю жизнь. Знаю, что многие известные игроки московского «Динамо» стали в свое время высококлассными дипкурьерами — это довольно ответственная и опасная работа. Но большинство становится тренерами, таким образом до конца дней своих продолжая игру. И действительно — то, что было сформировано

футболом, помогает в жизни. Причем это уже происходит спонтанно, потому что ты по-иному не можешь реагировать на удары и сюрпризы действительности. Ага, тебя наказали, а ты ему в оборотку, ага, он тебя обводит где-нибудь на пятачке кабинетной работы, а ты думаешь: «Да неужели я этого кабинетного червяка не обыграю на его поле? Нет проблем».

Никогда не забуду, как ко мне, автору уже двух книг и члену Союза писателей, пришли с обыском местные гэбэшники. Они перед этим перехватили меня в городе. Я шел по улице. Возле гостиницы «Украина» ко мне подкатила черная «Волга», и меня втолкнули на заднее сидение как раз между двух жлобов. «Александр Петрович, надо проехать и поговорить…» Привезли меня за город в райотдел милиции. Мне было отвратительно, и я не чувствовал за собой никакой вины. В милиции сидел какой-то хмырь невеселый и пара ментов в форме. «Нам нужно взглянуть на вашу квартиру, ходит слушок, что у вас там кое-что имеется…» У меня не было тогда таких замашек, как, например, потребовать ордер, а иначе, мол… Я четко знал, что если им надо посмотреть и в чем-то убедиться, они это сделают даже ночью, когда ты будешь спать и не заметишь этого. Знал, что у меня дома нет ничего, кроме мелочей, ибо всегда понимал, чем занимаюсь и что могут прийти. И вот тут, что называется, я поймал кураж. Мне захотелось поскорее раскрутить их, узнать, а что же они имеют против меня. Надо было брать инициативу в свои руки: взыграл футбольный азарт. Я сказал, мол, о'кей, только прошу, поскольку у меня мать старенькая, милиции быть не в форме, а то ей плохо станет. Они тут же быстро переоделись, и два мента с двумя гэбэшниками на двух машинах поехали ко мне домой. Я сказал матери, что пришли приятели по делу. Мать поставила на стол в моей комнате бутылку сухого вина, я закрыл дверь, врубил Челентано и лег на тахту. Мастерилы из «конторы» начали свое дело. Они перевернули все книги и рукописи. В итоге нашли сборник Марины Цветаевой лондонского издания и две мои рукописи еще не изданные. То, что нужно было, они принесли с собой. Этого я не ожидал и протокол об изъятии у меня «Доктора Живаго» не стал подписывать. Вот здесь я попросил показать ордер, они помахали перед глазами какой-то бумажкой, собрали все в кучу, сказали, что заставят меня подписать протокол в другом месте, и ушли.

Меня обуревали ярость, обида и возмущение. В секунду созрел план действий. Контратака! Я увидел в окно, что они пошли пешком, благо город маленький, унося папки с моими рукописями в своих паскудных ручонках. Я выскочил через второй выход во дворе и тут же поймал машину. Пригнувшись,

проехал мимо них, шепнув шоферу: «Гони на Франко», — там находилось управление КГБ. Через три минуты я стоял у дежурного и просил, чтобы он срочно представил писателя службисту, который отвечает за идеологию. После коротких телефонных консультаций меня провели в довольно просторный кабинет. Там сидел человек (впрочем, не буду описывать его, они довольно типичны), на которого я обрушил поток возмущенных выкриков. Смысл был один: только что у меня незаконно произведен обыск, подброшен компромат, конфискованы мои рукописи и это дело рук представителей КГБ. Человек встал из-за стола и принялся орать на меня. Именно в этот момент в комнату вошли те двое, которые в присутствии двух ментов проводили обыск. Я сказал: «Ну вот и ребятки…» Человек за столом посмотрел на них очень нехорошо и началась, как теперь говорят, настоящая разборка. На истошном оре, на мате! Ну не любят они «вонючих», и слава Богу. Они любят тихих и покладистых. В общем, закончилось это тем, что я, тогда еще веривший, что обком может быть справедливым, припугнул их, что в понедельник буду там. Они усмехнулись моей наивности, и ответили, что побывают там в воскресенье.

История имела вполне футбольное окончание. Секретарь обкома по идеологии, страшный болельщик, когда узнал об этом, то, как мне передали, позвонил в контору и сказал им: «Когда играл, был человеком, а сейчас поэт, ебть… Оставьте его в покое, что он там может написать…» Временно меня отпустили и даже вернули рукописи, кроме, конечно, подброшенной книги Пастернака. Но потом были, разумеется, еще приколы, но это уже другие истории. Один из ментов позднее встретил меня на футболе, подошел и сказал: «Шурик, прости, приказали…» Я ему ответил: «Да шел бы ты…» И он не обиделся.

Игры, в которые мы играли помимо футбола, были, разумеется, и спортивные. Больше всего футболисты любят играть в «дыр-дыр». Это очень образное название игры в футбол на ограниченной площадке с маленькими воротами. Количество играющих может быть один на один, два на два и так далее. На баскетбольной площадке, скажем, четыре на четыре, на хоккейной — семь на семь. Играли и на деньги. Клали, помню, по трешке под штангу, и победившая команда забирала деньги. Пропивать эти копеечки, однако, шли все вместе.

Играли мы и на серии пенальти. Договаривались с вратарем о ставках и били по очереди. Одно время Валентин Бубукин заразил нас и такой игрой. С линии штрафной, поставив мяч, нужно было в пустые ворота попасть десять раз, но так, чтобы мяч влетел в створ на высоте. Если низом — уже проиграл. Надо

сказать, что мало кто умел это делать даже из классных игроков. Казалось бы, пустые ворота, а вот… Вероятно, все дело в психологии. Но любимой игрой футболистов, не знаю, как сейчас, а в наши времена был «квадрат». На углу поля между линией штрафной и лицевой это происходило. Четыре игрока становились па бокам и передвигались, а двое отбирали мяч. Игра шла в два касания. «Квадрат» мог продолжаться часами. Особенным классом считалось «засунуть» мяч одному из бегающих и нападавших между ног. Кстати, касание отбиравшего означало, что он, согласно очереди, покидает «квадрат» и становится на линию. А тот, кто «сгорел», вдет водить. Увлекались до умопомрачения. Тренеры потом даже стали запрещать такие тренировки, потому что игроки теряли свежесть.

«Квадрат», так или иначе, входит в систему тренировки футболиста. Но верхом мастерства, признанием исполнителя «игрочилой» между «квадратчиками» являлось то, что он мог и в игре, в самой острой ситуации «засунуть» мяч между ног противника. Механизм тут простой. Если ты идешь с мячом на защитника и замахиваешься, то он может инстинктивно поднять ногу. В этот момент ты засовываешь мяч ему под опорную, и он не успевает переступить с ноги на ногу, как мяч оказывается у него за спиной. Особенно здорово это получалось у Стрельца, Метревели, Численко, Бышовца, Маркарова. В основном у нападающих. Но если этим занимались последние защитники или «хавы», то возникала, конечно, опасность нешуточная, потому что за ними кроме вратаря не оставалось никого…

Был такой игрок Юра Иванов, он играл за спартачей и «Локомотив». Однажды в центре поля Юра в игре «засунул» дважды подряд мяч между ног соперника и захотел проделать этот трюк в третий раз. Мяч у него отобрали и на быстрой контратаке забили гол. После игры Иванова безжалостно отчистили из команды. У Юры был перебор, как в «очко».

Сознание игрока формируется в отрочестве. Между футбольными зарубами во дворе мы играли во все денежные игры: в «об стенка», в абдрашит. Может, кто помнит, как в южных городах почти на каждом углу сидели на корточках парни и молодые мужчины и бросали время от времени кости. Это были в прямом смысле кости — из хвоста барашка. Побеждал тот, у кого выпадала лучшая комбинация. Мужик в полуприседе долго тряс сведенными ладонями с костяшками внутри, затем бросал их на землю. Компания приникала к ним и считала. То была знаменитая в то время игра в Крыму — абдрашит. Мы тоже играли в нее, хотя это было забавой тогдашних крутых. Мы же больше играли в «расшибалочку» и в «об стенка». В первой на кон

клались медные деньги и с расстояния, броском камня, кон разбивался. Затем надо было ударить камнем по монете — так, чтобы она перевернулась на другую сторону, и монетка становилась твоей. В «об стенка» нужно было ударом монетки обо что угодно, хоть об дерево, как можно ближе приблизиться к монетке соперника, а потом большим и указательным пальцами и натянуть расстояние между ними. В случае удачи монетка становилась твоей.

В таком нот игровом пространстве — дворового футбола и игры в деньги — проходило наше межурочное время. Мы и выросли такими — хитрыми, осторожными, рисковыми, смелыми, драчливыми, изворотливыми. И - играющими. Поколение нынешних пятидесятилетних «крутых» было сформировано послевоенными дворами. Поэтому-то их и начали отстреливать нынешние молодые «крутые»: ведь в поведении матерых еще были элементы благородства, своеобразной чести, желание решить проблемы миром, развести. Но из наших дворов кто куда уходил: одни — в большой футбол, другие — в большую тюрьму, в армию. Все, однако, уносили в себе этот сладкий порок — игру, каждый превращался в так или иначе постоянно играющего человека. Футбол же узаконивал твой статус игрока надолго, почти пожизненно. И что бы ни сделал потом, все вспоминали о тебе сразу: «А, этот футболист, помню, как он не забил (или забил) такой голешник!»

Однажды мы сидели часа за два до начала игры на трибуне минского «Динамо» с Валерой Головкиным и наблюдали, как тренируются две легкоатлетки. Они отрабатывали шестьдесят метров со старта. Мы смотрели, помалкивали и вдруг Валера сказал: «Ну что, Щурец, поставим по пятерочке? Ты на какую?» «Я на красную маечку». «Ну, а мне другая…» …Совсем недавно мы встретились с другим моим бывшим футбольным дружком. Стояли в подъезде и толковали уже не помню о чем, и вот он говорит: «Смотри, по стеклу ползут вниз две капли…» Мы рассмеялись, ударили по рукам и разошлись в разные стороны.

Мяч, пробитый мною когда-то мимо ворот, до сих пор летит над землей.

Вратарь, бросившийся за ним, так и завис в воздухе.

Переполненный стадион, стоя, ревет, провожая глазами улетающий мяч.

Я застыл на опорной ноге, вытянув другую ему вослед.

Обе команды, как в музее мадам Тюссо, овосковели — каждый игрок в своей позе.

Судья, отвернувшись от атаки, все еще держит свисток во рту.

Трава футбольного газона выросла по самые плечи и продолжает расти…

Я дышу тяжко, посвистывая сквозь усы с проседью.

В небе стоит вечернее солнце и не садится за восточную трибуну.

Огромные легкие трибун задержали вдох и никак не выдохнут.

В комментаторской звонит телефон, желая узнать счет.

На табло горит ничейный результат, цифры с обеих сторон велики, и время — 10 февраля 1997 года.

Я сижу за компьютером и набираю эти строки.

Но.

Я все так же стою на опорной ноге, вытянув другую, посылая мяч, на переполненном стадионе, вздыхающем легкими трибун, вздыхающем по мячу, пролетающему мимо, и по вратарю, не достающему его, по мячу, улетающему все дальше и дальше от стадиона, заросшего травой, от игроков, застывших в позах античных атлетов с пустыми глазницами, полными слез…